СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА ИМЕНИ А.Я. СУХАРЕВА

Хабаровский филиал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сборник материалов
Межрегионального научно-практического круглого стола

(26 марта 2025 г.)

Хабаровск

2025

УДК 343
ББК 67.4
А43
А 43 **Актуальные проблемы досудебного производства: вопросы теории и практики:** сборник материалов межвузовского межрегионального научно-практического круглого стола (Хабаровск, 26 марта 2025 г.). М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2025. – 230 с.

Редакционная коллегия

Трубчик И.С., директор Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции

Киселёв Е.А., заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции

Крючкова В.Ф., доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции

Нестерова И.Д., заместитель руководителя редакционно-издательского и информационно-библиотечного отдела – руководитель редакционно-издательского отделения Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, капитан юстиции

Составитель – *Крючкова В.Ф.,* доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции

Сборник сформирован по материалам, представленным на межвузовский межрегиональный научно-практичсекий круглый стол, проведенный 26 марта 2025 года Хабаровским филиалом Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева. Круглый стол организован при участии ученых Дальневосточных вузов, специалистов, сотрудников правоохранительных органов. Материалы сборника представляют интерес для юристов – ученых и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы, идеи и взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов. Статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

© Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2025

Приветственное слово

директора Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, заслуженного юрист Российской Федерации, почетного сотрудника СК России полковник юстиции
Ирины Степановны Трубчик

Уважаемые участники конференции!

Разрешите Вас поблагодарить от лица руководства Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева за участие в Межрегиональном научно-практическом круглом столе: «Актуальные проблемы досудебного производства вопросы: теории и практики».

В работе круглого стола принимают участие руководитель Следственного управления по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области Следственного комитета Российской Федерации генерал-майор юстиции Станислав Юрьевич Белянский и следователи Следственного комитета по Дальневосточному Федеральному округу и Восточного военного округа, представители ведущих вузов г. Хабаровска. Наше мероприятие проводится как в очном, так и в дистанционном формате.

В ходе работы круглого стола обсуждены проблемы досудебного производства при расследовании уголовных дел.

Исторически так сложилось, что из Устава уголовного судопроизводства 1864 года были заимствованы некоторые демократические положения, которые нашли свое отражения в уголовно-процессуальном кодексе 1923 года. Кодекс просуществовал 37 лет в нём предусматривалась независимость следственного аппарата от прокуратуры, а прокуратура в свою очередь осуществляла надзор за следствием и подержанием обвинения в суде. После Великой Отечественной Войны страна нуждалась в обновлении действовавшего уголовно-процессуального законодательства РСФСР.

В тот период были разработаны и введены Основы уголовного судопроизводства 25 декабря 1958 года, которые вводили ряд демократических положений, имеющих целью предотвратить нарушения закона.

Кроме того, закреплённые принципы уголовного процесса являлись по существу демократическими и закрепляли неприкосновенность личности, а также принцип осуществления правосудия только судом. Перед органами следствия стояли задачи по обеспечению полного объективного исследования обстоятельств дела, обеспечение обвиняемому права на защиту и язык судопроизводства.

Основы уголовного судопроизводства послужили базисом для принятия в 1960 году Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, который расширил новые демократические положения того времени.

Следует отметить, что одной из новаций того времени, явилось закрепление в кодексе 1960 г. детально регламентированных прав участников процесса.

Во-первых, подозреваемый и обвиняемый стали самостоятельными фигурами;

Во-вторых, допущен защитник по делам, где проходили несовершеннолетние именно с момента предъявления обвинения.

Также были внесены значительные изменения, которые коснулись процессуальной регламентации деятельности следователя.

В дальнейшем, когда в России в начале 1990 г. произошли демократические преобразования общества, в УПК РСФСР были внесены соответствующие прогрессивные поправки, которые коснулись гарантий подозреваемого и обвиняемого по поводу обжалования ими арестов и продления содержания под стражей.

Следует отметить, что в ходе проведения судебно-правовой реформы в 2001 году был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который был обусловлен принятием Конституции Российской Федерации в 1993 году. Действительно принятый в 2001 году новый Уголовно-процессуальный кодекс являлся прогрессивным, но достаточно многие в научном сообществе его критиковали.

Так, З.Д. Еникеев подчеркивал, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не соответствует мерилам оптимальности. А главным образом-современному состоянию и тенденциям развития преступности. Оно не в состоянии обеспечить должную правовую охрану общечеловеческих и национальных ценностей[1].

Однако З.В, Макарова сделала однозначный вывод о том, что уголовно-процессуальный кодекс не надо совершенствовать, а необходимо разработать его новую концепцию[2].

Следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс, 2001 г. при наличии ряда недостатков все равно имел демократическую сущность и предназначение для борьбы с преступностью. В него было внесено достаточно большое количество поправок в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Если анализировать те изменения, которые были внесены в УПК РФ они коснулись прав потерпевших, которые уровняли их права и обязанности с виновными лицами, тем самым был обеспечен принцип состязательности сторон.

Помимо этого, законодателем были приведены в соответствие равные права между потерпевшим и виновным лицом выделив в п.8 ч.2 ст.42 УПК РФ право

---

[1] Еникеев З.Д. Совершенство законов и эффективность их применения как важные условия борьбы с преступностью // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью: материалы Всероссийской. Научно-практической конференции, посвящ.95-летию Башкирского гос. Университета Уфа, 2004. С. 12.

[2]Макарова З.В. Нужен новый уголовно-процессуальный кодекс // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса российской Федерации материалы межвузовской научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2006. С. 25.

следователя по выяснению желание потерпевшего иметь защитника. Прогрессивным является и тот факт, что на законодательном уровне была решена задача по защите прав несовершеннолетних.

В связи с чем, внесенные дополнения в ст.45 УПК РФ были направлены в первую очередь на защиту несовершеннолетних, которые были подвергнуты половым преступлениям, а ч.2.1 указанной статьи была дополнена следующей редакцией «потерпевший по делам о половых преступлениях в возрасте до 16 лет должен быть обеспечен участием защитника в качестве представителя[1]. Кроме того, в УПК РСФСР не было такого понятия как отстранения законного представителя потерпевшего от участия в деле, когда действиям законных представителей несовершеннолетних причиняется вред их интересам.

Однако законодателем внесённые соответствующие положения в ст.45 УПК РФ (ч.2.2) дали возможность следователю отстранять от участия в деле законного представителя потерпевшего, который наносит ущерб интересам несовершеннолетнего. В этой ситуации следователь допускает другого законного представителя несовершеннолетнего[2].

По-нашему мнению это были наиболее значимые изменения, которые коснулись прав и законных интересов несовершеннолетних.

Уважаемые коллеги! полагаем, что целью нашего проводимого научно-практического круглого стола является углубления знаний уголовно-процессуального законодательства и строгого их соблюдения.

В ходе научно-практического круглого стола будут обсуждены практические и проблемные вопросы правоприменения уголовно-процессуального законодательства. Позитивным в работе круглого стола является то, что в его работе принимают участие представители различных правоохранительных органов, а также профессорско-преподавательский состав ведущих вузов Дальнего востока и филиалов Московской академии. Данное представительское мероприятие, придаст научную и практическую направленность.

По итогам работы научно-практического круглого стола будет сформирован сборник материалов, который будет способствовать формированию научной мысли, а также окажет помощь в расследовании преступлений.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 08 августа 2024 г. №267_ФЗ) URL: https://bast.garant.ru/, дата обр.28.01.2025.

[2] См. там же.

Т.О. Будина[1], **Н.Л. Васильева**[2]
[1,2] Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве отдельных следственных действий

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), доктринальных подходов, а также материалов правоприменительной практики обосновывается вывод о необходимости решения проблем, возникающих в связи с реализацией принципа права на неприкосновенность жилища при производстве отдельных следственных действий в российском уголовном процессе. В статье анализируется термин «жилище», «жилое помещение», а также «право на неприкосновенность жилища» в российском уголовном процессе, определяется структура реализации данного принципа, а также место и роль в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Автором на основе проведенного анализа делается вывод о том, что некоторые нормы УПК РФ изложены некорректно и вызывают неясности при их толковании и применении.

Ключевые слова: жилище, жилое помещение, проблемы, следственные действия, право, безопасность, законодательство, практика, актуальность, уголовные дела.

Пределы вмешательства государства в права граждан на неприкосновенность жилища определяются содержанием самого понятия «жилище», его законодательным закреплением и интерпретацией в судебной практике. Поэтому крайне важно определить, что подразумевается под рассматриваемым термином, какое содержание в него вкладывает законодатель и как это содержание толкуется правоприменителями, чтобы понять истинную сущность данного права.

В законодательстве нет единого содержания термина «жилище», в определенных отраслях права данное понятие трактуется по-разному. Например, в Жилищном кодексе РФ (далее ЖК РФ) не содержится конкретного определения «жилища», но перечислены виды жилища, а также принцип неприкосновенности его произвольного лишения.

В соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах, одобренным Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966, никто не может подвергаться произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность жилища. На данной международно-правовой норме основана ст. 25 Конституции РФ, текст которой почти дословно воспроизведен в ст. 3 ЖК РФ.

Статьей 25 Конституции РФ гарантировано право на неприкосновенность жилища. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения[1].

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

УПК РФ дает следующее содержание термина «жилище» – «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания»[1].

Следует подчеркнуть, что почти дословно такое же определение закреплено в примечании к ст. 139 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ)[2], за тем исключением, что в уголовном законодательстве иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, может быть признано жилищем, если оно предназначено для использования в целях временного проживания, а в уголовно-процессуальном законодательстве, если оно именно используется в таком качестве.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал толкование термину «жилое помещение» для статьи 107 УПК РФ указав, что «под жилым помещением для целей статьи 107 УПК РФ понимается любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям»[3].

Существуют различные толкования содержания права на жилище. В частности, утверждается, что оно включает в себя возможность приобретения подходящего жилья и право на его стабильное владение.

Понятие неприкосновенности жилища связано исключительно с проникновением в него посторонних для законно проживающих в соответствующем помещении лиц. В этом случае интересно мнение процессуалистов Тихомировой Л.В. и Тихомирова М.Ю., которые отмечают, что: «доступ в жилище посторонних лиц возможен лишь при ясно выраженном согласии проживающих в нем граждан»[4].

Законодатель выделяет различные способы и формы ограничения прав и свобод человека и гражданина, ярким примером чему может служить введение таких ограничений в условиях чрезвычайного положения или военного времени. Здесь предусматривается период, по истечении которого восстанавливается

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СПС КонсультантПлюс.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. февраль, 2014.

[4] Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридический справочник по жилищным вопросам / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2011. С. 18.

возможность пользоваться правами. Одновременно существуют и более постоянные ограничения, не связанные с экстраординарными ситуациями и правовыми режимами, устанавливаемыми при их наступлении.

Так, анализ законодательства показывает, что неприкосновенность жилища ограничена положениями закона, допускающими в отдельных случаях правомерное проникновение в него, но в порядке исключения. Такие ситуации предусмотрены достаточно большим количеством законов, к примеру, Федеральный конституционный закон «О военном положении»[1], Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении»[2], Федеральный закон «О полиции»[3].

Итак, перечень таких случаев определяется непосредственно нормативными правовыми актами РФ, на каждый конкретный момент он является исчерпывающим.

Несмотря на наличие отдельных ограничений, неприкосновенность жилища как право гарантируется совокупностью различных правовых требований, обеспечивающих практическую исполнимость данного конституционного права.

Анализируя материалы судебной практики, можно увидеть, что толкование данной нормы вызывает затруднение в части того, о каких именно осмотрах жилища идет речь в ч. 1 ст. 12 УПК РФ. Так, отдельные проблемы обнаруживаются при анализе судебной практики в тех случаях, когда жилище стало местом преступления, и для расследования требуется его осмотр[4].

В частности, на уровне Конституционного суда Российской Федерации, была рассмотрена жалоба гражданина Е.П. Фомина, где говорилось, что осмотр квартиры от 24 июня 2021 года произведен с нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку его согласие на осмотр жилища не получено, материалы для проверки законности проведения осмотра жилища в суд не направлялись. Судебная коллегия же ответила тем, что перечисление видов осмотров в части 1 статьи 176 УПК РФ (осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов) прямо указывает на то, что осмотр места происшествия и осмотр жилища являются разными процессуальными действиями. Закон не предусматривает получения судебного разрешения на осмотр места происшествия, а также согласия проживающих в квартире лиц, если местом происшествия является жилище. С учетом изложенного, оснований для признания доказательств, а именно протокола осмотра места происшествия от 24 июня 2021 года, а также, производных от них,

---

[1] Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) «О военном положении» // СПС КонсультантПлюс.

[2] Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении» // СПС КонсультантПлюс.

[3] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О полиции» // СПС КонсультантПлюс.

[4] Машинская Н.В. Условия правомерности производства осмотра места происшествия в жилище // Общество и право. 2024. № 1(87). С. 27–31.

в том числе заключений экспертиз, недопустимыми доказательствами не имеется[1].

Стоит отметить, что данная позиция суда справедлива, поскольку из буквального толкования ч. 1 ст. 12 УПК РФ законодатель прямо высказался об осмотре жилища, а не об осмотре в жилище, повторив то же самое в ст. 176 и 177 УПК РФ, чем четко отграничил процессуальные требования к двум данным следственным действиям – осмотру места происшествия и осмотру жилища. Тем более, что осмотр места происшествия возможен и на этапе доследственной проверки, а здесь сжатые процессуальные сроки имеют крайне важное значение[2].

Продолжая рассматривать реализацию принципа «неприкосновенности жилища», следует отметить, что согласно статье 12 УПК РФ, его действие распространяется исключительно на осмотр, обыск и выемку, не охватывая другие следственные действия, которые также могут происходить в жилище (например, следственный эксперимент, допрос и прочие). УПК РФ не устанавливает четких правил относительно того, требуется ли следователю (дознавателю) получать судебное разрешение для проведения указанных следственных действий в жилом помещении, или достаточно просто согласия лиц, проживающих в этом помещении.

Поэтому отдельными исследователями предлагается предусмотреть в тексте УПК РФ требование о том, что «Правила, предусмотренные настоящей статьей, подлежат применению также в случаях, когда проникновение в жилище необходимо для производства в нем допроса, очной ставки, проверки показаний на месте, других следственных и процессуальных действий»[3].

Помимо сказанного об иных следственных действиях, нельзя не учитывать, что вполне возможна ситуация, когда для проведения проверки показаний на месте также может потребоваться посещение жилища, в котором, к примеру, ранее состоялось преступное событие. Однако законодатель никак не высказался на предмет производства данного следственного действия в жилище, о необходимости заручиться согласием жильца такого помещения, других лиц, либо получения на проведение данного следственного действия согласия суда, также не упоминается. Согласно ст. 194 УПК РФ, данное следственное действие вообще не подразумевает даже вынесения постановления о его производстве.

При этом Конституционный Суд РФ по данному вопросу занял вполне понятную категоричную позицию, указав, что «вопреки утверждению заявителя,

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 № 1364-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Евгения Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 93, 176, 177 и частью второй статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[2] Кузнецова С.М., Нуриев, И.Н. Право участников уголовного судопроизводства на осуществление проверки сообщения о преступлении в разумный срок // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 13–19.

[3] Гриненко А.В. Принципы уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник для вузов / отв. ред. А.В. Гриненко. М., 2004. С. 40.

положения этой статьи не являются неопределенными и не содержат дозволения проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц при проверке на месте показаний, ранее данных подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелям, а потому конституционное право Н.А. Киятова на неприкосновенность жилища не нарушают»[1].

Таким образом, стоит отметить, что данный пробел может быть восполнен соответствующими дополнениями в ст. 194 УПК РФ и, соответственно, в ст. 29 УПК РФ для того, чтобы предусмотреть механизм устранения возможных препятствий для производства проверки.

В заключение можно сказать, что конституционное право на неприкосновенность жилища имеет сложную структуру и может быть представлено в виде нескольких ключевых юридических возможностей. Понятие «жилище» может иметь разные значения в зависимости от контекста. Однако в уголовном и уголовно-процессуальном праве нет оснований для различий в определениях, поэтому необходимо унифицировать формулировки, содержащиеся в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и Уголовном кодексе РФ.

Литература

1. Гриненко А.В. Принципы уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник для вузов / отв. ред. А.В. Гриненко. М., 2004.

2. Кузнецова С.М., Нуриев, И.Н. Право участников уголовного судопроизводства на осуществление проверки сообщения о преступлении в разумный срок // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 13–19.

3. Машинская Н.В. Условия правомерности производства осмотра места происшествия в жилище // Общество и право. 2024. № 1(87). С. 27–31.

4. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридический справочник по жилищным вопросам / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2011.

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2010 № 911-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киятова Николая Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 2.

Н.Л. Васильева[1], **А.Е. Ефремова**[2]
[1,2] Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Экспертные ошибки процессуального характера и пути их предупреждения

Аннотация. в настоящей статье на основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, доктринальных подходов, а также материалов правоприменительной практики обосновывается вывод о необходимости рассмотрения экспертных ошибок процессуального характера. В работе раскрывается понятие экспертных ошибок в уголовном процессе, иллюстрируются конкретные примеры процессуальных нарушений, совершаемых экспертами, и анализируются факторы, способствующие их предотвращению и выявлению.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебная экспертиза, эксперт, экспертное заключение, экспертная ошибка.

В ходе назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы ошибки могут быть обусловлены некомпетентностью следователя (суда) при определении задач экспертизы или некорректными действиями эксперта при ее выполнении. Комплексная оценка экспертного заключения является необходимым условием для выявления и исправления ошибок, допущенных на любом из этих этапов.

Даже при соблюдении требований статьи 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[1], которая обязывает экспертов проводить объективные и научно-обоснованные исследования, и обеспечивать возможность проверки выводов, эксперты все равно могут допускать ошибки.

По мнению профессора Р.С. Белкина, экспертная ошибка является следствием добросовестного заблуждения эксперта, приводящего к неверным суждениям или действиям, не отражающим объективную действительность и препятствующим достижению цели экспертизы. В отличие от этого, заведомо ложное заключение предполагает умышленное искажение результатов исследования, выражающееся в сокрытии фактов, применении неверных методик или сознательном игнорировании важных признаков[2].

Учёные-процессуалисты А.А. Зинин и Н.П. Майлис предлагают следующую классификацию экспертных ошибок[3]:

---

[1] Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. 2001. № 106. 5 июня.

[2] Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 187.

[3] Майлис Н.П. Введение в судебную экспертизу: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2012. С. 88–89; Зинин А.М. Судебная экспертиза. М.: Право и закон, 2002. С. 243.

1. Процессуальные ошибки – это нарушения процессуального режима и процедуры экспертного исследования. К ним можно отнести: выход эксперта за пределы своей компетенции; самостоятельное собирание материалов и объектов экспертизы; обоснование выводов материалами дела, а не результатами исследования; осуществление не предусмотренных законом действий (например, без согласия следователя или суда разглашение данных предварительного расследования).

2. Гносеологические ошибки – это заблуждения при познании обстоятельств уголовного дела или иных фактов, имеющих доказательственное значение. Они могут быть логическими, связанными с нарушением законов и правил логики, и фактическими, представляющими собой искажённое отражение какого-либо факта.

3. Операционные (деятельные) ошибки – это действия (или бездействие) эксперта, идущие вразрез с правилами и рекомендациями методик проведения экспертиз. Они включают в себя: дефекты в организации рабочего процесса; неправильное использование средств исследования или их непригодность; получение некачественного сравнительного материала; применение ошибочно выбранной методики.

Данная классификация помогает систематизировать ошибки, допускаемые экспертами, и способствует разработке мер по их предупреждению и устранению.

Рассмотрим наиболее распространенные процессуальные ошибки, которые допускаются судебными экспертами.

Процессуальной ошибкой признают случаи выхода эксперта за пределы своей компетенции. Например, при установлении рода смерти (убийство, самоубийство или несчастный случай) эксперт самостоятельно получает копию заключения экспертизы трупа. В рамках лингвистической экспертизы по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации эксперт отвечает на вопрос о наличии в тексте порочащих сведений, тогда как квалификация сведений как порочащих является прерогативой суда, но не эксперта. При производстве судебно-баллистической экспертизы эксперт для подтверждения своих доводов цитирует Федеральный закон «Об оружии» и приводит собственную его оценку.

Не определение компетенции и квалификации эксперта (ст. 204 УПК РФ) может привести к значительным проблемам в процессе судебной экспертизы. Компетенция эксперта включает уровень профессиональной подготовки в конкретной области, что позволяет ему проводить исследования представленных объектов. Высокая квалификация эксперта способствует качественной организации его работы и обеспечивает возможность профессионального консультирования по вопросам, требующим применения специальных знаний[1].

[1] Бурова Е.В. О наиболее распространенных ошибках, допускаемых экспертами при оформлении и производстве экспертиз по исследованию следов человека // Научно-практический журнал «Теория и практика судебной экспертизы». 2015. № 3 (39). С. 121–122.

Не редко причинами экспертных ошибок является отсутствие у эксперта документов, подтверждающих дополнительную специальную подготовку.

Например, если эксперт назначен для оценки технических средств, использованных в преступлении (например, анализ видеозаписей или цифровых данных), и у него нет подтверждений о прохождении соответствующих курсов по цифровой криминалистике, это может привести к неправильной интерпретации данных. В результате его заключение может оказаться недостоверным, что повлияет на исход дела.

Для предотвращения и выявления экспертных ошибок необходимо своевременно их обнаруживать.

Одним из ключевых факторов является предоставление следователем или судом эксперту качественных объектов, соответствующих как процессуальным, так и материально-техническим требованиям. Это требует внимательного подхода к выбору, упаковке объектов и формулировке вопросов, задаваемых эксперту.

К процессуальным ошибкам эксперта также относятся самостоятельный сбор материалов и объектов для экспертизы, существенное изменение экспертом смысла поставленных вопросов, обоснование выводов материалами дела вместо результатов исследования и другие подобные нарушения.

Таким образом, для решения проблемы экспертных ошибок необходимо проводить научно-практические семинары, конференции с участием судебных экспертов, следователей, судей. Также важно издавать методические рекомендации по предотвращению таких ошибок.

Эффективный контроль качества судебных экспертиз со стороны руководителей экспертных учреждений, рецензирование заключений в других экспертных учреждениях и качественная подготовка и переподготовка экспертных кадров помогут снизить количество экспертных ошибок.

Завершая наше исследование, хотелось бы сделать вывод о том, что эксперт, несмотря на его знания, умения и навыки, может допустить ошибки в ходе своей деятельности, которые впоследствии вытекают в следственные и судебные ошибки. По мнению учёных-процессуалистов, экспертные ошибки подразделяются на процессуальные, гносеологические и операционные. Необходимыми условиями по снижению экспертных ошибок являются повышение профессиональной квалификации и контроль за качеством выполнения экспертных исследований.

Литература

1. Сорокотягин И.Н. Экспертные ошибки и их классификация // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 212.
2. Моисеенко И.Я. Ошибки в следственной и экспертной практике // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Выпуск № 4. С. 211.

3. Майлис Н.П. Введение в судебную экспертизу: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2012. С. 88–89.
4. Сорокотягин И.Н. Экспертные ошибки и их классификация // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 209–210.
5. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997.
6. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Норма-Инфра, 2001.
7. Зинин А.М. Судебная экспертиза. М.: Право и закон, 2002.
8. Бурова Е.В. О наиболее распространенных ошибках, допускаемых экспертами при оформлении и производстве экспертиз по исследованию следов человека // Научно-практический журнал «Теория и практика судебной экспертизы». 2015. № 3 (39). С. 121–122.

П.В. Вдовцев
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
Екатеринбургский филиал

Досудебное сотрудничество с обвиняемым: анализ отдельных спорных положений закона

Аннотация. Среди проблем досудебного производства обращают на себя внимание те, что связаны с реализацией норм, составляющих в своем единстве институт досудебного сотрудничества с преследуемым лицом; не все из этих норм оптимальны; следовательно, необходимо предложить такую их интерпретацию, которая наилучшим образом впишется в концепцию данного института; формулированию интерпретационных позиций, имеющих целью усовершенствовать применение института сотрудничества, и посвящена настоящая статья.
Ключевые слова: следствие, досудебное производство, правоприменение, уголовное преследование, соучастие, обвиняемый, сотрудничество, соглашение.

Среди проблем досудебного производства обращают на себя внимание те, что связаны с реализацией такого судопроизводственного института, как досудебное соглашение правоприменительных органов с преследуемым субъектом. Следует пристальнее проанализировать некоторые из них.

Многие преступления, будучи совершенными в соучастии, демонстрируют в таком случае дополнительные сложности по их раскрытию.

Именно эти трудности принимал во внимание законодатель, разрабатывая анализируемый институт сотрудничества. Он имел в виду предоставить правоприменителю подобающий инструментарий по их процессуальному разрешению. Благая в целом эта задача реализована была не во всем оптимально.

Названная неоптимальность воплощения ряда законодательных идей, разумеется, отрицательно отражается и на деятельности работников следствия, поскольку результаты их процессуального труда в области досудебного

сотрудничества с преследуемым могут оказаться тщетными в силу иного прочтения спорных норм этого института другими участниками правоприменительного процесса. Рассмотрим отдельные нормы о сотрудничестве, дающие поводы для интерпретационных споров.

Инициатива о процессуальном сотрудничестве предполагает отражение в соответствующем ходатайстве преследуемого лица действий, определяющих в сумме своей суть сотрудничества (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ). Названное узаконение чревато постановкой неизбежного вопроса о том, в каков объеме должны быть представлены эти сведения, чтобы оказаться достаточными для сотрудничества: позволительно ли их минимальное, обтекаемое изложение, к примеру, в формате перечисления, или же лицу необходимо продемонстрировать в ходатайстве весь свой познавательный максимум, детальнейшим образом изложив все, что может иметь потенциальную ценность для следствия?

Одним из вариантов ответа может стать утверждение о безусловной необходимости доскональной конкретики, ибо без нее определить значимость поступающей информации, ее расследовательский потенциал крайне затруднительно. Только конкретика покажет ее не мнимую, а реальную познавательную важность.

Вместе с тем вариант этот, пожалуй, не лучше, например, такого: полное раскрытие ищущим сотрудничества лицом имеющейся у него информации не дает гарантий того, что соглашение будет заключено. Соответственно, лицо может оказаться в ситуации, когда данные им показания все же будут использоваться в процессуальном познании, однако вне сотрудничества, поскольку в нем-то ему откажут.

Вероятность именно подобного развития событий крайне далека от ничтожной. Это продиктовано отсутствием в законе положений, что являли бы собой хотя бы отдаленно некоторые гарантии для преследуемого лица. Нет в нем, допустим, такого положения, которое говорило бы о невозможности реализации в процессуальном познании предложенных изобличаемым лицом сведений при отказе от сотрудничества с ним. Их отсутствие – благодатная почва для разного рода «процессуально-тактических маневров» следствия. Например, при изъявлении первоначальной заинтересованности в сотрудничестве последующий отказ в нем вскоре после получения заинтересовавших следствие сведений.

Значит, нельзя не увидеть уместность следующей рекомендации: обращаться к познавательным, знаниевым резервам преследуемого субъекта оправданно только в рамках сотрудничества с ним, в рамках соответствующего соглашения. Вышеупомянутые «высокие маневры» должны быть исключены хотя бы по этическим соображениям. Конечно, лучшим лекарством от этически сомнительного маневрирования могли бы стать иные, отличающиеся от действующих юридические порядки, прописанные докторской рукой законодателя[1].

---

[1] См. также: Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: дис. … канд. юрид. наук.

Нет однозначной ясности и в вопросе о том, может ли сотрудничество состояться, если взыскующее его лицо совершило преступление вне формата соучастия, довольствуясь исключительно собственными преступными силами. Процессуальная доктрина, равно как и правоприменительная практика нередко видят его разрешение в следующем прочтении закона: вне соучастия соглашение может иметь место, подтверждением тому служит п. 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ. Содержание этого положения видится некоторым его толкователям в том, что преступления, в нем упомянутые, не являются делом рук сотрудничающего обвиняемого, к ним он преступно-деятельного отношения не имеет, следовательно, не преследуется за их совершение[1].

Основной ошибкой названного истолкования является, по нашему мнению, его отрыв от законодательных положений иной отраслевой принадлежности, - от положений уголовного закона.

Так, названные в п. «и» ч. 1 ст. 61 уголовного закона положительные постпреступные действия так или иначе обращены к тому преступлению, которое явилось следствием поведения преследуемого лица. По смыслу этого пункта предполагается, например, что названное лицо может содействовать расследованию исключительно собственного преступления. Может он поспособствовать и изобличению иных лиц, но исключительно тех, кто, как и он, приложил руку к инкриминированному ему преступлению, т.е. может изобличить соучастников. Точно так же можно способствовать поиску только того имущества, которое было добыто преступными усилиями преследуемого лица.

Сведения же, от него исходящие и затрагивающие преступную деятельность других лиц, не соучаствовавших ему, на наш взгляд, юридического значения в смысле, предложенном комментируемым положением уголовного закона, не имеют. Значит, и не влияют на определение меры общественной опасности преступления, в совершении которого изобличается сотрудничающий обвиняемый. Поэтому эти сведения и не отражены в ст. 61 УК РФ.

Предложенные доводы, следовательно, исключают вывод о возможности заключать досудебное соглашение с лицом, которое может проинформировать следствие исключительно о преступлениях, к совершению которых деятельного отношения не имеет.

Немаловажно также и то, что критикуемое прочтение п. 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ не учитывает процессуальную логику многих иных положений закона. При таком подходе сложности возникнут с оценкой сотрудничества: если обвиняемый способствует преследованию лиц, причастных к преступлениям, в которых он сам задействован не был, то предоставляемая им информация будет отражена в материалах другого уголовного дела, посвященного, очевидно,

---

Владимир, 2011. С. 126; Головизнин М.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 55–63.

[1] См., например: Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их решения. М., 2013. С. 45.

преступлению изобличаемого им лица. Именно эти материалы подлежат оценке, дабы определить, исполнены ли обязательства сотрудничества.

Однако судопроизводственный регламент не содержит нормативного положения, дозволяющего обращаться к материалам того уголовного дела, с которым расследуемое дело процессуально, т.е. в духе ч. 1 ст. 153 УПК РФ, не связано. Значит, и оценить сотрудничество юридически невозможно.

Пункты 4 и 5 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ определяют, что соглашение должно включать указание помимо таких характеристик преступления, как обстоятельства места, времени его совершения, иных элементов, перечисленных в п.п. 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, также квалификацию действий преследуемого лица, сотрудничающего со следствием. При этом нельзя исключать такое последующее развитие ситуации расследования, когда будут выявлены факты, свидетельствующие в пользу необходимости описанную в соглашении квалификацию скорректировать, изменить в сторону утяжеления.

Ряд исследователей института досудебного соглашения, а также многие практические работники рассматривают такую ситуацию расследования как с безусловностью влекущую за собой внесение подобающих корректив в имеющееся соглашение. Разумеется, в их представлениях подобать изменившейся ситуации будут дополнительные действия, обязательства преследуемого, сверх тех, о которых условились прежде.

Думается, данный взгляд вряд ли справедлив, поскольку включение в состав соглашения квалификации не делает ее одним из его условий. Квалификация – не предмет процессуальных договоренностей сторон соглашения. О квалификации не договариваются, не торгуются, ее констатируют на момент заключения сотрудничества. А раз так, то и корректировать условия последнего ввиду ее изменения правового смысла нет.

Литература

1. Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их решения. М., 2013.

2. Головизнин М.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012.

3. Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2011.

М.В. Галдин
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Новосибирский филиал

Об обеспечении участия педагога (психолога) в производстве процессуальных действий с несовершеннолетними

Аннотация. В качестве одного из элементов отечественной ювенальной юстиции рассматривается обеспечение участия педагога (психолога) в уголовном деле о преступлении, совершенном несовершеннолетним или совершенном в отношении несовершеннолетнего. Автором сформулирована цель такого участия, его основные задачи. Сделан вывод о том, что педагог (психолог) не является обязательным участником стадии возбуждения уголовного дела. В то же время, для следующей за ней стадии предварительного расследования, предложено расширительно трактовать предусмотренный законом круг следственных действий с несовершеннолетним, к участию в которых необходимо приглашать педагога (психолога).

Ключевые слова: Следственный комитет РФ, стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, стадия предварительного расследования, несовершеннолетний, заявление о преступлении, явка с повинной, педагог, психолог

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета РФ. К подследственности его следователей с 2010 года отнесено производство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними и совершенных в отношении несовершеннолетних. Еще до внесения в закон изменений об этом, в системе Следственного комитета РФ была введена специализация по расследованию уголовных о преступлениях с участием несовершеннолетних[1]. На следователей возложены обязанности: обеспечивать эффективное производство процессуальных действий и получение от несовершеннолетних показаний в щадящем режиме и без ущерба для доказывания; тщательно готовиться к следственным действиям для исключения случаев необоснованного, неоднократного их производства, а также иных упущений и нарушений требований уголовно-процессуального законодательства, вызывающих необходимость повторного производства следственных действий.

Вовлечение несовершеннолетнего в производство по уголовному делу сопряжено с его наделением дополнительными гарантиями защиты прав, законных интересов и свобод. Отсутствие необходимого уровня знаний и жизненного опыта, высокая мобильность, социально-психологическая

[1] Кирянина И.А., Мишенина А.А. Актуальные вопросы тактики допроса несовершеннолетних участников уголовного процесса // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 4(38). С. 136.

незрелость, суженный кругозор и другие психофизиологические особенности предопределяют специальные нормативные правила производства процессуальных действий[1]. Одно из них состоит в обеспечении участия педагога (психолога) в производстве отдельных следственных действий. Напомним, что его участие обязательно в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (ст. 425 ч. 3 УПК РФ). Если несовершеннолетний обладает статусом потерпевшего или свидетеля, то участие педагога (психолога) обязательно не только в его допросе, но и в таких следственных действиях как очная ставка, предъявление для опознания и проверка показаний на месте (ст. 191 ч. 1 УПК РФ).

Ранее нами указывалось на несправедливость положения несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого)[2]: с пересмотром в 2013 году ст. 191 УПК РФ крен в сторону усиления гарантий прав несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля стал очевиден[3]. Закон фактически отказал привлеченному к уголовной ответственности несовершеннолетнему в дополнительных гарантиях при производстве всех процессуальных действий, кроме допроса[4]. На наш взгляд, указанный в части третьей ст. 425 УПК РФ допрос должен быть дополнен по крайней мере теми же следственными действиями, которые предусмотрены частью первой ст. 191 УПК РФ. Но более точный ответ на вопрос о том, какими именно, требует своего обращения к изучению функции педагога (психолога). Его основное предназначение видится в оказании следственным и судебным органам содействия в получении достоверных и полных сведений от участника уголовного судопроизводства в зависимости от его индивидуально-психологических, возрастных особенностей и состояния здоровья. Такой

---

[1] Галдин М.В., Костенко К.А. О совершенствовании законодательства, регулирующего участие педагога и психолога в уголовном процессе // Российский судья. 2021. N 5. С. 17–18.

[2] Галдин М.В. Правовое регулирование обязательного участия педагога и психолога в производстве процессуальных действий с несовершеннолетним по уголовному делу // Раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, связанных с насилием над несовершеннолетними: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 20 апреля 2017 года / под ред. А.М. Багмета. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 92-93.

[3] Федеральный закон от 28.12.2013 N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Доступ из справ-прав.системы КонсультантПлюс.

[4] Галдин М.В. Участие законного представителя несовершеннолетнего в следственных действиях по уголовным делам о преступлениях прошлых лет // Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 16 марта 2017 года) «Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет» / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: МА СК РФ, 2017. С. 155–158.

вербальной информацией не во всех случаях присущи свойства показаний, и она может быть получена не только в рамках допроса.

Ранее отмечалось, что следственных действия, которые содержат в себе элементы допроса, должны проводиться по установленным для него правилам[1], о чем справедливо указывает А.А. Казаков[2]. Выражая с ними солидарность полагаем, что в этом вопросе не имеет принципиального значения, какое именно доказательство получает следователь от несовершеннолетнего – его показания или протокол следственного действия (ст. 74 ч. 2 УПК РФ). Обращаясь к предусмотренному частью первой ст. 191 УПК РФ перечню следственных действий, обнаруживаем, что в нем отсутствует следственный эксперимент. А ведь именно от него берет свои начала проверка показаний на месте, которая ранее представлялась не иначе как допрос на месте происшествия[3]. Г.В. Филиппенков и В.А. Лазарева включают в круг таких следственных действий осмотр, освидетельствование, обыск, выемку, производство судебной экспертизы. По нашему мнению, фрагментарные пояснения несовершеннолетнего об объектах таких следственных действий не вызывают сложности в интерпретации. Из их числа лишь судебно-психиатрическая экспертиза предполагает краткое выяснение у несовершеннолетних обстоятельств совершенного преступления, его отношения к содеянному. Однако для оценки пояснений об этом квалификации членов экспертной комиссии хватает с избытком, тем более что в ее штат часто включен и психолог.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о привлечении педагога (психолога) в стадии возбуждения уголовного дела. Для нас совершенно очевидно, что отказ несовершеннолетнему в приеме его заявления о совершенном преступлении в отсутствие педагога (психолога) противоречит нормам действующего законодательства. Следователь обязан принять сообщение о совершенном или готовящемся преступлении и разрешить его в установленные законом сроки вне зависимости от личности заявителя. Явка с повинной представляет собой добровольное сообщение о совершенном преступлении, поэтому необходимости в установлении контакта с несовершеннолетним не возникает. Полностью разделяем мнение о том, что при

---

[1] Филиппенков Г., Лазарева В. Участие педагога в уголовном процессе // Советская юстиция. 1982. № 6. С. 15.

[2] Казаков А.А. Особенности участия законного представителя и защитника при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Расследование отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними: научно-практическое пособие / Вахмянина Н.Б., Вдовцев П.В., Гончаров Д.Ю., Казаков А.А. и др.; под общ. ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.Н. Карагодина. Спб: Юридический центр-Пресс, 2014. С. 131.

[3] Стукалин В.Б. О положениях проверки и уточнения показаний на месте // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул. 2018. № 15. С. 86.

обращении несовершеннолетнего в правоохранительные органы с повинной участие педагога (психолога) следует считать беспредметным[1].

Что же касается основного средства проверки сообщения о преступлении – получения объяснения – то стоит заметить, что вне зависимости от присутствия педагога (психолога) объяснения несовершеннолетнего не могут быть признаны доказательством по смыслу, придаваемому ст.ст. 74, 75 и 144 УПК РФ. Собственно, результаты проверочных мероприятий в стадии возбуждения уголовного дела не могут обладать всеми присущими доказательству свойствами, поскольку всегда имеют служебное значение, ограниченное принятием решения «внутри» и «для» этой стадии. В 2003 году О.В. Гладышева обоснованно указывала, что производство в стадии возбуждения уголовного дела судебной экспертизы даст возможность использовать ее заключение, полученное в стадии возбуждения уголовного дела, в последующих стадиях уголовного процесса в качестве допустимого доказательства, исключив тем самым дублирование действий, имеющих один и тот же характер[2]. Но законодатель и поныне считает такое заключение эксперта неполноценным: следователям приходится назначать дополнительную или повторную судебную экспертизу, если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим об этом будет заявлено ходатайство (ст. 144 ч. 1^2 УПК РФ). Разъяснения Верховного Суда РФ о том, что при отсутствии предусмотренных ст. 207 УПК РФ оснований такое ходатайство не следует удовлетворять[3], служит слабым утешением, которое неспособно оградить от злоупотребления сторонами своими правами. По этой причине в стадии предварительного расследования следователь вынужден повторно производить следственные действия, направленные на оформление уже имеющихся результатов проверки сообщения о преступлении, что вряд способствует экономии сил, средств и времени в досудебном производстве.

Подводя итоги, следует заключить, что педагог (психолог) не является обязательным участником проверки сообщения о преступлении. Его привлечение для получения объяснения от несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в большей степени оправданно криминалистическими рекомендациями (например, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы), однако обязательным по смыслу закона не является. Получение от несовершеннолетнего повода к возбуждению уголовного дела основано на его добровольном волеизъявлении, реализация которого не требует обращения к специальным познаниям педагога (психолога). При производстве осмотра, освидетельствования, обыска, выемки,

---

[1] Гладышева О.В., Солонникова Н.В. Явка несовершеннолетнего с повинной: требуется определение процессуального статуса // Российский следователь. 2008. № 3. С. 7.

[2] Волколуп (Гладышева) О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб., 2003. С. 83.

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июня 2015 г. N 14-АПУ15-3СП // Доступ из справ. -прав. системы «КонсультантПлюс»

судебной экспертизы, пояснения несовершеннолетнего фрагментарны, их объем ограничен только объектом этого следственного действия.

В связи с этим, содержащийся в части первой ст. 191 УПК РФ норме перечень следственных действий следует, во-первых, толковать расширительно и, во-вторых, распространять его на обвиняемого (подозреваемого). В него следует включать все следственные действия, целью которых является получение имеющей доказательственное значение вербальной информации от не достигшего шестнадцатилетнего возраста, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии лица. К ним необходимо отнести допрос, очную ставку, проверку показаний на месте, следственный эксперимент, а также предъявление для опознания, но лишь в том случае, когда несовершеннолетний является опознающим. Такой подход имеет значение вне зависимости от процессуального положения несовершеннолетнего. При всем при этом изложенные выводы никак не ущемляют диспозитивные полномочия следователя, который вправе по собственному усмотрению, с учетом рекомендаций по криминалистической тактике производства следственных действий и при наличии на то веских оснований для использования познаний в области педагогики (психологии), привлечь их носителя к досудебному производству по уголовному делу.

Литература

1. Волколуп (Гладышева) О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб., 2003. 265 с.
2. Галдин М.В. Участие педагога и психолога в производстве следственных действий с несовершеннолетними // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2014. № 5. С. 333-336.
3. Галдин М.В. Правовое регулирование обязательного участия педагога и психолога в производстве процессуальных действий с несовершеннолетним по уголовному делу // Раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, связанных с насилием над несовершеннолетними: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 20 апреля 2017 года / Под ред. А.М. Багмета. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 90–93.
4. Галдин М.В. Участие законного представителя несовершеннолетнего в следственных действиях по уголовным делам о преступлениях прошлых лет // Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 16 марта 2017 года) «» / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: МА СК РФ, 2017. С. 155–158.
5. Галдин М.В., Костенко К.А. О совершенствовании законодательства, регулирующего участие педагога и психолога в уголовном процессе // Российский судья. 2021. № 5. С. 17–21.

6. Гладышева О.В., Солонникова Н.В. Явка несовершеннолетнего с повинной: требуется определение процессуального статуса // Российский следователь. 2008. № 3. С. 6–7.
7. Кирянина И.А., Мишенина А.А. Актуальные вопросы тактики допроса несовершеннолетних участников уголовного процесса // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 4(38). С. 133–136.
8. Расследование отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними: научно-практическое пособие / Вахмянина Н.Б., Вдовцев П.В., Гончаров Д.Ю., Казаков А.А. и др.; под общ. ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.Н. Карагодина. Спб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2014. 437 с.
9. Стукалин В.Б. О положениях проверки и уточнения показаний на месте // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул. 2018. N 15. С. 86-87.
10. Филиппенков Г., Лазарева В. Участие педагога в уголовном процессе. Советская юстиция. 1982. № 6. С. 15–17.

Д.В. Галкин
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
Хабаровский филиал

Новации уголовного закона по борьбе с «бумажным НДС»

Аннотация. В статье анализируется эволюция уголовного закона в части противодействия фирмам-однодневкам, используемым для уклонения от уплаты налогов и незаконного возмещения налога на добавленную стоимость (НДС). Рассматриваются особенности конструкции составов преступлений и правоприменительная практика по статьям 170.1, 173.1, 173.2 и 173.3 Уголовного кодекса.
Ключевые слова: налоговые преступления, противодействие фирмам-однодневкам, фиктивные хозяйственные операции, подложные документы, подставные лица.

Незаконное возмещение налога на добавленную стоимость является одним из наиболее сложных экономических преступлений, с точки зрения квалификации и методики расследования. Как правило, основные трудности связаны с установлением суммы ущерба, доказыванием умысла, противодействием расследованию со стороны обвиняемых, невозможностью полного возмещения вреда, смешением фиктивных и реальных сделок и другими вопросами.

Как отметил председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин в интервью «Российской газете», «воровство и обман липовых фирм в отечественном бизнесе серьезно повышают инвестиционные риски. А это в свою очередь подстегивает отток капитала из страны, … дестабилизирует фундаментальные основы экономики. И опосредованно способствует спаду

макроэкономических показателей, в том числе росту инфляции, снижению производства, уводу капитала в теневой сектор»[1].

Типичный способ незаконного возмещения налога на добавленную стоимость (далее – НДС) отражает следующая фабула преступления. Руководитель организации-производителя регистрирует на подставное лицо фирму-однодневку. Затем производитель совершает фиктивную покупку у фирмы-однодневки сырья по завышенным ценам. Подложными документами (договор поставки, счет-фактура) производитель подтверждает факт оплаты стоимости этого сырья, включая НДС. В результате у производителя образуется искусственно завышенный «входной» налог. Если он превышает сумму налогов, полученных от покупателей продукции, то производитель получает право на возмещение разницы из бюджета. После выплаты возмещения, фирма-однодневка «исчезает», не заплатив в бюджет налог от сделки по продаже сырья. Таким образом, создание фирм – однодневок для последующего совершения налоговых и иных финансовых правонарушений представляет общественную опасность и требует мер уголовно-правового воздействия[2].

В профессиональных сообществах бухгалтеров, аудиторов, сотрудников налоговых органов и налоговых юристов счета-фактуры и налоговые декларации, оформляемые от имени фирм-однодневок, а значит, не имеющие связи с реальными хозяйственными операциями, принято именовать «бумажным НДС», так как заявляемые финансовые показатели существуют только на бумаге.

В правоприменительной практике имеется опыт квалификации действий подставных лиц, на которых оформляются однодневки, по части первой статьи 170.1, введенной в Уголовный кодекс в 2010 году.

Так, З., действуя умышленно в целях внесения в единый государственный реестр юридических лиц недостоверных сведений об учредителе, а также руководителе постоянно действующего исполнительного органа юридического лица – общества с ограниченной ответственностью, из корыстных побуждений, выразившихся в получении денежного вознаграждения в размере 2000 рублей от неустановленного лица, лично подписал документы, а именно заявление о государственной регистрации юридического лица, решение единственного участника общества с ограниченной ответственностью, содержащие заведомо ложные данные об учредителе (участнике) и руководителе постоянно действующего исполнительного органа ООО, которые в указанный выше период времени лично представил в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей - инспекцию Федеральной налоговой службы России, на основании которых, ООО

---

[1] «Потеряли лицо». Интервью Председателя Следственного комитета России А.И. Бастрыкина // Российская газета – Столичный выпуск. №5605 (229). URL: www.rg.ru/2011/10/13/bastrykin.html.

[2] Галкин Д.В. Механизм незаконного возмещения НДС // Противодействие преступлениям в сфере экономики: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 24 апреля 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 108–112.

зарегистрировано, и в Единый государственный реестр юридических лиц была внесена запись, в которой содержались недостоверные сведения о З., как об учредителе и руководителе постоянно действующего исполнительного органа юридического лица, в связи с тем, что последний фактически организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции учредителя и руководителя постоянно действующего исполнительного органа юридического лица не планировал осуществлять и не осуществлял, доход от деятельности данной организации не получал[1].

Однако такая практика никогда не являлась устойчивой, а в последние годы совершенно не применяется, несмотря на неизменность запретов, предусмотренных статьей 170.1 УК. Причина этого, по нашему мнению, в том, что ее редакция затрудняет однозначное толкование изложенной нормы, и приводит к противоречивой следственной и судебной практике. По смыслу нормы, все указанные в ней цели должны быть направлены на приобретение права на чужое имущество (то есть, на рейдерский захват), что следует из пояснительной записки авторов законопроекта[2]. Однако исходя из ее буквального толкования, норма предусматривает две альтернативные цели: внесение недостоверных сведений или иную цель, направленную на приобретение права на чужое имущество. Буквальное толкование расширяет сферу действия данной нормы, распространяя ее на представление недостоверных сведений, не связанное с намерением осуществить рейдерский захват[3].

В рамках научных дискуссий, в том числе в научных публикациях по данной проблеме, также приводятся разные точки зрения. Изучая содержание и смысл указанной нормы, авторы применяют методы лингвистического, логического, системно-правового толкования. Но, использовать только текстуальный, грамматический подход к толкованию части 1 ст. 170.1 УК РФ, по нашему мнению, недостаточно, так как диспозиция нормы уже содержит внутреннее лексическое противоречие: внесение в ЕГРЮЛ недостоверных сведений о директоре по смыслу нормы является способом совершения преступления (то есть элементом объективной стороны преступления), а не его целью (которая, как известно, является элементом субъективной стороны).

Таким образом, специфика конструкции нормы обуславливает необходимость выяснения ее смыслового содержания, или, другими словами, цели введения уголовной ответственности за такие деяния. По этому поводу профессор Яни П.С. отмечает, что в связи с недочетами технико-юридического характера основной задачей толкования статьи 170.1 УК РФ становится «установление

---

[1] Приговор мирового судьи судебного участка №47 судебного района г. Находка Приморского края от 18.04.2017 г. по ч. 1 ст. 170.1 УК РФ.

[2] Сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=353716-5

[3] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. М.: Проспект, 2021. С. 610.

причины, по которой законодатель решил дополнить закон этой нормой»[1], что отсылает нас к тексту упомянутой выше пояснительной записки к законопроекту.

Соответственно, для квалификации деяния по ч. 1 ст. 170.1 УК РФ обязательным для доказывания является направленность действий лица на захват чужого имущества при любом способе совершения преступления (при внесении любых недостоверных сведений)[2], что исключает возможность квалификации по данной норме действий подставных лиц, регистрирующих фирмы – однодневки.

Продолжая усиление уголовно-правового воздействия для поддержания правопорядка в сфере экономики и финансов, законодатель в 2011 году дополнил уголовный закон новыми нормами – статьями 173.1 «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица» и 173.2 «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица»[3].

Данные статьи призваны противодействовать конкретно созданию фирм-однодневок – фиктивных организаций, не ведущих хозяйственной деятельности, имеющих только учредительные документы, и используемых для уклонения от уплаты налогов. В целях ухода от ответственности, при регистрации таких фирм в качестве их учредителей и руководителей указываются подставные лица. Статья предусматривает ответственность за действия по созданию фирм-однодневок на подставных лиц. В примечании к статье дается определение понятия «подставные лица», которые:

- являются учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица и путем введения в заблуждение либо без ведома которых были внесены данные о них в единый государственный реестр юридических лиц,
- являются органами управления юридического лица, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом.

Исходя из взаимосвязанного анализа диспозиции нормы и примечания к статье, объективную сторону таких преступлений будут образовывать, в частности, виновные действия физического лица, подающего в регистрирующий орган документы, в которых данное лицо заявлено как учредитель и одновременно руководитель создаваемой организации, при условии, что данное лицо не намерено управлять создаваемой организацией (то есть является подставным). Однако на практике доказать заведомое отсутствие намерения

---

[1] Яни П.С. Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц – имущественное преступление? // Законность. 2012. № 12. С. 15–18.

[2] Галкин Д.В. Реализация норм уголовного права: проблемы толкования и правоприменения // Регулирование правоотношений: вопросы истории, теории и юридической практики: материалы Всероссийского научно-практического круглого стола. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2021. С. 37–41.

[3] Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и статью 151 УПК РФ».

управлять зарегистрированной фирмой, средствами объективного доказывания, крайне затруднительно. В результате правоприменительная практика по данным статьям остается весьма ограниченной[1].

Реагируя на нерешенную проблему, законодатель осуществил еще одну новацию уголовного закона в рассматриваемой сфере общественных отношений. С 4 декабря 2024 года введена уголовная ответственность за подделку налоговых деклараций и счетов-фактур по новой статье 173.3 Уголовного кодекса[2]. Преступление заключается в организации деятельности по представлению в налоговые органы РФ, а также сбыте заведомо подложных счетов-фактур, налоговых деклараций (расчетов) от имени юридических лиц, образованных через подставных лиц, либо с использованием персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния сопряжены с извлечением дохода в крупном размере.

За подобные деяния ранее отдельная ответственность не применялась. В примечании к статье указаны критерии, по которым документы считаются подложными – если они содержат ложные сведения об отгрузке товаров, выполнении работ, оказании услуг, передаче имущественных прав.

Таким образом, новая норма уголовного закона за «бумажный НДС» предусматривает ответственность организованных групп, которые создают подложные счета-фактуры и другие документы бухгалтерской и налоговой отчетности; она призвана обеспечить соблюдение финансовой дисциплины уголовно-правовыми средствами.

Литература

1. Галкин Д.В. Механизм незаконного возмещения НДС // Противодействие преступлениям в сфере экономики: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 24 апреля 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Юнити-Дана, 2015. С. 108–112.
2. Галкин Д.В. Расследование преступлений, связанных с незаконным возмещением налога на добавленную стоимость: учебно-методическое пособие. М.: Московская академия СК России, 2020. 32 с.
3. Галкин Д.В. Реализация норм уголовного права: проблемы толкования и правоприменения // Регулирование правоотношений: вопросы истории, теории и юридической практики: материалы Всероссийского научно-практического круглого стола / Верховный суд Российской Федерации, Дальневосточный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Российское объединение судей в Хабаровском крае; [редакционная коллегия: К.

[1] Галкин Д.В. Расследование преступлений, связанных с незаконным возмещением налога на добавленную стоимость: учебно-методическое пособие. М.: Московская академия СК России, 2020. 32 с.

[2] Федеральный закон от 23.11.2024 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и статьи 28.1 и 151 УПК РФ».

А. Волков (ответственный редактор) и др.]. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2021. С. 37-41.

4. Интервью Председателя Следственного комитета России А.И. Бастрыкина // Российская газета – Столичный выпуск. № 5605 (229). URL: www.rg.ru/2011/10/13/bastrykin.html.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. М.: Проспект, 2021. С. 610.

6. Яни П.С. Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц – имущественное преступление? // Законность. 2012. № 12. С. 15-18.

7. Приговор мирового судьи судебного участка №47 судебного района г. Находка Приморского края от 18.04.2017 г. по ч. 1 ст. 170.1 УК РФ.

Д.В. Галкин
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
Хабаровский филиал

Цифровизация как фактор дальнейшего реформирования досудебного производства по уголовным делам

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции развития уголовного процесса и криминалистики под влиянием широкого распространения информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: уголовный процесс, криминалистика, цифровизация, киберпреступления, судебная реформа.

Динамичное развитие цифровых технологий и еще более динамичное их внедрение во все сферы жизни затронуло все направления юридической работы и все отрасли права. Но особенно сильно технологический скачок отразился на криминалистике – прикладной области юридических знаний, самым тесным образом связанной с достижениями науки и техники. Отражением данных тенденций стало научное осмысление цифровой криминалистики.

Современные фундаментальные исследования в области цифровой криминалистики сосредоточились, в основном, на теоретических вопросах, разработке понятийного аппарата, систематизации новых областей знаний. Вместе с тем, для поступательного развития криминалистической науки и сохранения ее практической значимости представляется важным развивать и сугубо прикладные исследования в области цифровой криминалистики. Теоретическое осмысление является фундаментом и необходимым условием таких исследований. Необходимы анализ и обобщение современной следственной практики, выявление в ней наиболее важных элементов цифровой криминалистики, уже сейчас используемых в практической работе.

Современное развитие и повсеместное внедрение высоких информационных технологий с точки зрения криминалистики имеет двоякие последствия. С одной стороны, высокие технологии используются преступниками в противоправных

целях. В последние годы наиболее значимым фактором изменения криминальной обстановки стал рост числа хищений денежных средств с банковских карт граждан и других преступлений, совершенных с использованием современных средств коммуникаций. С другой стороны, новые технологические возможности позволяют расширять и коренным образом улучшать криминалистический инструментарий правоохранительных и следственных органов.

Масштабность и значимость развития новых средств и способов получения ориентирующей и доказательственной информации с помощью информационных технологий нашла свое отражение в возникновении нового межотраслевого научного раздела в юриспруденции – цифровой криминалистики. Развивая данную мысль, правоведы говорят о вступлении современного общества в эпоху «высокотехнологичного права», имея в виду именно всепроникающее влияние информационных технологий на законодательство и правоприменение[1].

В современных технологических условиях профессионализм каждого следователя в отдельности и эффективности организации расследования преступлений в целом зависит от навыков поиска и использования цифровых следов. Цифровые следы пронизывают практически все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства. Таким образом, современные технологические тенденции ведут к увеличению объема криминалистической информации в цифровом виде.

Например, цифровые технологии активно внедряются в системы государственного и негосударственного (корпоративного) транспортного контроля, которые собирают и хранят информацию о различных параметрах самих транспортных средствах и режиме их эксплуатации. Для этого используются современные технические средства, позволяющие фиксировать такие параметры, как вес автомобиля, включая нагрузку на каждую из осей грузового тягача и прицепа, вес и размер перевозимого груза, текущее местоположение в заданный период времени и путевой маршрут, время и скорость передвижения. Возможности определения указанных параметров приобретают качественно новое значение при использовании фото и видео фиксации, технологий спутниковой навигации и дистанционной передачи цифровых данных по сетям сотовой связи[2].

Развитие цифровых технологий существенно трансформирует все сферы жизнедеятельности современного общества, включая формы и способы

---

[1] Бертовский Л.В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2021. Т.25. № 4. С. 735–749.

[2] Использование информации, содержащейся в электронных системах транспортных средств, в расследовании преступлений: практическое пособие / Галкин Д.В., Киселев Е.А. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева. 2024. 67 с.

криминального поведения, а также соответствующие им методы работы правоохранительных органов.

Так, в доинформационную эпоху подтверждение или опровержение алиби подозреваемого в основном строилось на выявлении ложных показаний с использованием психологических приемов проведения допросов – как самого подозреваемого, так и других участников процесса – потерпевших и свидетелей. В настоящее время практически в любом месте, где бы не находился человек, за ним «тянется» цифровой след, оставляющий очевидные отпечатки в памяти мобильных устройств, в социальных сетях, в камерах видеонаблюдения и в других хранилищах цифровой информации. Цифровые следы в подавляющем большинстве случаев объективно указывают на место нахождения подозреваемого в момент совершения преступления, поэтому проблема опровержения ложного алиби в современной следственной практике возникает гораздо реже.

Существенное снижение «традиционных» видов преступлений против личности и собственности[1] сопровождается стремительным ростом так называемых киберпреступлений, они же интернет-преступления или преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Не углубляясь в теоретические обоснование указанных терминов, отметим, что большинство специалистов и исследователей относят к таким преступлениям телефонные мошенничества с банковскими счетами, бесконтактный сбыт наркотиков через мессенджеры, распространение противоправного контента, в том числе детской порнографии, пропаганду экстремизма, преступления в сфере электронной коммерции и другие.

Особенности совершения и методика расследования киберпреступлений обуславливают необходимость работы следователя с продуктами цифровизации[2] – следами преступлений в виде цифровых записей в различных блоках памяти, серверах и электронных носителях, а также в виде сигналов проводных и телекоммуникационных сетей передачи цифровой информации.

Отмеченное выше динамичное изменение состояния, уровня и структуры преступности обуславливает актуальность более глубокого анализа происходящих социально-психологических процессов. В юридической литературе выводы о состоянии и динамике криминальной ситуации, полученные на основе анализа статистических сведений о зарегистрированных преступлениях, нередко подвергаются сомнению. В некоторых случаях это не лишено оснований. Несомненно, что статистический учет преступлений требует дальнейшего совершенствования. Наиболее важным, фундаментальным

[1] Галкин Д.В. Особенности криминальной ситуации в Дальневосточном федеральном округе (по состоянию на 2023 год) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова. 2024. № 3 (68). С. 50–57.

[2] Бессонов А.А. Современные информационные технологии на службе следствия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1. С. 94–100.

направлением реформирования в указанной сфере, по нашему мнению, является дальнейшее повышение прозрачности статистического учета совершенных преступлений, несмотря на уже сделанные значительные шаги в данном направлении. Например, кроме публикуемых статистических сведений о показателях преступности и работы правоохранительных органов на федеральном и региональном уровнях, важное значение могло бы иметь системное раскрытие аналогичной информации на уровне муниципальных территорий: городов и районов в составе субъектов Российской Федерации. Такая мера, возможно, могла бы способствовать не только научному изучению территориальных особенностей, причин и условий преступности, но и принятию практических мер по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан.

Развитие криминалистических возможностей на базе цифровизации ведет к изменению и дополнению процессуальных требований досудебного производства по уголовным делам[1]. Так, в условиях информационного общества элементы в уголовном процессе появляются новые субъекты, добывающие доказательства. В качестве примеров этой тенденции можно отметить активное участие волонтеров в расследовании некоторых видов преступлений, наделение налоговых органов уголовно-процессуальными функциями и расширение практики назначения экспертных исследований негосударственным учреждениям. Указанные субъекты существенно влияют на ход расследования, формирование доказательственной базы и содержание обвинения.

Активное практическое применение в уголовном процессе нашла видеосвязь. Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает ее использование в судебном процессе, а с декабря 2021 г. – и в ходе предварительного расследования, причем не только для проведения допросов и очных ставок, но и других следственных действий[2].

Цифровизация также активизирует тенденции реформирования уголовного процесса, зародившиеся в европейских странах в 20 веке и позже нашедшие отражение в отечественной правовой науке. Так, в ряде стран (Франция, Германия, Италия, Испания, Финляндия и др.) в послевоенное время начались интенсивные поиски моделей уголовного судопроизводства, адекватных изменившимся социальным условиям. Основной вектор реформ состоит в том, что состязательность заявляет свое право не только на судебные стадии процесса, но и на предварительное расследование. Это обычно выражается в

---

[1] Галкин Д.В. О влиянии криминалистики на развитие уголовно-процессуального права // Пятнадцатилетний опыт применения УПК РФ: теория, практика и направления развития уголовно-процессуального законодательства в России: сборник материалов научно-практической конференции 22 марта 2018 г. Хабаровск, 2018. С. 24–26.

[2] Галкин Д.В. Двадцать лет Уголовно-процессуальному кодексу России: идеи и принципы, определившие его эволюцию // Двадцатилетний опыт применения УПК РФ: современное состояние и тенденции развития уголовно-процессуального законодательства в России: сборник материалов Межрегион. научно-практической конференции 24 марта 2022 г. Хабаровск, 2022. 147 с.С. 25–26.

полной передаче следственных функций от суда к органам расследования и обвинения, и превращении судьи-следователя в «судью над следствием», который дистанцирован от уголовного преследования и потому становится для сторон нейтральным и беспристрастным арбитром[1].

Внедрение цифровых технологий в сферу досудебного судопроизводства также ставит на повестку дня вопрос о совершенствовании подготовки кадров органов юстиции. По нашему мнению, в условиях динамичного внедрения высоких технологий в жизнь общества, необходимо более гибко подходить к формированию новых компетенций будущих и уже действующих работников правоохранительных, следственных и судебных органов. В частности, постоянной актуализации требуют учебные программы по дисциплинам «Уголовный процесс» и «Криминалистика». Работникам органов юстиции в ходе осуществления своих профессиональных обязанностей необходимо приобретать и применять познания и прикладные навыки из новых отраслей науки и техники, получающих широкое распространение. Своевременное обновление требований к уровню и содержанию специальных познаний юристов, несомненно, положительно скажется на качестве и эффективности работы правоохранительной и судебной систем.

Литература

1. Бертовский Л.В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2021. Т.25. №4. С. 735–749.

2. Бессонов А.А. Современные информационные технологии на службе следствия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1. С. 94–100.

3. Галкин Д.В. О влиянии криминалистики на развитие уголовно-процессуального права // Пятнадцатилетний опыт применения УПК РФ: теория, практика и направления развития уголовно-процессуального законодательства в России: сборник материалов научно-практической конференции 22 марта 2018 г. Хабаровск, 2018. С. 24–26.

4. Галкин Д.В. Двадцать лет Уголовно-процессуальному кодексу России: идеи и принципы, определившие его эволюцию // Двадцатилетний опыт применения УПК РФ: современное состояние и тенденции развития уголовно-процессуального законодательства в России: сборник материалов научно-практической конференции 24 марта 2022 г. Хабаровск, 2022. С. 25–26.

5. Галкин Д.В. Особенности криминальной ситуации в Дальневосточном федеральном округе (по состоянию на 2023 год) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова. 2024. № 3 (68). С. 50–57.

[1] Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета // Российское агентство правовой и судебной информации URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html.

6. Использование информации, содержащейся в электронных системах транспортных средств, в расследовании преступлений: практическое пособие / Галкин Д.В., Киселев Е.А. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева. 2024 г. 67 с.
7. Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета // Российское агентство правовой и судебной информации URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html

А.А. Гамалей
Российский государственный университет правосудия
Дальневосточный филиал имени В.М. Лебедева

Ошибки в правоприменении: понятие и виды

Аннотация. В статье раскрываются особенности юридических ошибок, часто встречаемых в правоприменительной деятельности следственных и судебных органов. Автор останавливается на видах юридических ошибок, на значении, которое они несут, говорит о необходимости выработки рекомендаций по устранению или недопущению правоприменительных ошибок с целью повышения качества работы правоохранительных и судебных органов.
Ключевые слова: правоприменение, юридическая ошибка, познавательная ошибка, «добросовестная» ошибка, фактическая ошибка, квалификационная ошибка

В процессе досудебного производства, как, впрочем, и во всех юридических процедурах, можно обнаружить различные правоприменительные ошибки.

При этом тема правоприменительных ошибок достаточно качественно представлена среди тем по теории государства и права. Но вместе с тем она вызывает различные споры среди юристов – практиков и юристов- теоретиков. Исследование научной литературы показывает, что в современных условиях ученые в области уголовного права и уголовного процесса исследуют уже имеющиеся в практической деятельности следственных органов встречающиеся правоприменительные ошибки, в том числе и в досудебном производстве. Главная цель подобных исследований состоит в выработке конкретных научно-практических рекомендаций, направленных на снижение общего количества ошибок в следственной и судебной деятельности, как по уголовным, так и по гражданским делам. Но поскольку в современной юридической науке с одной стороны наблюдается рост нормативно-правовых актов, постоянное изменение правовых норм, а с другой в ряде случаев снижение профессионализма сотрудников правоохранительных органов, изменений в вопросе полного искоренении правоприменительных ошибок не происходит.

Ошибки в правоприменении могут заключаться как в неверном применении мер поощрения или наказания, так и в неправильной оценке юридического факта. Во всех подобных случаях ошибки несут в себе вредные последствия, хотя степень вреда может быть различной, и связана в том числе не только с

нарушением прав отдельного человека, но в том числе и с ущербом, наносимым государству, например, в виде перерасхода государственных средств, в случае неправильного назначения государственными органами каких - либо социальных выплат.

Все это свидетельствует об актуальности темы и практической значимости темы по разработки общей теории предупреждения и устранения юридических ошибок.

Согласно материалам Большого универсального словаря русского языка, ошибка — это поступок, действие, суждение, которые являются неправильными, так как не приводят к желаемому, положительному результату, а дают отрицательный, нехороший результат. В то же время, исследуя понятие юридическая ошибка Зыков Д. А. считает, что она есть психическое отношение лица к своему поведению и его последствиям, имеющее в интеллектуальном и (или) волевом моменте порок, обусловленный заблуждением относительно преступности деяния, а также уголовно-правовой квалификации и возложенного наказания.

Но понятие юридическая ошибка достаточно объёмное и используется не только в уголовном праве, но и в теоретических юридических дисциплинах, связанных прежде всего с анализом правоприменительных актов, и их истинности.

Раскрывая особенности правоприменительных ошибок следует отметить следующее:

1. К отдельного рода ошибкам могут вести неправильные действия специальных субъектов права, в том числе и сотрудников правоохранительных органов.
2. Ошибка имеет скрытый характер, заключающийся в заблуждении субъекта правоприменения относительно предпринимаемых им действий, трактовке нормы права или обстоятельств дела. Но здесь важно понимать, что если субъект правоприменения осознавал, что он совершает ошибку, или намерено ее делал, и скрывал, это будет уже является должностным преступлением
3. Признать ошибку может лишь сам субъект ошибки, все остальные лица могут лишь способствовать ее обнаружению и устранению.

Но значение ошибки в правоприменении огромное, поскольку она влечет за собой изменение или прекращение определённых правовых отношений. Поэтому не придавать ей какой - либо роли не является верным. В глобальном смысле, ошибка в уголовном процессе может повлиять на жизнь и судьбу отдельно взятой личности.

Но, следует различать два противоположных по своей направленности вида правовых отношений. Первые – отношения, связанные с фактом совершения и существования ошибки.

В этом случае ошибка может быть полная или частичная и представляет собой явление «юридической патологии», то есть правовую форму, в которую облекается полностью или частично неправильные юридически значимые действия. В результате в данном случае, когда произойдет выявление ошибки, а

затем ее устранение правовые отношения прекратят свое действие в той ее части, где они являлись результатом или формой неправильной деятельности.

Второй вид правовых отношений, предполагает ошибки, которые связаны с фактом в их установлении или же неверного устранения. По своей природе подобные ошибки носят процессуальный характер, ибо обслуживают процесс восстановления режима правомерности в правоприменительной деятельности. Различие между обоими видами правовых отношений, в который имеет место быть юридическая ошибка, заключается в том, что в первом случае мы сталкиваемся с понятием «ошибочных правовых отношений», а во втором с «правовосстановительными ошибками», которые на наш взгляд, являются важным и необходимым элементом правопорядка.

Применение права, процесс достаточно сложный и подразумевает под собой творческую и интеллектуальность деятельность правоприменителя. Его целью является защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, а, следовательно, обеспечение эффекта гарантированного результата. Но сложность применения права приводит к ошибкам, допускаемым следственными или судебными органами, хотя по-своему это также некий творческий подход к правоприменению, достижение запрограммированного в праве регулятивного эффекта, при сохранении общих гарантий восстановления истины.

Таким образом, возникающие в правоприменительной деятельности ошибки безусловно снижают эффективность правового регулирования, но при их обнаружении может возникнуть обратный положительный эффект в необходимости более качественного регулирования правовой нормы. Ведь, правоприменительные ошибки имеют сферу индивидуального правового регулирования. Они искажают властную государственную волю, содержащуюся в нормативных актах при переводе ее в плоскость конкретных правовых отношений, являющихся результатом правоприменительной деятельности.

Проблема выявления правоприменительной ошибки связана с тем, что она не имеет запланированный характер, она всегда случайна в условиях действующего режима подлинной законности. Это, приводит не только к сложности ее обнаружения, но и к проблемам выявления любых (социальных или юридических) закономерностей, приведших к ее появлению. В результате, разработка рекомендаций по недопущению юридических ошибок в следственных или судейских действиях связаны с трудностями гносеологического, социального, организационного, правового порядка. Но это не означает, что следует отказаться от поиска оптимальных путей борьбы с правоприменительными ошибками ссылаясь лишь на их случайный, непреднамеренный характер.

В юридической практике большое значение имеет разграничение понятий юридической ошибки и должностного правонарушения или даже преступления. Тем более что должностное лицо чаще всего готово представить свои в том числе коррупционные действия в виде непреднамеренной ошибки, совершенной при рассмотрении уголовного дела, или при вынесении судебного решения.

Так, например, неправильное назначение гражданину социальной выплаты должностным лицом может быть обусловлено как добросовестным заблуждением государственного служащего, применяющего право, так и корыстными или иными мотивами, когда должностное лицо осознавая неправильность своих действий преднамеренно назначает (или отказывает в назначении) социальной выплаты лицу, которому она положена (или не положена). Эта специфика привела к тому, что в юридической литературе сложились понятия «добросовестная» ошибка, то есть совершенная непреднамеренно, а также ошибка в составе конкретного правонарушения. Естественно, что действующее законодательство и юридическая практика пытаются не допустить подмены одного понятия другим используя для этого оценку субъективной стороны состава деяния правоприменителей, общественной опасности последствий ошибки, закрепляя их в качестве особого юридического факта в законодательстве.

Но, несмотря на разные виды так называемых ошибок и «добросовестная» и «криминальная» ошибка, должна нести юридические последствия для правоприменителя (дисциплинарные, административные, уголовные).

Что касается вопроса о видах и классификации правоприменительных ошибок, то в юридической науке он достаточно неплохо разработан. Так в практике встречаются логические, фактические и латентные ошибки. Их количество в практике постоянно варьируется. Поэтому сложно определить каких ошибок, допускаемых в том числе и при проведении следственных действий, встречается больше других.

Но на наш взгляд определённый исследовательский интерес представляет классификация, в основе которой определяется взаимосвязь процессов и правовой квалификации. В ней авторы выделяют три вида правоприменительных ошибок: в познании (познавательные), в оценке фактических обстоятельств (оценочные и квалифицированные), в юридически значимой деятельности.

Данные виды напрямую раскрывают этапы процесса применение права. А поскольку юридическая ошибка может возникнуть на любом из его этапов то его определение поможет быстрее ее обнаружить и как следствие минимизировать ее последствия для человека и государства.

Познавательные ошибки есть некий сбой в процессе мышления, и они могут быть логическими и фактическими. В первом случае ошибка происходит не из-за мыслей человека как таковых, а в результате не правильного отношения между различными мыслями. Второй вид познавательной ошибки связан с искажением отношений и связей между предметами и явлениями окружающей действительности. Но, отметим, что оба вида познавательных ошибок не связаны друг с другом, хотя в большинстве случаев логическая ошибка может привести к фактической, а ее последствия также могут оказаться причиной нарушения логического мышления.

Особенностями фактических ошибок в правоприменительной деятельности является недостижение истины в правоприменительном процессе. В то же время,

все логические ошибки показывают наличие нарушения форм мышления, неправильность в связях между элементами мыслительного процесса. В результате при существовании разницы между фактическими и логическими ошибками они могут переходить друг в друга, взаимодополняя, раскрывая содержательную и формальную сторону правоприменения.

Наиболее просто обнаружить квалификационные ошибки, так как в них имеет место быть неправильно установленный и юридически закреплённый факт. Результатом подобной ошибки, является не достижение тождества в соотношении между фактическими и юридическими обстоятельствами дела. Удельный вес квалификационных ошибок в юридической практике высок, особенно в рамках вопроса квалификации преступления.

Третий вид ошибки, связанный с этапами правоприменительного процесса, – ошибки в деятельности. Их своеобразие состоит в особенностях объективизации и способности переключения интеллектуально-волевого процесса квалификации общественных отношений при вынесении правоприменительного решения. Простой пример, это некачественная работа сотрудника правоохранительных органов при сборе информации, работы следователя при анализе материала, или судьи при не внимательном рассмотрении дела. Непрофессиональная, а порою и незаконная деятельность специальных субъектов права при сборе и закреплении доказательств, их использовании на стадии вынесения решения и его документального оформления ведет не просто к ошибке, а к нарушению законности.

Проблема ошибок в том, что не все ошибки выявляются, поэтому окончательно просчитать их количество за определённый период в сфере уголовного, административного или гражданского права не представляется возможным. Лишь при нарушении своих прав субъект может обратиться в компетентный орган с требованием повторного рассмотрения его дела и выявить там ошибку, но встречаются и ситуации когда субъект обнаруживший ошибку, например в начислении ему незаконной социальной выплаты решает не сообщать об этом, понимая что он получает определенные денежные суммы, а в случае обнаружения ошибки, он может сослаться на лицо которое ее допустило, и именно это должностное лицо понесет ответственность, а сам он не будет привлечён ни к какому виду наказания.

Таким образом, рассмотренные выше особенности правоприменительных ошибок позволяют сформулировать их общее определение. Правоприменительная ошибка, на наш взгляд, есть противоречащий нормам материального или процессуального права и не достигший истинных целей правового регулирования результат властной деятельности специальных субъектов правоприменения, который квалифицируется в качестве ошибочного компетентным органом.

Литература

1. Зыков Д. А., Савин А. А. Юридическая ошибка: понятие и уголовно-правовое значение // StudNet. 2022. Т. 5. № 6. С. 152–161.

2. Казегриева Э.В. Понятие правоприменительной ошибки // Адвокатская практика. 2006. № 4. С. 8–12.
3. Латушкин М.А. О нарушениях законности в процессе осуществления государственно-правового принуждения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. Т. 1. № 5-14. С. 54–60.
4. Ярковой С.В. Нарушения законности, ошибки и злоупотребление правом при осуществлении административной правоприменительной деятельности // Административное право и процесс. 2019. № 11. С. 22–25.

Е.В. Горчакова
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

О проблемах правовой регламентации оснований для избрания мер пресечения

Аннотация: В части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации[1], содержится запрет действий, способных ущемить личную свободу и неприкосновенность гражданина. Чтобы этого не произошло, меры пресечения, предусмотренные ч. 2 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ[2] (далее – УПК РФ), отнесены к исключительной компетентности суда. Изучение практической деятельности органов дознания по вопросам избрания мер пресечения, анализ норм ст. 97 УПК РФ, а также изучение разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, позволили обосновать вывод о необходимости внесения изменений в ст. 97 УПК РФ и расширения перечня оснований для избрания меры пресечения.
Ключевые слова: меры пресечения, уголовный процесс, личная свобода и неприкосновенность, основания и порядок избрания, судебное решение.

Согласно ч. 2 ст. 29 УПК РФ, такие меры пресечения как: заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ), запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ), домашний арест (ст. 107 УПК РФ), залог (ст. 106 УПК РФ), а также продление срока содержания под стражей (ст. 109 УПК РФ), срока домашнего ареста или запрета определенных действий входит в исключительную компетенцию суда.

Анализ судебно-следственной практики показал, что не менее 60% всех судебных решений, используемых дознавателями, составляют судебные решения об избрании в отношении подозреваемых (обвиняемых) мер пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ), запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) или домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ). При этом в 15%

[1] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм. от 04.10.2022) // СЗ РФ. 2022. № 15. Ст. 1691.
[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

случаев основанием для отмены избранных в отношении подозреваемых (обвиняемых) мер пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ), заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ) и домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ), а также соответствующих судебных решений становится недостаточность в ходатайстве дознавателя и в вынесенном по этому ходатайству судебном решении сведений, которые бы позволили составить однозначное мнение о том, что конкретное лицо причастно к совершению преступления.

Обращение к судебно-следственной практике, а также к практической деятельности органов дознания Хабаровского края, позволило установить, что не менее чем в 5 % случаев меры пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу, которые избираются или продляются по решению суда, в последствие отменяются. При этом более чем в половине случаев причиной для их отмены служит отсутствие в ходатайстве дознавателя достоверных данных о том, что субъект, в отношении которого избирается мера пресечения, может на самом деле совершить во время расследования еще одно преступление или, к примеру, создать какое-то препятствие в расследовании уже совершённого.

С нашей точки зрения, правоприменительная практика, связанная с избранием по решению суда, мер пресечения в порядке ч. 2 ст. 29 УПК РФ, могла бы стать более эффективной, если бы основания и условия избрания мер пресечения, прописанные в норме ст. 97 УПК РФ, правоприменитель понимал единообразно. Однако, полагаем, рассчитывать на это можно лишь в том случае, если сформулированные законоположения не создают предпосылок для их двоякого толкования. Полагаем, действующая редакция ст. 97 УПК РФ как раз указывает на ряд недоработок в перечне оснований для избрания мер пресечения.

Избрание меры пресечения, исходя из нормы ст. 97 УПК РФ, законодатель допускает в случае, когда имеет место подозрение в сокрытии подозреваемого от уголовного преследования. Избрать меру пресечения закон позволяет и в том случае, если имеют место объективные предпосылки к тому, что субъект, подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления, продолжит вести преступную деятельность или способен запугать свидетелей. Заключить обвиняемого (подозреваемого) под стражу или применить в отношении него иную меру пресечения можно и в связи с риском уничтожения им доказательств, которые имеют важное значение для установления истины по делу.

Считаем, законодательный подход к формулировке оснований избрания мер пресечения, отраженный в ст. 97 УПК РФ, вызывает у правоприменителя сложности, как минимум, в силу двух обстоятельств: прежде всего, потому что данные основания оказывают разное влияние на расследование преступления. Еще один повод для нашего несогласия с законодательной формулировкой перечня оснований, поименованных в ст. 97 УПК РФ – это отсутствие акцента законодателя на *документально подтвержденных фактах*, которые, как мы считаем, в наибольшей мере указывают на то, что подозреваемый действительно имеет отношение к совершению данного преступления или что он склонен к сокрытию от органов дознания (следствия). Полагаем, в данном случае крайне

важно не сбрасывать со счетов того, что процедура избрания меры пресечения по времени совпадает с той стадией уголовного процесса, когда в распоряжении следователя (дознавателя) имеются разве что предположения о причастности конкретного субъекта к совершению преступления. Ни о какой достоверности подозрения на тот момент речь не идет, а доказательственную базу только предстоит собрать. В то же время, формируя текст ходатайства об избрании меры пресечения, ограничиться предположением о причастности подозреваемого к совершению преступления закон не позволяет, следователь (дознаватель) должен обосновать перед судом необходимость изоляции данного субъекта от общества путем заключения под стражу или помещения под домашний арест.

Полагаем, вышеизложенное характеризует основания (обстоятельства), поименованные в норме ст. 97 УПК РФ, скорее, как цель, а не как основания к тому, чтобы избрать меру пресечения. Соответственно, основания, перечисленные в ст. 97 УПК РФ, на наш взгляд, нуждаются в корректировке с целью уточнения.

Чтобы уяснить суть этих оснований, возможно, есть смысл обратиться к Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5[1] (далее – Постановление). Особый интерес в связи с исследуемой темой, в частности, представляет п. 4 Постановления, по смыслу которого наряду с имеющим основание подозрением в том, что конкретное лицо совершило то или иное деяние, следственные органы обязаны учитывать и «иные обстоятельства», дословно «иные данные», анализ которых указывает на необходимость избрать в отношении данного субъекта предусмотренную уголовно-процессуальным законом меру пресечения, способную изолировать его от общества.

Полагаем, высший судебный орган использовал формулировку «иные данные» с той целью, чтобы подчеркнуть важность данных подтвержденных или каким-либо образом проверенных, то есть, свидетельствующих об обоснованности заключения подозреваемого под стражу или, к примеру, под домашний арест. С таким подходом трудно не согласиться, ведь только в этом случае посягательство на охраняемую Конституцией РФ личную свободу и неприкосновенность гражданина можно будет оправдать. С нашей точки зрения, только достоверные и проверенные данные (иные данные), положенные в основу ходатайства следователя или дознавателя, позволят объективно оценить реальность сокрытия подозреваемого от органов следствия (дознания) или, к примеру, запугивания им свидетелей, уничтожения значимых для расследования доказательств. Подход высшей судебной инстанции имеет место и в доктрине уголовного процесса. Так, Б.Т. Безлепкин, мнение которого мы разделяем, убежден, что при вынесении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, «такое ходатайство важно сопроводить подтвержденными данными, позволяющими подтвердить причастность

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. от 05.03.2013 № 4) // БВС РФ. 2003. № 5.

конкретного подозреваемого (обвиняемого) к преступлению»[1].

Резюмируя вышеизложенное, считаем возможным рекомендовать к расширению перечня оснований для избрания мер пресечения (ст. 97 УПК РФ) посредством включения в него такого основания как «документально подтвержденные данные о том, что подозреваемый или обвиняемый причастен к совершению преступления».

Литература

1. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд. М.: Проспект, 2021. 343 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. от 05.03.2013 № 4) // БВС РФ. 2003. № 5.
4. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм. от 04.10.2022) // СЗ РФ. 2022. № 15. Ст. 1691.

Е.В. Горчакова[1], **И.А. Шулятицкий**[2]
[1,2] Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Проблемы реализации принципа разумного срока на стадии досудебного производства

Аннотация. Принцип разумного срока уголовного производства является одним из наиболее спорных общих положений уголовного процесса, его противоречивый характер давно обсуждается в науке уголовного процесса. Однако не приходится говорить и о его значимости, поскольку срок, в который должно быть разрешено дела является важнейшей гарантий правомерности уголовного судопроизводства. Особенно значимость этого принципа раскрывается на стадии досудебного производства.

Ключевые слова. Разумный срок, уголовное преследование, принципы уголовного процесса, уголовное дело, дифференциация сроков.

Принципы уголовного судопроизводства занимают важнейшее положение в механизме регулирования уголовно-процессуальных отношений, поскольку являются нормативно закрепленными основами всего уголовного процесса. Если сама основа законодательства не будет должным образом организована, то не может идти и речи о качестве отдельных законодательных институтов,

[1] Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд. М.: Проспект, 2021. С. 167-169.

поскольку они все должны соответствовать положениям, закрепленными нормами-принципами.

Эффективность уголовного преследования определяется тем сроком, в который оно осуществляется. Очевидно, что такой срок должен отвечать требованиям разумности, поскольку необоснованное затягивание производства по уголовному делу влечет за собой ряд последствий как для стороны защиты, так и для стороны обвинения, что в свою очередь нарушает право на доступ к правосудию, закрепленное в ст. 46 Конституции РФ.

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленный в ч.1 ст. 6.1 УПК, устанавливает, что уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумный срок, однако не указывает, что подразумевается под «разумным» сроком. В ч.2 ст. 6.1 законодатель уже указывает на то, что уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные законом. Возникает вопрос, на какие сроки необходимо ориентироваться лицу, осуществляющему досудебное производство - установленные настоящим кодексом или, так называемые, разумные сроки?

В связи с тем, что принципы уголовного судопроизводства распространяются на все его стадии, то и принцип разумного срока не ограничивается лишь судебной стадией, а распространяется и на досудебную стадию, что прямо вытекает из положений ч 3.1 и 3.3 ст. 6.1 УПК.

Сфера действия разумного срока досудебного производства должна распространяться на все сроки досудебного производства: сроки проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК), сроки предварительного следствия (ст. 162 УПК), сроки дознания (ст. 233 УПК) и т.д.

В науке уголовно-процессуального права отмечается существенное юридико-техническое несовершенство нормы, закрепляющей принцип разумного срока. И.А. Кучерков отмечает, что употребление в ч.3 ст. 6.1 УПК РФ в качестве определения начала разумного срока понятия начала уголовного преследования порождает правовую неопределенность в части момента начала уголовного преследования[1]. В случае, если придерживаться определения уголовного преследования, данного п. 55 ст. 5 УПК, то моментом его начала будет считаться появление в уголовном деле лица, обладающего статусом подозреваемого или обвиняемого, что исключит из сферы влияния данного принципа стадию проверки сообщения о преступлении, и будет ущемлять право лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследования на разумный срок уголовного судопроизводства.

---

[1] Кучерков И. А. Проблема процессуальных сроков досудебного производства в контексте разумных сроков уголовного судопроизводства / И. А. Кучерков // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: Уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ) : Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23-24 июня 2017 года / Под редакцией Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Центр социальных и правовых технологий", 2018. С. 119–124.

Представляется, что понятия разумного срока и срока, установленного настоящим кодексом сущностно отличаются. Начальный срок предварительного расследования, согласно ч.1 ст. 162 УПК РФ, составляет 2 месяца, однако в следственной практике встречаются преступления, при расследовании которых необходимо совершение минимального количества процессуальных действий, что должно привести к завершению предварительного расследования в минимальный срок, меньше чем 2 месяца, но есть и такие виды преступлений, работа, по которым не ограничится и годом[1].

В этой связи в теории уголовного процесса высказываются различные мнения о необходимости фиксации сроков предварительного расследования.

Так, Р. Я. Мамедов говорит о необходимости отказа от закрепления сроков предварительного следствия и дознания, и руководствоваться лишь принципом разумности[2].

Однако, невозможно не согласиться с мнением А. П. Гуляева, что фиксированные сроки предварительного расследования являются важной гарантией, обязывающей органы следствия и дознания закончить производство по уголовному делу в максимально короткие сроки[3].

Наиболее актуальной видеться позиция Нуриева И. Н., который говорит о необходимости дифференциации сроков предварительного расследования в зависимости от тяжести преступления[4]. Подобная регламентация уголовно-процессуальных сроков видеться наиболее удачной и отвечающей современным требованиям.

Нельзя сказать и о том, что законодательно регламентированные сроки обеспечивают разумность срока проверки сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела.

Так, ч. 1 ст. 144 УПК обязывает лицо, осуществляющие проверку, принять решение по сообщению о преступлении в течении трех суток. Однако, ч. 3 ст. 144 УПК предусмотрена возможность продления указанного срока через ходатайство лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, руководителю следственного органа или начальнику органа дознания сначала на до 10 суток, а затем и до 30.

---

[1] Седач А.В., Соркин В.С. О разумных сроках досудебного уголовно-процессуального производства // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2023. № 16. С. 321-327.

[2] Мамедов Р.Я. О целесообразности фиксированных процессуальных сроков предварительного следствия и дознания / / Проблемы в российском законодательстве. 2020. №º 3.

[3] Гуляев А.П. Процессуальные сроки в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М., 1976. С. 10.

[4] Нуриев, И.Н. К вопросу о необходимости дифференциации сроков предварительного следствия в зависимости от категории совершенного преступления / И. Н. Нуриев // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 1(58). С. 10–17.

Из этого можно сделать вывод, что максимально возможный срок проверки сообщения о преступлении - 30 суток, по истечению которого правоприменитель должен принять решение в соответствии с ч. 1 ст. 145 УПК.

Стоит отметить, что этап проверки сообщения о преступлении один из наиболее важных во всём уголовном судопроизводстве, поскольку именно с него начинается производство по уголовному делу, в случае ошибки следователи или дознавателя, приведший к необоснованному отказу в возбуждении уголовного дела, лицо существенно ущемляется в праве на доступ к правосудию[1].

В этой связи в науке уголовного процесса нет единого мнение о достаточном сроке этой стадии. Мнения варьируются от одномоментного принятия решения о возбуждении уголовного дела[2] до тридцатидневного срока рассмотрения сообщения о преступлении[3].

Представляется, что при отдании предпочтения тому или иному мнению следует руководствоваться тем фактом, что чем быстрее возбуждено уголовное дело, тем шире возможность получение доказательств виновности лица, его совершившего, однако в случае безосновательного возбуждения уголовного дела лицо будет подвергнуто незаконному уголовному преследованию, поэтому недопустимо пренебрегать всесторонним рассмотрением достаточности оснований возбуждения уголовного дела[4].

Практика показывает, что следователи периодически необоснованно затягивают производства и по сообщению о преступлении, пользуясь пробелом в законодательстве, позволяющим вернуться повторно к рассмотрению заявления после отказа в его возбуждении.

Так, отказ в возбуждения уголовного дела является лишь средством продлить возможность рассмотрения материалов проверки о преступлении.

Следователи при проверки сообщения о преступлении сначала заявляют ходатайство о продлении проверки сообщения о преступлении до 10 суток в соответствии с ч. 3 ст. 144 УПК, а затем и до 30 суток, после, материалы проверки передаются по подследственности, что позволяет начать исчислении срока проверки заново, такой порядок действий можно и повторить, а есть случаи, когда перечень мероприятий, необходимых для установление оснований возбуждения уголовного дела начинает проводить лишь орган, которому

---

[1] Кузнецова С.М., Нуриев И.Н. Право участников уголовного судопроизводства на осуществление проверки сообщения о преступлении в разумный срок // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 13–19

[2] Бажанов С. Оправдана ли так называемая доследственная проверка? // Законность. 1995. № 1. С. 51–54.

[3] Газетдинов Н.И. Некоторые вопросы, связанные с принятием решения о возбуждении уголовного дела // Российский следователь. 2009. № 7. Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

[4] Курышева Н.С., Архипов А.С. Принцип разумного срока уголовного судопроизводства: проблемы реализации в ходе досудебного производства / Н.С. Курышева, // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5 (49). С. 446–453.

материалы были переданы по подследственности. Такой расклад неминуемо ведет к нарушению права лица на доступ к правосудию[1].

Соответственно, можно говорить о том, что далеко не всегда фиксированные сроки возбуждения уголовного дела, закрепленные в УПК, способствуют реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства, а иногда даже вредят его реализации тем, что составление ходатайств о продлении срока так или иначе занимает время.

Приведенный выше анализ уголовно-процессуального законодательства РФ позволяет сделать вывод, что нормативно закрепленные ограничительные сроки отдельных этапов досудебного производства, далеко не всегда способствуют реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Это обусловлено как объективной невозможностью вынести обоснованное процессуальное решение по соответствующему вопросу, так и несовершенством правового регулирования в части определения тех или иных уголовно-процессуальных сроков. Необходимо внесение изменений в нормы УПК, определяющие сроки уголовного судопроизводства.

Литература

1. Бажанов С. Оправдана ли так называемая доследственная проверка? // Законность. 1995. № 1. С. 51–54.

2. Газетдинов Н.И. Некоторые вопросы, связанные с принятием решения о возбуждении уголовного дела // Российский следователь. 2009. № 7. С. 6–8.

3. Гуляев А. П. Процессуальные сроки в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М., 1976.

4. Курышева, Н. С. Принцип разумного срока уголовного судопроизводства: проблемы реализации в ходе досудебного производства / Н. С. Курышева, А. С. Архипов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5(49). С. 446–453.

5. Кузнецова С.М., Нуриев, И.Н. Право участников уголовного судопроизводства на осуществление проверки сообщения о преступлении в разумный срок // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 13–19

6. Кучерков И.А. Проблема процессуальных сроков досудебного производства в контексте разумных сроков уголовного судопроизводства // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: Уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23–24 июня 2017 года / Под редакцией Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. Санкт-Петербург: Центр социальных и правовых технологий, 2018. С. 119–124.

[1] Уголовное дело № 12001750116001638 / / Архив ОП «Правобережный» УМВД РФ по г. Магнитогорску за 2020 год.

7. Мамедов Р. Я. О целесообразности фиксированных процессуальных сроков предварительного следствия и дознания // Проблемы в российском законодательстве. 2020. №º 3.
8. Нуриев Н.К вопросу о необходимости дифференциации сроков предварительного следствия в зависимости от категории совершенного преступления // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 1(58). С. 10–17.
9. Седач А.В., Соркин В.С. О разумных сроках досудебного уголовно-процессуального производства // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2023. № 16. С. 321–327.

*

Д.А. Добрынин
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Практическое значение и возможности использования результатов контроля и записи переговоров в ходе расследования преступлений

Аннотация. В условиях технического оснащения преступных сообществ современными средствами связи, перед правоохранительными органами стоит острая необходимость проникать в замыслы криминальных структур и получать необходимую информацию для пресечения и раскрытия преступлений. Контроль и запись переговоров в ходе расследования преступлений дает возможность получения и фиксации информации необходимой для доказывания и раскрытия таковых. Данное следственное действие предоставляет широкие возможности для уголовного судопроизводства в целом. В статье рассматривается практическое значение и возможности использования результатов контроля и записи переговоров в ходе расследования преступлений.
Ключевые слова: контроль и запись переговоров, прослушивание, фонограмма, расследование, следственное действие, доказательства, оперативно-технические подразделения.

Неоднократно в научной литературе упоминалось о том, что эффективность контроля и записи переговоров зависит не только от степени организации производства следственного действия, но и от стратегически верного использования её результатов в ходе предварительного следствия[1].

Исходя из положений, предусмотренных ч. 8 ст. 186 УПК РФ, следователь после проведенного осмотра и прослушивания фонограммы обязан в полном объеме приобщить её к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств, исключив при этом возможность прослушивания и

[1] Попов К.И. Использование в доказывании результатов контроля и записи и записи переговоров // Правопорядок: история, теория, практика 2014. № 1(2). С. 137–140.

тиражирования фонограммы посторонним лицам, в том числе обеспечить сохранность и пригодность для повторного использования[1]. Можно заметить, что указанное требование отчасти дублирует общий порядок приобщения к материалам уголовного дела вещественных доказательств, закрепленный приведенным выше нормативным правовым актом. Думается, что такое решение предпринято законодателем в целях предотвращения множественности толкования методов приобщения вещественных доказательств к уголовному делу, и, как следствие тому, различно складывающейся практикой в правоохранительных органах.

Несмотря на законодательно закрепленное положение, споры среди ученых по поводу правовой природы фонограммы не угасают по сей день.

Связано это с тем, что фонограмму, можно отнести как вещественным доказательствам, так и к иным документам.

Тем не менее, Д.А. Ширёв в своих научных трудах выражает позицию о том, что указанные категории имеют характерный ряд различий[2]. Так, например, фонограммы, являющиеся вещественными доказательствами, отличаются от других доказательств тем, что приобретают этот статус в связи со своим содержанием, в котором заключена информация, связанная с подготовкой, совершением или сокрытием преступления.

Что касается иных документов, законодатель включает в эту категорию сведения, содержащие информацию как в письменной, так и в иной форме. В данном случае таковыми могут являться в том числе и материалы киносъемки, а также аудио- и видеозаписи, другие носители информации, полученные в соответствии со статьей 86 УПК РФ[3]. Характерной чертой иных документов как вида доказательств является то, что они возникают вне уголовного процесса и лишь затем, через следственные действия, истребование или представление, вводятся в уголовное дело. Фонограммы, как иные документы, согласно статье 84 уголовно-процессуального закона, просто приобщаются и подшиваются к уголовному делу, в то время как фонограммы, являясь вещественными доказательствами, проходят многоступенчатую процедуру процессуального закрепления в соответствии с ч. 2 ст. 81 УПК РФ.

Приведенная ученым классификация, по нашему мнению, весьма точно отражает различные подходы к указанным категориям и ставит очевидную точку на том, что фонограмма, полученная в ходе производства контроля и записи переговоров, при соблюдении установленных уголовно-процессуальным законом процедур, будет являться вещественным доказательством. В конце концов, вне зависимости от теоретической позиции исследователей,

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) ч. 8 ст. 186 // СПС КонсультантПлюс.

[2] Ширев Д.А. Процессуальное оформление результатов применения записи телефонных переговоров, полученных из разных источников. // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2007. № 2. С. 40–46.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (последующими изменениями и дополнениями) ч. 8 ст. 186 // СПС КонсультантПлюс.

законодателем данная позиция закреплена, а потому заведомо не может иметь двойственное толкование.

Как было упомянуто ранее, процесс приобщения фонограммы в качестве вещественных доказательств имеет свои процессуальные особенности. В отличие от других вещественных доказательств фонограмма к моменту приобщения уже является осмотренной, а потому следователю перед этим необходимо лишь уделить внимание оценке и проверке доказательства, поскольку именно эти два компонента в дальнейшем позволят рационально использовать его в уголовном судопроизводстве. В состав мероприятий по оценке и проверке входит анализ проделанной работы при производстве контроля и записи переговоров, решение вопросов, связанных с относимостью, допустимостью и достоверностью полученных сведений. Вместе с тем, оценке подвергается и протокол следственного действия с точки зрения его полноты, логичности, объективности, ясности формулировок и присутствия в нем всех необходимых процессуальных реквизитов, предусмотренных ст. 166 и 186 УПК РФ[1].

Переходя к вопросу использования результатов контроля и записи переговоров, уместно будет упомянуть о том, что такие сведения будут носить не только доказательственный, но и ориентирующий характер. В частности, они способны влиять и на дальнейший ход предварительного следствия, - отмечает Л.И. Ивченко в своем диссертационном исследовании[2].

Мы разделяем данную позицию, и, кроме того, проанализировав ряд судебной практики, отмечаем, что результаты контроля и записи переговоров могут иметь значение как для расследования конкретного уголовного дела, так и для выявления иных преступлений, о которых стало известно в ходе предварительного следствия. Так, судебной практике известна следующая ситуация:

Коминтерновским районным судом г. Воронежа вынесен приговор, согласно которому Гражданин Н. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах. Гражданин Н. находился в помещении сауны, где совместно со своими знакомыми распивал алкогольные напитки. В ходе общения с гражданином Х. возникла конфликтная ситуация, в ходе которой гражданин Н. причинил последнему тяжкий вред здоровью.

Располагая достаточными данными, полученными в ходе допроса гражданина Х., и в целях получения доказательств по уголовному делу, на основании судебного решения произведен контроль и запись переговоров, в результате которого установлено, что между гражданином Н. и гражданином Г. состоялся

[1] Россинский С.Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex russica. 2017. № 10. С. 36-46. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.131.10.036-046.

[2] Ивченко Л.И. Тактика контроля и записи переговоров и использование результатов этого следственного действия в расследовании преступлений // Диссертация. М., 2004. С. 131.

телефонный разговор, из которого стало известно об истинных обстоятельствах совершения преступления[1].

Принимая во внимание то, что возможности данного следственного действия предоставляют в значительной мере широкие возможности для уголовного судопроизводства в целом, наше исследование все же приходит к выводу о том, что контроль и запись переговоров в большинстве своем является факультативным следственным действием и достаточно редко применяется в рамках предварительного следствия. Об этом, в том числе, можно судить и по количеству имеющейся правоприменительной практики.

Данная позиция обусловлена множеством факторов и прежде всего тем, что контроль и запись переговоров, несмотря на разную правовую основу, по своей сущности и некоторым признакам во многом схож с оперативно-розыскным мероприятием, именуемым как прослушивание телефонных переговоров[2]. В силу того, что уголовно-процессуальный закон при соблюдении определенных условий допускает в качестве доказательств использовать результаты оперативно-розыскной деятельности, то во многом выбор между исследуемым следственным действием и вышеуказанным оперативно-розыскным мероприятием предопределен даже при условии некоторых особенностей, связанных с признанием доказательствами таких результатов. Более того, процесс получения доказательств в ходе производства контроля и записи переговоров более сложен и продолжителен, в сравнении с прослушиванием телефонных переговоров. Таким образом, осуществление перечисленных процедур отнимает у сотрудников органов предварительного следствия значительное количество рабочего времени, что лишает во многом исследуемое нами следственное действие практической пользы.

С развитием современных информационных и телекоммуникационных технологий контроль и запись переговоров может являться эффективным средством получения доказательств при расследовании обширного перечня преступлений средней тяжести, а также тяжких и особо тяжких составов. Однако, несмотря на перечисленные преимущества, контроль и запись переговоров является редко применимым следственным действием в силу того, что требует достаточно больших организационных, временных и иных затрат, а такое оперативно-розыскные мероприятие как прослушивание телефонных переговоров зачастую является хорошей альтернативой схожему по своей сути следственному действию.

Исходя из вышеперечисленного, уместно будет рассмотреть предложения о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство:

---

[1] Коминтерновский районный суд г. Воронежа Приговор № 1-153/2023 1-992/2022 от 20 декабря 2023 г. по делу № 1-153/2023 [Электронный ресурс] // СудАкт.ру сайт URL: https://sudact.ru/regular/doc/dgQ2dunCD6YT (дата обращения 04.03.2025).

[2] Кузнецов Е.В. Совершенствование правового регулирования и практики применения оперативно-розыскного мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров» и следственного действия «Контроль и запись переговоров»// Вестник Восточно-Сибирского института МВД РФ. 2012. № 3 (90).

Рассмотреть вопрос об объединении контроля и записи переговоров с таким процессуальным действием, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Часто при получении информации о соединениях возникает необходимость в производстве контроля и записи переговоров, однако, учитывая многоступенчатый характер получения разрешения на его производство и организационные особенности, следователь ограничивается лишь первым. Объединив две нормы в одну с учетом возможности выбора производства следственного действия в части или в целом, данное нововведение поспособствовало бы более частому производству исследуемого следственного действия, а, учитывая его выборный характер, позволило бы лишний раз не прибегать к дополнительным временным затратам.

Когда речь идет о противоречивости внимание следует уделить тому факту, что предоставляемая следователю фонограмма поступает от оперативно-технических подразделений, осуществляющих негласную деятельность, что уже является весьма нестандартной процедурой собирания доказательств. Ни одно следственное действие в уголовно-процессуальном законе не обладает подобной связью.

Полагаем, необходимо рассмотреть вопрос об упразднении контроля и записи переговоров в силу его противоречивости юридической природе уголовного судопроизводства и малому использованию в ходе предварительного расследования, а также рассмотреть вопрос о внесении изменений в ч. 1 ст. 186 УПК РФ в части предоставления возможности производства контроля и записи переговоров по всем категориям преступлений.

Данный шаг позволит расширить возможности производства предварительного расследования, а также поспособствует более активному внедрению контроля и записи переговоров в систему следственных действий.

Литература

1. Ивченко Л.И. Тактика Контроля и записи переговоров и использование результатов этого следственного действия в расследовании преступлений // Диссертация. М., 2004. С. 131.

2. Кузнецов Е.В. Совершенствование правового регулирования и практики применения оперативно-разыскного мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров» и следственного действия «Контроль и запись переговоров»// Вестник Восточно-Сибирского института МВД РФ. 2012. № 3 (90).

3. Попов К.И. Использование в доказывании результатов контроля и записи и записи переговоров// Правопорядок: история, теория, практика № 1 (2).

4. Россинский С.Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex russica. 2017. № 10. С. 36-46. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.131.10.036-046

5. Ширев Д.А. Процессуальное оформление результатов применения записи телефонных переговоров, полученных из разных источников // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2007. № 2. С. 40–46.

С.В. Замалеева
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Об истории возникновения и развития института обыска как следственного действия

Аннотация. Статья посвящена исследованию исторических этапов возникновения и развития обыска как следственного действия. Автор приходит к выводу, что уяснение правовой природы и сущности обыска как следственного действия невозможно без изучения его эволюции.

Ключевые слова: обыск, выемка, ордер, следственное действие, доказательства, допрос, уголовный процесс, уголовное дело, обвиняемый, понятой, следователь, дознаватель, прокурор, суд.

Обыск широко используется в следственной практике как важный метод получения доказательной информации при расследовании уголовных дел. Анализ исторического развития института обыска важен для понимания его эволюции и дальнейшего совершенствования.

Изучение истории обыска осложняется различиями между современными правовыми терминами и терминологией Древней Руси, а также тем, что до формирования поискового (инквизиционного) процесса уголовная процедура не была полностью под контролем государства.

Истоки обыска восходят к XV веку, когда в российском уголовно-процессуальном законодательстве он выступал как способ сбора доказательств, влияющих на суд. Первые упоминания об обыске встречаются в Судебнике Ивана III.

В Судебнике 1550 года, а также в Уставной книге разбойного приказа 1555 года и Соборном Уложении 1649 года, обыск понимался как опрос лиц для проверки информации о подсудимом или его репутации. В Судебниках 1497 и 1550 годов обыск и пытка служили основными методами уголовного процесса, называемого тогда обыском. Губные старосты и целовальники вели «повальный обыск», опрашивая жителей об образе жизни подозреваемых[1].

Таким образом, повальный обыск напоминал допрос и имел мало общего с современным обыском. Соборное уложение 1649 года уточняло процессуальные правила, но обыск оставался инструментом установления вины.

Существует разграничение на две формы обыска: повальный и «обходными людьми». Последний применялся для выяснения, помогали ли

[1] Низаева С.Р. История развития института обыска // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10. С. 265.

граждане разбойникам или для учета уничтоженного имущества.

Обыск «обходными людьми» содержал современные элементы, так как он был направлен на поиск предметов, значимых для расследования. Параллельно начала использоваться выемка, применяемая приставами для принуждения к выполнению обязанностей.

С течением времени повальный обыск утратил доверие из-за совпадения подкупа участников. Уже Петр I исключил его из Воинского Устава 1716 года, хотя Свод уголовных законов восстановил его в случае необходимости проверки общеизвестных мигей о подсудимом[1].

В.Д. Спасович считал, что обыск согласно Своду давал только дополнительное подтверждение другим доказательствам и превратился в формальность, став просто сбором характеристик личности обвиняемого[2].

При Воинском уставе 1722 года использовался «Краткое изображение процессов» западноевропейского происхождения, не признававшее обыск самостоятельным доказательством, но применявшееся в расследовании уголовных и военных дел.

Лишь к XIX веку стало складываться представление об обыске как процессуальном действии и одном из способов доказательства. В Своде законов Российской империи 1832 г. обыск упоминался как метод сбора доказательств. В то же время не проводилось четкого различия между обыском и выемкой, что позволяло трактовать выемку как часть обыска (по ст. 94 свода, «выемщик» должен был обыскивать домовладение). Были установлены общие правила выполнения обыска, такие как необходимость присутствия «приличного числа» понятых (ст. 94) и запрет на причинение имущественного ущерба (ст. 97).

Существенные изменения в подходе к обыску как средству доказательства произошли с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г., в частности, ст. 43 впервые закрепляла обязательное присутствие понятых. В это время обыск трансформировался из общего метода сбора доказательств в конкретное следственное действие. Были введены детализированные процедуры для его проведения с особым акцентом на защиту прав и свобод обыскиваемого лица.

Статьи 357-370 Устава, адресованные судейским следователям, регулировали аспекты, связанные с обыском. Условия проведения обыска были схожи с современными нормами уголовно-процессуального закона. В Уставе впервые установили порядок для обысков в помещениях лиц с особым статусом, таких как государь или члены императорского дома, требуя разрешения Министерства иностранных дел или придворного начальства. Такая регламентация оставалась

---

[1] Руденко А.Н. История развития института обыска // Отечественная юриспруденция. 2021. № 9. С. 34.

[2] Варданян А.В. Экскурс в историю производства обыска // Международная научно-практическая конференция «Преступность в России: состояние, проблемы предупреждения и раскрытия преступлений». Сборник материалов. Воронеж: Издательство Воронежского института МВД России, 2021. С. 102.

до 1917 года, когда Устав 1864 г. был упразднен[1].

После Октябрьской революции 1917 г. и изменения политического строя нормы уголовного законодательства претерпели изменения. Декретом СНК РСФСР от 24.11.1917 г. «О суде» старый порядок следствия был отменен. Вопросы обыска поднимались в Постановлении Народного комиссариата юстиции РСФСР от 16.12.1917 г., которое лишь перечисляло организации, уполномоченные выдавать ордера на обыск, без указания на порядок проведения обыска. Прокурорский надзор был также упразднен.

Постановлением ВЧК от 22.03.1918 г. «О создании местных ЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» право на аресты и обыски полностью передавалось местным ЧК. Инструкция по проведению обысков требовала уважительного отношения к арестованным и обыскиваемым лицам.

Приказ начальника милиции РСФСР № 24 от 16.03.1921 г. давал подробные указания милиционерам: обыск проводился при «основательном подозрении» на наличие доказательств или скрывающегося преступника. Оформлялся он на основании ордера от начальника уголовно-розыскных органов.

Декретом ВЦИК от 06.02.1922 г. был установлен порядок проведения арестов, обысков и выемок исключительно по специальным постановлениям и ордерам, выдача которых регулировалась инструкцией Народного комиссариата юстиции[2].

Детализированные процедуры обыска были закреплены в УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. Главой XIV УПК РСФСР 1923 г. были охвачены обыск и выемка. Обыск проводился следователем, а для дипломатических представительств требовалось разрешение Народного комиссариата иностранных дел. Для изъятия документов, содержащих государственную, дипломатическую или военную тайну, соответствующими учреждениями по соглашению с прокурором могли устанавливаться особые гарантии их неразглашении.

Также согласно УПК 1922 г. требовались специальные постановления, ордер и присутствие понятых.

В УПК РСФСР 1922-1923 годов обыск рассматривался как независимое следственное действие, для которого были определены цель, основания и подробный порядок выполнения. Таким образом, начальные отечественные уголовно-процессуальные законы обеспечивали довольно детальное регулирование проведения обыска. Однако, в этих законодательных актах не признавалась роль суда в принятии решения об обыске, допускается значительное ограничение прав личности без предварительного судебного

[1] Мордовский П.С. Обыск как следственное действие в истории дореволюционной России // Черные дыры в российском законодательстве. 2023. № 4. С. 434–435.

[2] Книжникова А.А. Историческое формирование и современная правовая регламентация обыска // Молодой ученый. 2023. № 45. С. 309–310.

контроля[1].

В 1934 году при НКВД было образовано Особое совещание, действовавшее вне рамок процессуальных норм и не связанное строгими законами. Это позволило проводить обыски без постановлений, ордеров и участия понятых.

Реформа законодательства, начавшаяся в конце 1950-х годов, имела цель преодолеть последствия культа личности. В 1958 году «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» установили, что обыск возможен по решению органа дознания или следователя и только с одобрения прокурора (ч. 1 ст. 35 Основ). Присутствие понятых стало обязательным. В срочных случаях следователь мог осуществить обыск без санкции прокурора, но должен был уведомить его в течение 24 часов (ч. 2 ст. 35 Основ). Требование о санкционировании обыска стало значительным шагом к укреплению законности, защищая личную жизнь граждан от необоснованных вторжений.

Результатом реформы стало принятие 28 декабря 1960 года УПК РСФСР, вступившего в силу 1 апреля 1961 года, в котором обыску посвятили несколько статей. УПК РСФСР 1960 года объединил регулирование обыска, выемки и наложения ареста на имущество в одной главе[2].

В УПК РСФСР 1961 года было впервые четко разделено обыск и выемка как самостоятельные следственные действия, которые проводятся по постановлению следователя с прокурорским одобрением и при участии понятых и лица, у которого проводится обыск. Обыск жилья или иного владения осуществлялся только по мотивированному решению судьи, за исключением срочных случаев (ст. 168, 169 УПК РСФСР). Были тщательно разработаны требования к протоколам обыска или выемки, а также наложения ареста на имущество. На протяжении более 40 лет действия УПК РСФСР основные положения процесса обыска практически не изменялись[3].

В 1993 году была принята Конституция, закрепившая принципы неприкосновенности личности и жилища, что, в свою очередь, повлияло и на Уголовно-процессуальное законодательство. Обыск стал рассматриваться как самостоятельное следственное действие. Анализ истории показывает, что для его регламентации потребовалось ни одно столетие, а важным этапом стало принятие в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса Российской

---

[1] Пацкевич А.П. Ретроспективный и криминалистический анализ возникновения и развития института обыска // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2021. № 1. С. 75–76.

[2] Цахаев А.М. История возникновения следственного действия – обыск // NovaUm.Ru. 2022. № 21. С. 143.

[3] Макогон И.В., Трифонова К.А., Хоршева В.С. История развития законодательства, регламентирующего производство обыска и выемки в уголовном судопроизводств России // Лучшая научная статья: сборник статей международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: Наука и просвещение, 2021. С. 84–87.

Федерации[1].

Анализ исторических периодов развития института обыска показывает, что на протяжении длительного времени обыск рассматривался как опрос, сбор характеристик личности обвиняемого и не признавался самостоятельным доказательством. Лишь к XIX в. стало складываться представление об обыске как процессуальном действии и одном из способов доказательства.

Современные нормы уголовного процессуального законодательства, регулирующие институт обыска, включают такие элементы как: поиск объектов и сбор доказательств, обязательное участие понятых, проведение в дневное время, по решению суда (за исключением обстоятельств, не терпящих отлагательства), неприкосновенность личности и жилища, защита прав и свобод обыскиваемого лица и другое. Все это является положительным моментом реформирования уголовного судопроизводства, так как учет исторических факторов важен для становления института с его недостатками, достоинствами и законодательными гарантиями.

На сегодняшний день ещё существует ряд неурегулированных вопросов, касающихся обыска как следственного действия, однако можно смело сказать о положительном влиянии различных исторических этапов на действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

Литература

1. Варданян А.В. Экскурс в историю производства обыска // Преступность в России: состояние, проблемы предупреждения и раскрытия преступлений Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Воронеж: Издательство Воронежского института МВД России, 2021. С. 102.
2. Книжникова А.А. Историческое формирование и современная правовая регламентация обыска // Молодой ученый. 2023. № 45. С. 309–310.
3. Макогон И.В., Трифонова К.А., Хоршева В.С. История развития законодательства, регламентирующего производство обыска и выемки в уголовном судопроизводств России // Лучшая научная статья: сборник статей международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: Наука и просвещение, 2021. С. 84–87.
4. Мордовский П.С. Обыск как следственное действие в истории дореволюционной России // Черные дыры в российском законодательстве. 2023. № 4. С. 434–435.
5. Низаева С.Р. История развития института обыска // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10. С. 265.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52.

6. Пацкевич А.П. Ретроспективный и криминалистический анализ возникновения и развития института обыска // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2021. № 1. С. 75–76.
7. Руденко А.Н. История развития института обыска // Отечественная юриспруденция. 2021. № 9. С. 34.
8. Цахаев А.М. История возникновения следственного действия – обыск // NovaUm.Ru. 2022. № 21. С. 143.

*

О.Р. Зорина
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

К вопросу об обоснованности изменения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения Федерального Закона от 28.12.2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в части касающейся ст. 150 УК РФ. Проанализированы обоснованные изменения и обозначены некоторые вопросы применения ст. 150 УК РФ.

Ключевые слова: преступления в отношении несовершеннолетних, квалифицирующий признак, информационно-телекоммуникационные технологии, сеть Интернет, вовлечение.

Защита детства является одним из приоритетных и важнейших направлений государственной политики Российской Федерации. Одной из угроз, которой подвергаются дети являются совершение преступлений в отношении них[1]. Реализуя задачи, стоящие перед уголовным правом – защита прав и законных интересов человека и гражданина, а также предупреждение преступлений, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) предусмотрен достаточно большой перечень преступлений, жертвой которых может стать несовершеннолетнее лицо.

В связи с продолжающейся и развивающейся политикой государства, направленной на развитие традиционных, духовно-нравственных ценностей, формирование условий для нормального и всестороннего развития несовершеннолетних, особое значение и интерес имеет статья 150 УК РФ – Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

Вовлечение несовершеннолетних в группы для совершения преступлений разрушает отношение, обеспечивающее их нравственное развитие, и ведет к возникновению антиобщественного отношения между несовершеннолетним и

[1] Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 № 358 «Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года». СЗ РФ. 2023. № 21. Ст.3696.

преступником, когда неформальная среда перерождается в негативную и отрицательно влияет на социализацию подрастающего поколения[1].

Статья 150 УК РФ открывает главу преступлений против семьи и несовершеннолетних, что свидетельствует о приоритетном положении охраняемого уголовным законом объекта данной нормы. Значимость охраны морального, психического и физического здоровья несовершеннолетнего, на которого осуществлено покушение путем привлечения в преступление, подтверждается недавно вступившими в силу изменениями в рассматриваемой норме.

Федеральным законом от 28.12.2024 года № 514-ФЗ в статью 150 УК РФ внесены следующие изменения:

1) часть вторая дополнена квалифицирующим признаком – с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»);

2) определен нижний порог назначения наказания за совершение преступления по ч. 2 статьи 150 УК РФ – от трех лет лишения свободы;

3) часть третья помимо имеющегося ранее квалифицирующего признака – с использованием насилия или угроз его применения, дополнена новыми двумя – деяние, совершенное в отношении двух или более несовершеннолетних; в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста;

4) санкция ч. 3 статьи 150 УК РФ была усилена путем увеличения срока лишения свободы от четырех до девяти лет, а также дополнена ранее не включенным наказанием – лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трех лет;

5) в санкции ч. 4 статьи 150 УК повышен предельный срок лишения свободы – до десяти лет[2].

В наполнении уголовно-правовой нормы новыми квалифицирующими признаками общество нуждалось многие года. Каждое дополнительное условие, нашедшее отражение в новой редакции статьи 150 УК РФ обусловлено накопившимися проблемами в правоприменительной практике. Отметим, что статья, предусматривающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, до нынешних изменений в 2024 году крайний раз была преобразована в 2013 году.

Использование информационно-коммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») является одним из самых востребованных условий совершений преступлений в современном обществе. Это связано не только с развитием информационно-коммуникационных технологий, но и с доступностью, упрощением вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления таким способом. Современное подрастающее поколение большую часть своей жизни проводит, используя информационно-коммуникационные технологии (в том числе сеть «Интернет»), тем самым повышая шансы стать жертвой преступления

---

[1] Винокуров В.Н. Общественная опасность и объект преступления // Современное право. 2018. № 11. С. 97–102.

[2] Федеральный закон от 28.12.2024 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53. Ст. 8524.

таким способом. Преступления, в которые вовлекаются несовершеннолетние путем использования сети «Интернет» разнообразны, включают в себя преступления как в самой сети «Интернет», так и преступления в реальной жизни.

Указанный признак обозначен в качестве конструирующего или в разной степени квалифицирующего более чем в 20 статьях УК РФ, что свидетельствует о повышенной опасности данного действия[1].

Использование преступниками информационно-коммуникационных сетей (в том числе сеть «Интернет») дает им возможность совершать общественно-опасные деяния из любой точки мира, для этого им не обязательно быть рядом с потенциальной жертвой. Усложняющим фактором установления, раскрытия и расследования таких преступлений является способность преступника скрыть свою противоправную деятельность, применяя для этого конфиденциальность при использовании сети «Интернет».

Не умоляя заслугу законодателя во включении квалифицирующего признака – с использованием информационно-коммуникационных сетей (в том числе сеть «Интернет»), считаем целесообразным по аналогии со статьей 151.2 и рядом другим норм УК РФ расширить п. б ч. 2 ст. 150 УК РФ следующим положением: «деяние, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации». Предлагаемое для включения в норму дополнение позволит расширить зону уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от преступных посягательств.

Вовлечение в совершение преступления двух и более несовершеннолетних является логичным нововведением в статье 150 УК РФ, так как в практике применения данной нормы встречаются случае предъявления обвинения следственными органами по совокупности преступлений. То есть вовлечение каждого несовершеннолетнего в рамках одного деяния. В процессе судебного разбирательства суд приходит к выводу, что содеянное представляет собой одно преступление и не образует совокупности при одномоментном вовлечении нескольких несовершеннолетних в совершение преступления.

Включенный квалифицирующий признак – вовлечение в совершение преступления двух и более несовершеннолетних, не только содействует разрешению правоприменительных вопросов, но и является справедливым для виновного лица. Это обусловлено повышенной общественной опасностью в сравнении с основным составов преступления, за счет кратного увеличения несовершеннолетних, подвергнутых противоправному воздействию.

Одним из важнейших дополнений в статью 150 УК РФ стал включенный квалифицирующий признак – деяние, совершенное в отношении лица, не достигшего возраста четырнадцати лет.

До вступления в силу рассматриваемых изменений в статье 150 УК РФ, в доктринальной литературе активно и регулярно обсуждались актуальные

[1] Сунгатуллин А.Н. О перспективах усиления уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 3(69). С. 65–74.

вопросы вокруг теоретического и практического применения данной нормы. Приоритетный из них – назначение виновному лицу менее строго наказания.

Статья 87 УК РФ содержит определение несовершеннолетнего лица, им признается лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет[1]. Следует ли применять данное определение ко всем несовершеннолетним в рамках уголовно-правовых отношений не совсем ясно, так как целью упомянутой статьи является отразить определение именно несовершеннолетнего лица, виновного в совершении преступления.

Заметим, что положения Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «Применение законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», заключают, что в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 статьи 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения[2]. При этом вопрос об одновременном вменении статьи 150 УК РФ не уточнен.

Таким образом несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет не находились под защитой в рамках статьи 150 УК РФ. Вступившие в силу изменения рассматриваемой нормы расширили сферу уголовно-правовой охраны детей.

В статье 150 УК РФ – Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления произошли важнейшие изменения за многие года её применения. Каждое нововведение обусловлено рядом теоретических и практических причин. Не смотря на совершенствование уголовно-правовых норм актуальные проблемы в данной области остаются. Только правоприменительная практика и фундаментальные исследования способны к определению актуальности применения новых положений, выявлению острых вопросов в измененной норме, и возможных путей их решения.

Литература

1. Винокуров В.Н. Общественная опасность и объект преступления // Современное право. 2018. № 11. С. 97–102.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. 28.10.2021) «Применение законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // БВС РФ. 2011. № 4.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 28.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 11 (ред. 28.10.2021) «Применение законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // БВС РФ. 2011. № 4.

3. Сунгатуллин А.Н. О перспективах усиления уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 3(69). С. 65–74.

И.Л. Игнатьева
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Особенности производства обыска жилище в отношении специальных субъектов

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации и производства обыска в жилище, в котором проживают категории лиц, в отношении которых уголовно-процессуальным законодательством устанавливается особый порядок производства следственных и процессуальных действий, в связи с наличием особого процессуального статуса.

Ключевые слова: процессуальный статус: обыск в жилище; обыск в условиях, не терпящих отлагательств; следственные действия; уголовно-процессуальное право.

Организация и проведения обыска в жилом помещении всегда являлось наиболее трудоемким процессом в работе следователей и дознавателей правоохранительных органов. После вынесения соответствующего постановления сотрудники и специалисты направляются в жилое помещение физического лица, где им предстоит найти предметы и объекты, которые представляют значение для расследования уголовного дела. Тогда они сталкиваются с противодействием со стороны преступников, которые стремятся уничтожить вещественные доказательства, скрыть следы преступной деятельности и всячески воспрепятствовать установлению истины по делу. В связи с чем важно изучать особенности проведения обысков в жилых помещениях. Особенно это касается, когда речь идет о жилом помещении, где проживает физическое лицо, наделенное специальным статусом, имеет неприкосновенность и защищено от следственных действий на уровне закона. Однако, это не отменяет необходимости проведения следственного действия. Но стоит учитывать специфику проведения обыска в отношении специальных субъектов, обусловленную особым порядком получения санкции проведения следственного действия, подготовкой к проведению обыска, рядом аспектов, связанных с обнаружением, фиксацией и изъятием вещественных доказательств, а также участников следственного действия, поскольку существует ряд примеров проведения обыска не в отношении специального субъекта, но с участием последнего.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве определен широкий спектр лиц, которые наделены особым процессуальным статусом.

Лица, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам – это специальные субъекты, включенные в перечень, предусмотренный ч. 1 ст. 447 УПК РФ, обладающие в силу своего места и роли в

механизме правового регулирования исключительными правами и иммунитетами (привилегиями), призванными обеспечивать эффективность их публичной деятельности.

Специальный субъект – это лицо, которое, кроме общих признаков субъекта, обладает еще дополнительными признаками, указанными в диспозиции уголовно-правовой нормы, отражающими специфические свойства преступника. Указание в диспозиции нормы на признаки специального субъекта означает, что не всякое физическое, вменяемое, достигшее указанного в законе возраста лицо, причинившее вред обществу, подлежит уголовной ответственности. В большинстве случаев особые свойства специального субъекта порождаются его особыми обязанностями перед другими лицами или государством. Правовая природа рассматриваемых обязанностей может быть различна, как правило, это правовые акты различных уровней – Конституция РФ, Семейный кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, должностные инструкции и другие[1].

Законы, регулирующие правовое положение указанных лиц, не содержат дополнительных гарантий, связанных с производством обыска в отношении них, а отсылают к отраслевому законодательству. К примеру, ч. 3 ст. 18 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» закрепляет, что в случае обыска у депутата законодательного органа РФ, совершения иных уголовно-процессуальных действий, применяется особый порядок производства по уголовным делам, установленный федеральными законами.

Особенность организации обыска в жилище в отношении указанной категории лиц обуславливается необходимостью согласования ходатайства о производстве обыска на соответствующем территориальном уровне. В остальном на указанную категорию лиц распространяется особый порядок возбуждения уголовного дела, а что касается производства следственных действий – здесь действуют правила производства следственных действий в общем порядке[2].

Во-первых, производство обыска в жилище в отношении спецсубъектов, которые несмотря на наличие своего статуса, не наделяются неприкосновенностью. К такой категории лиц относят депутатов органов государственной власти, председатель Счетной палата РФ, прокурора, председателя Следственного комитета РФ, руководителей следственного органа и следователей, членов избирательных комиссий и референдума с правом решающего голоса, а также зарегистрированные кандидаты в депутата Государственной Думы РФ, законодательных и представительных органов государственной власти субъекта РФ.

Во-вторых, производство обыска в жилище в отношении спецсубъекта, который является свидетелем или потерпевшим, а не подозреваемым или обвиняемым лицом по уголовному делу. Наличие особого правового статуса создает ложную

---

[1] Поздышев Р.С. Особенности проведения обыска в отношении отдельной категории лиц с неприкосновенностью // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51).
[2] Добровлянина О.В. Отдельные следственные действия // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1.

гипотезу о невозможности их обыска в отношении спецсубъекта, поскольку уголовное дело в отношении них не возбуждалось, подозреваемым или обвиняемым он не признавался.

По общему правилу уголовное преследование обыскиваемого не является обязательным условием для производства обыска в жилище. При наличии фактических оснований и мотивированного решения следователя или санкции суда обыск возможен даже в статусе потерпевшего либо свидетеля спецсубъекта.

В-третьих, обыск в жилище в отношении лиц, которые проживают совместно со спецсубъектами. На практике сотрудники правоохранительных органов изредка, но встречаются с ситуацией, когда обыск необходимо провести в жилище, где проживает подозреваемое или обвиняемое лицо, но при этом жилище принадлежит спецсубъекту, либо оно там фактически проживает в виду родственных или дружественных связей[1].

Правоприменительная практика по данному факту противоречива. Многие судебные органы запрещают производство обыска в жилище на основании постановления следователя с последующей проверкой его законности и обоснованности в судебном заседании, поскольку существует строгая необходимость соблюдения особого порядка производства в отношении спецсубъекта.

Например, в суде первой инстанции производство обыска в жилище, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ в отношении обвиняемого, который проживает совместно со своим отцом – следователем, законным и обоснованным. Однако Верховный суд Республики Дагестан данное решение отменил, ссылаясь на то, что в указанной ситуации обыск должен был проводиться на основании судебной санкции, что предусматривается ч. 5 ст. 450 УПК РФ

В данном случае при организации и производстве обыска важно обеспечить гарантии, обусловленных особым правовым статусом.

При организации обыска в жилище в подобных ситуациях, важно учитывать правовое положение лиц, которые проживают в указанном жилище совместно с подозреваемыми или обвиняемыми лицами. При производстве обыска в жилище следственное действий должен быть направлено именно в отношении лица, фактические данные о котором свидетельствуют о такой необходимости, исключив при этом возможность необоснованного обыска в отношении спецсубъекта.

Рассматривая правоприменительную практику Хабаровского края, можно в рамках указанного случая рассмотреть ситуацию, которая произошла в отношении следователя СУ УМВД России по г. Хабаровску. В октябре 2022 года в жилище, которое на правах аренды принадлежало В., которая являлась на рассматриваемый период следователем, прибыл следователь СУ УМВД России по Хабаровскому краю с постановлением суда о санкционировании производства обыска в жилище. При этом уголовное дело, по которому проводился обыск, было возбуждено в отношении А., который являлся сожителем В. и фактически проживал по указанному адресу совместно с последней, а не в отношении следователя В.

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Г.М. Резника. М.: Юрайт, 2024.

Следователю В. следователем СУ УМВД России по Хабаровскому краю было предъявлено постановление суда, однако последняя ознакомиться с ним не успела, а производство следственного действия было начато. При это не был приглашен собственник жилого помещения, и А. на данный момент отсутствовал на территории г. Хабаровска в связи с командировкой. В ходе обыска следователем СУ УМВД России по Хабаровскому краю был изъят ежедневник А., а также жесткий диск В.

Анализ рассмотренного примера позволяет выявить нарушение уголовно-процессуального законодательства и нарушение прав процессуального статуса следователя – другим следователем на уровне управления субъекта, что свидетельствует о необходимости доктринального и законодательного совершенствования с целью уточнения особенностей производства обыска в жилище лиц, процессуальный статус которых охраняется законом.

Литература

1. Добровлянина О.В. Отдельные следственные действия // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1. С.122
2. Поздышев Р.С. Особенности проведения обыска в отношении отдельной категории лиц с неприкосновенностью // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С.44-45
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Г.М. Резника. М.: Юрайт. 2024. С.311-312

И.Л. Игнатьева[1], **Р.Р. Гаджирагимов**[2]
[1,2]Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Уголовно-процессуальные ошибки в деятельности адвоката

Аннотация. В данной статье автор рассматривает основные ошибки, совершаемые адвокатами-защитниками в ходе уголовного судопроизводства. Дана классификация данным ошибкам, приведены примеры из судебной практики по ошибкам защитников. Автор приводит к выводу о неоднозначности данного вида ошибок в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: процессуальные ошибки, адвокат, сторона защиты, судебный процесс.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в уголовном судопроизводстве в основном рассматриваются следственные и судебные ошибки, однако вопреки многим заблуждениям ошибки адвокатов-защитников играют немаловажную роль в отправлении правосудия. Это происходит потому, что судебные, следственные и экспертные ошибки влияют на назначение

уголовного наказания, которое не реализуется полностью или в части. А процессуальные ошибки адвокатов в уголовном судопроизводстве влекут за собой необоснованное привлечение к уголовной ответственности. А это в свою очередь нарушает суть назначении уголовного судопроизводства, определенного в ч. 2 ст. 6 УПК РФ: цель уголовного судопроизводства – преследование виновных и назначение им справедливого наказания, также отказ от преследования невиновных лиц, освобождение каждого такого лица от наказания, его реабилитация.

Но для начала необходимо определить, что понимается под процессуальной ошибкой защитника. Проанализировав юридическую литературу можно сделать вывод о том, что под ошибкой защитника стоит понимать непреднамеренное неправильное применение, нарушение или неприменение уголовно-процессуального законодательства защитником в ходе осуществления профессиональной защиты, вследствие чего были нарушены права его подзащитного или других участников уголовного судопроизводства. Важно понимать, что в данном случае действия защитника не должны образовывать состав преступления[1]. Говоря о видах ошибок, совершаемых адвокатами, стоит отметить следующие:

1. Тактические ошибки;
2. Ошибки в процессе доказывания;
3. Ошибки в применении уголовно-процессуального закона;
4. Ошибки в применении уголовного закона.

Если рассматривать деятельность адвокатов с призмы представленной нами классификации, стоит отметить, что вся процессуальная деятельность адвоката основывается на нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Однако для того, чтобы адвокаты в полной мере осуществляли свои функции им необходимо обладать знаниями с различных сфер. Однако не стоит забывать, что деятельность адвоката заключается не в сборе доказательств, а в оказании правовой помощи и установлении объективной истины по конкретному уголовному делу. В этом аспекте большинство адвокатов и совершают ошибки…

Так, основной ошибкой является запугивание или опорочивание репутации свидетелей или потерпевших в ходе их допросов в судебном процессе. Подобное поведение приводит к нарушению прав участников уголовного судопроизводства.

Приведем пример из судебной практики, где защитник убеждал присяжных заседателей в причастности свидетеля к совершению преступления.

[1] Полежаева М.В., Крысин В.А. Типичные ошибки адвокатов-защитников в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминалистики. 2021. С. 114.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ был отменен оправдательный приговор Кемеровского областного суда[1].

В ходе данного судебного процесса защитники довели до присяжных заседателей сведения о заключения досудебного соглашения свидетелями и о их прямой заинтересованности в исходе данного дела.

Однако это не единственный случай нарушения судебного следствия. Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ оставлено без изменения приговор Калининградского областного суда с участием присяжных заседателей и определение судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции[2].

Так, в ходе судебного процесса защитник ставил под сомнение доказательства, собранные стороной обвинения, не приводя каких-либо доказательств. Так же защитник пытался опорочить личность потерпевшего, его причастностью к преступной среде. Эти действия были нацелены на создания негативного образа правоохранительных органов в целом.

Иногда защитники совершают процессуальную ошибку, когда комментируют содержание исследуемых доказательств до начала прения сторон. Это искажает содержание исследуемых доказательств.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции отменила приговор Кемеровского областного суда[3].

Поскольку адвокат А. выступая в суде со вступительным словом заявил, что должностные лица органа предварительного следствия стремились любым способом направить уголовное дело в суд и что все доказательства в полной мере не подтверждают причастность подсудимого к совершению преступления.

Таким образом, совершив анализ процессуальных ошибок, совершаемых адвокатами-защитниками в ходе уголовного судопроизводства, стоит рассмотреть позицию судов по данному вопросу. Так, суды сходятся во мнении, что рассмотренные процессуальные ошибки, допущенные адвокатами, несмотря на их неправомерность все же отвечают функциям защиты. Так как сущность защиты состоит в том, что ставить под сомнение предъявляемое обвинение, иначе функция защиты лишается всякого смысла.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что природа процессуальных ошибок адвокатов-защитников имеет двойственную структуру. С одной стороны, последствием ошибки защитника является нарушения прав и

---

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.06.2020, дело № 81-АПУ20-1СП. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 05.03.2025).

[2] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.03.2020, дело № 71-УДП20-5СП-А1. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 04.03.2025).

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 08.02.2019, дело № 78-АПУ19-8СП. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 05.03.2025).

принципов какой-либо стороны, а с другой стороны процессуальная ошибка служит одним из способов построения линии защиты для своего подзащитного. Тем не менее какими-то ни были положительные стороны данного аспекта, необходимо минимизировать их появление, поскольку, хотя их совершение не влечет какой-либо ответственности, но они несут существенный вред правам и интересам одной из сторон. Так, подзащитный может необоснованно избежать уголовной ответственности, так и получить несправедливое наказание.

Литература

Полежаева М. В., Крысин В. А. Типичные ошибки адвокатов-защитников в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминалистики. 2021. С. 114–118.

Е.Ю. Казачек
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
Хабаровский филиал

Использование электронных систем (бортового компьютера) автомобиля в качестве источников криминалистически значимой информации, при расследовании преступлений

Аннотация: рассмотрены возможности использования информации, хранящейся в бортовом компьютере автомобиля. Раскрываются функции бортового компьютера. Информация, полученная с бортового компьютера, позволит более эффективно расследовать различные виды преступления, если фигурант пользовался автомобилем при совершении преступления. Приводятся примеры из следственной практики, наглядно демонстрирующие возможность использования информации, полученной с бортового компьютера автомобиля.

Ключевые слова: Следственный комитет, уголовное дело, расследование преступлений, коррупционное преступление, следственные действия, бортовой компьютер автомобиля, функции бортового компьютера автомобиля, следователь, оперативный сотрудник, информация.

В современных условиях, преступления должностных и коррупционной направленности, как собственно и других, организованных и спланированных преступлений, в подавляющем своем большинстве совершаются преступниками с тщательным подходом к планированию как их совершения, так и к использованию (или применению) мер тщательной конспирации. Данные обстоятельства в свою очередь требуют от сотрудников следственных подразделений использовать весь доступный арсенал средств получения криминалистически значимой информации, на этапе расследования.

Так, как правило, преступники знают о необходимости отключить (даже иногда разобрать на части) свои телефоны, вынуть сим-карту, оставить его в

ином месте, что бы его при перемещениях по городу не могли в последующем отследить по базовым станциям операторов мобильной связи. В то же время, преступники не всегда понимают, что установленные в их автомобилях электронные системы в зависимости от вида установленного бортового компьютера, фиксируют и сохраняют в памяти сведения о перемещениях автомобиля (навигатор), средствах связи используемых для управления ими (автозапуск, контроль места нахождения), мобильных телефонах (в том числе номерах и длительности звонков) подключаемых через функцию Bluetooth,[1] позволяющую им управлять автомобилем и не отвлекаться на прием звонка, а так же собственно запись с камер установленных на автомобиле, в качестве видеорегистратора (встроенного в бортовой компьютер автомобиля).

К сожалению, в большинстве своем, при производстве задержания и обысков в автомобиле, коллеги, в том числе оперативные сотрудники, оказывающие разработку и сопровождение, ограничиваются изъятием мобильных устройств преступников и иных лиц с ними находившимися и видеорегистратором если таковой находился в салоне автомобиля, не придавая значения информации, которую можно получить из бортового компьютера автомобиля (далее – БК), и которая может пригодиться в случае «дефицита» доказательств на предварительном следствии.

Так, из анализа ситуации по одному из уголовных дел, находящихся в производстве следственного отдела Х. края, следовало, что по оперативной информации, проводимых мероприятиях, фигурант приехал в одно место, так о чем-то договорился, назначив встречу через несколько часов, после чего его «отпускают» из-под наблюдения (что бы не рассекретить ОРМ). И затем вновь принимают его под наблюдение в конкретной точке, по приезду на место, где начинается контролируемое ОРМ (проверочная закупка, оперативный эксперимент и прочие).

Вместе с тем достаточно важное значением имеет факт, куда фигурант направился после достижения предварительной или окончательной договоренности, а это могут быть не просто кафешки и заправки, а также банки, но и к примеру – места жительства сотрудников правоохранительных органов, которые возможно действуют с преступников в соучастии, или оказывают консультативную помощь. Данная информация, как может иметь место, так и не иметь, но при наличии малейшей её возможности получить, а затем задать вопрос преступнику с какой целью, он трижды в неделю приезжал в район нахождения частного дома где проживает, к примеру заместитель руководителя отдела по противодействию коррупции, либо, руководитель фирмы, организации, в которой он работает, в том числе приезжал во внеслужебное время, не являясь близким другом семьи и проч. Все это может указывать на наличие преступной связи и иметь важное значение при доказывании группового и организованного соучастия при совершении преступления.

[1] Bluetooth – это стандарт беспроводной связи, обеспечивающий обмен данными между устройствами на основе ультракоротких радиоволн.

Так, наконец, в большинстве современных автомобилей, установлены бортовые компьютеры. Понятие «бортовой компьютер» (БК) подразумевает устройство, способное автоматически решать вычислительные задачи. Его можно сравнить с домашним ПК или даже с карманным гаджетом. Есть электронный блок, в котором сосредоточены необходимые платы, процессор, жесткий диск, а иногда и монитор с органами управления в виде клавиш или цифрового меню. Все это «вшито» в приборную панель. Визуально виден только монитор и органы управления.

Важная особенность электронного блока управления или бортового компьютера в том, что большая часть его операций заключается во взаимодействии с многочисленными датчиками и системами автомобиля. Дополнительно БК предоставляет опции, которые могут потребоваться в дороге.

Бортовой компьютер для автомобиля может обладать самыми разными функциями. Их перечень определяется конкретным оборудованием и моделью авто. Чем выше класс автомобиля, чем больше опций и настроек. Основными функциями рассматриваемых устройств являются:

Во-первых, функция управление опциями. К БК подключаются все мультимедийные устройства и опции с электронным управлением. Исключением являются внешние или внештатные функции. Так с его помощью включается и регулируется климат контроль, камера заднего вида, режимы вождения, параметры отдельных агрегатов, узлов.

Во-вторых, функция контроля над техникой. С помощью такого устройства можно осуществлять полный или частичный контроль над состоянием автомобиля. В продвинутых версиях БК позволяет управлять машиной удаленно через интернет или мобильную сеть. В числе доступных функций — прогрев и блокировка двигателя, включение климат-контроля, парковка, подъезд от гаража к дому, др.

В-третьих, функция отображения характеристик, текущих параметров работы. Устройство может давать расширенные опции и функции, детальную техническую информацию, помимо той, что отображается на панели приборов. Данные могут транслироваться на отдельный или общий дисплей.

В-четвертых, функция визуального и звукового оповещение водителя. Простым примером оповещения является индикация о неисправностях, низком уровне топлива и расходных материалов, отказах в работе опций. Компьютер также может отображать информацию с камер наблюдения и другие полезные данные, включая развлекательный контент.

В-пятых, функция взаимодействия с внешними устройствами. Помимо подключения диагностического прибора, большинство БК предусматривают опцию взаимодействия с внешними устройствами и гаджетами, например, со смартфоном. Благодаря этому, водитель получает возможность прослушивать сообщения, управлять звонками и другими функциями, не отвлекаясь от вождения.

В-шестых, функция самодиагностики. Компьютер считывает информацию со всех датчиков и сенсоров, создавая архив данных. Более сложные устройства

способы сразу же выдавать причину неисправности в виде кодов ошибок, общего или детального описания. В большинстве случаев для расшифровки данных нужно дополнительное устройство — диагностический сканер, планшет или ноутбук с соответствующей утилитой программного обеспечения.

Важным аспектом является тот факт, что непосредственно в ходе обыска или осмотра автомобиля, изъять содержащуюся в БК информацию, невозможно. Для снятия информации с БК потребуется участие специалиста, технического устройства с предустановленным программным обеспечением, а также впоследствии необходимость её расшифровывания.

С этой целью, было бы не плохо, на этапе разработки оперативными сотрудниками, в качестве дополнительного момента установить сервис, где обслуживается автомобиль, либо, возможно он находится в салоне на гарантии, и последствии к снятию и расшифровке данной информации, привлечь специалистов таких сервисных центров.

Вторым моментом, является необходимость изъятия автомобиля в ходе осмотра либо обыска и постановка его на арест площадку, с исключением доступа к нему извне. При этом, необходимо предусмотреть исключение возможности третьими лицами дистанционно, через беспроводные средства связи произвести удаление хранящемся в нем информации (с помощью выставления «режима полета»[1]).

И наконец, при анализе полученной информации, важно иметь максимальную информацию о личности преступника, его устойчивых и не очень связях, в том числе местах их жительства, работы, расположения секций, посещаемых как самим преступником, так и его детьми, чтобы при изучении маршрутов движения, записей с камер видеонаблюдения и мобильных подключениях, сразу исключать информацию, не имеющую отношения к делу.

Но в случае выполнения всех рекомендаций, вероятно приятное вознаграждение следователя за проделанную работу.

Примером судебно-следственной практики использования БК фигуранта может служить уголовное дело по расследованию незаконного оборота наркотических средств. После задержания в 2023 году фигуранта на автомобиле марки Ниссан Х-трейл, 2022 года выпуска, был изъят и его автомобиль. Автомобиль находился на гарантии в салоне в г. Х. По поручению следователя, оперативные сотрудники доставили специалиста сервиса в г. К-на-А., который «снял» информацию с БК с интересующего следствие автомобиля, т.е. раскодировал и предоставил в виде записей на 3-х DVD-дисков. Далее по поручению следователя с предоставлением данных DVD-дисков начальником первого отдела УНК по Х. краю было проведено оперативно-розыскное мероприятие (далее - ОРМ) «наведение справок», с соотнесением мест

[1] Благодаря возможности быстро отключить все системы передачи данных, функцию «режим полета» применяют для сброса приложений мобильного телефона. Например, если у имеются перебои с Wi-Fi или не «ловит» мобильная сеть, можно начать их работу заново. Для этого не обязательно перезагружать устройство полностью, достаточно включить «режим полета» секунд на 15–20.

пребывания автомобиля зафиксированным в БК с местами предполагаемых фактов получения тем из тайников и размещения в тайники же крупных партий наркотических средств, что позволило следствию, «заполнить пробелы» в установлении дат, мест (участков местности) где фигурантом совершались преступления. Результаты данного ОРМ были представлены в следственный орган в установленном законом порядке. При предъявлении подозреваемому данной информации, как установленной и доказанной в ходе оперативно-розыскных мероприятий, фигурант дал признательные показания по эпизодам, которые до этого были следствию неизвестны. Уголовное дело окончено производством и направлен в суд, где постановлен обвинительный приговор.

Таким образом, представленный в статье список общих функций бортового компьютера позволяет понять, зачем нужен бортовой компьютер в автомобиле и насколько он полезен сотрудникам следственных органов в расследовании преступлений. Для водителя БК это оперативный помощник, а для следственных органов, в случае использования сохраненной в его памяти информации – дополнительный источник доказательств, в том числе в случаях пробела в проведенных оперативно-розыскных мероприятиях, а также информацией для установления круга всех соучастников преступной деятельности. Умелое использование полученной информации позволит получить дополнительные доказательства и сократить сроки расследования.

Литература

1. Зубенко Е.В. Тактические особенности осмотра транспортных средств, имеющих бортовые компьютеры, при расследовании дорожно-транспортных преступлений / Е. В. Зубенко, В. В. Гирийчук // Транспортное право. 2024. № 1. С. 8–11. DOI 10.18572/1812-3937-2024-1-8-11.

2. Смушкин А.Б. Возможности использования в расследовании информации компьютеризированных систем автомобиля и установленных на нем устройств / А. Б. Смушкин // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 4 (113). С. 134–141. DOI 10.17803/1994-1471.2020.113.4.134-141.

Е.Ю. Казачек
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
Хабаровский филиал

Особенности расследования коррупционных преступлений, совершенных в сфере миграции

Аннотация. Рассмотрены проблемы расследования коррупционных преступлений, совершенных иностранными гражданами или в отношении иностранных граждан. Приводятся примеры из следственной практики, наглядно демонстрирующие возможность раскрытия и расследования преступлений коррупционной направленности, совершенных в миграционной сфере. Затронутые в статье вопросы

вызваны необходимостью разрешения проблем, возникающих в процессе противодействия коррупции в миграционной сфере с учетом современных миграционных процессов.

Ключевые слова: Следственный комитет, уголовное дело, расследование преступлений, коррупционное преступление, миграция, следственные действия, следователь, взятка, сотрудник органов внутренних дел.

Российская Федерация является привлекательным трудовым рынком. Такие факторы, как латентность коррупционной преступности, универсальность коррупционных схем, бюрократизм контрольных функций в сфере миграции затрудняют выявление коррупционных проявлений и эффективности мер по их устранению в деятельности правоохранительных органов. Наибольшее количество правонарушений в отношении мигрантов (около 80%) совершается сотрудниками органов внутренних дел.

Фиксируются такие нарушения прав мигрантов, которые выступают коррупционными факторами: произвольные задержания, фальсификация административных и уголовных дел, отказ в предоставлении справок из центрального банка данных, отказ принимать обращения и жалобы и т.д. Коррупционные правонарушения снижают эффективность работы государственных структур, оказывают отрицательное воздействие на реализацию основных функций правоохранительных органов в сфере миграции, тем самым причиняют вред национальным интересам государства и общества.

Недостатками борьбы с коррупционными преступлениями в сфере миграции, являются низкие показатели их выявления и раскрываемости, а также то обстоятельство, что основные усилия правоохранительных органов направлены на борьбу с эпизодическими коррупционными преступлениями (в основном с дачей взятки), не представляющими особой общественной опасности и сложности.

Криминалистическая методика расследования коррупционных преступлений призвана определить наиболее эффективные цели и направления, а также принципы расследования коррупционных преступлений.

Основные цели и направления расследования коррупционных преступлений: выявление, раскрытие и расследование прежде всего преступной деятельности организованных преступных групп и организованных преступных сообществ с элементами коррупции; расширение обвинения, выявление, раскрытие и расследование возможных совокупностей преступлений и вероятной серийности их совершения; изобличение в первую очередь организаторов, руководителей, наиболее активных членов организованных преступных групп и организованных преступных сообществ, участвующих в совершении коррупционных преступлений; активная криминалистическая профилактика преступлений на всех уровнях путем выявления и устранения причин и условий этих преступлений.

Принципы расследования коррупционных преступлений – это основополагающие нормы и рекомендации, которыми должен руководствоваться любой субъект уголовного преследования по делам данной

категории, служащие наиболее эффективному предупреждению криминальной коррупции, борьбе с ней и минимизации и (или) ликвидации ее последствий криминалистическими средствами.

К числу принципов относятся следующие положения: принцип приоритета борьбы с организованно-коррумпированной преступной деятельностью - приоритетом необходимо определять выявление и расследование наиболее опасных разновидностей организованной криминальной коррупции; принцип приоритета оперативно-розыскных мероприятий в выявлении коррупционных преступлений - по каждому материалу проверки и уголовному делу, особенно на первоначальном этапе, следователю нужно ориентироваться, прежде всего, на необходимость проведение оперативными сотрудниками ОРМ и использование результатов ОРД в доказывании; принцип выявления совокупностей преступлений и серийности их совершения; принцип наступательности в расследовании коррупционных преступлений - инициативное и наступательное проведение ОРМ и следственных действий; принцип допустимости компромисса - концепция компромисса с преступностью предполагает установление договорных отношений между сторонами обвинения и защиты и взятие им взаимных обязательств.

Анализ современного состояния коррупционной преступности показал, что число регистрируемых преступлений коррупционной направленности в сфере миграции не только не снижается, но и увеличивается.

Так, за 2024 год в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации поступило 4 912 сообщений о преступлениях в сфере незаконной миграции, со вершенных гражданами Российской Федерации, что в 3,2 раза больше, чем за аналогичный период прошлого года, – 1 521. В отношении должностных лиц органов внутренних дел возбуждено 707 уголовных дел, что в 2,2 раза превышает показатель прошлого года (320), в числе которых 174 дела о коррупционных преступлениях (ст. 290 УК РФ). С направлением в суд окончено 630 дел о коррупционных преступлениях (ст. 291 – 2912 УК РФ) (+31,3%, в 2023 г. – 480). В числе направленных в суд дел в отношении должностных лиц: 99 – по фактам получения взяток, 40 – по фактам организации незаконной миграции, 10 – по фактам фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации. Количество направленных в суд уголовных дел о получении взяток в сфере миграционных отношений должностными лицами органов внутренних дел в 2024 году возросло более чем вдвое (с 37 до 86), из них 46 дел – в отношении сотрудников подразделений по вопросам миграции. По переданным в суд уголовным делам к уголовной ответственности привлечено 294 должностных лица, в том числе 219 сотрудников органов внутренних дел, из которых 137 – являются работниками подразделений по вопросам миграции. Кроме того, направлены в суд дела в

отношении 735 граждан Российской Федерации, не являющихся должностными лицами, однако участвовавших в организации незаконной миграции.[1]

К наиболее уязвимым сферам в плане совершения коррупционных преступлений, таких как сферы безопасности дорожного движения, медицина, образование относится миграция. Коррупционные преступления наносят огромный урон имиджу государственной и муниципальной власти в глазах общественности, подрывают государственный устой, поэтому их расследование с целью установления и привлечения к ответственности виновных имеет в настоящее время большое значение.

Основными проблемами, связанными с выявлением и расследованием коррупционных преступлений, являются, прежде всего, хорошая подготовка к совершению преступлений, высокий уровень образования преступников, способствующая сокрытию совершенных преступлений указанной направленности.

Как правило основным поводом к возбуждению дела о должностном преступлении являются оперативно-розыскные мероприятия, от качества проведения которых зависит дальнейшее решение и возбуждении уголовного дела и его законность.

Специфика расследования коррупционных преступлений предполагает использование таких оперативно-розыскных мероприятий как оперативный эксперимент, наблюдение, опрос, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, наведение справок.

Расследование должностных и коррупционных преступлений является непростой задачей для следователя, поэтому важно: определить криминалистическую характеристику данного вида преступления; характерные особенности субъекта – должностного лица, осуществляющего свою деятельность в области миграции; разработать алгоритм установления владельцев имущества, подлежащего аресту и конфискации, так как зачастую имущество оформлено на третьих лиц и т.д.

Примером может служить уголовное дело, возбужденное в отношении двух гражданок Российской Федерации, которые занимались незаконной миграцией на территории Р. области. С ним соединены 17 уголовных дел, возбужденных с 10.04.2024 по 06.09.2024 в отношении сотрудников органов внутренних дел по п. «е» ч. 3 ст. 286, ч. 2, 3 ст. 290, ч. 3 ст. 291, ч. 1 ст. 291.2, п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ по фактам организации незаконной миграции, получения и дачи взяток.

Так, в период с февраля 2021 года по август 2023 года в Р. области два гражданки Российской Федерации К. и М. и иные неустановленные лица, действуя совместно с работником территориального отдела ЗАГС гр. С., сотрудниками МО МВД России «С.» и «К.», а также УМВД России по Р. области в нарушение требований действующего миграционного законодательства, с целью извлечения материальной выгоды организовали незаконное пребывание

[1] Материалы к заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2024 год и задачах на 2025 год». С. 57-58.

шестнадцати граждан иностранных государств на территории Российской Федерации, путем заключения «фиктивных» браков, «фиктивных» регистраций иностранных граждан для получения ими разрешения на временное проживание и вида на жительство в Российской Федерации, а затем получения гражданства Российской Федерации. В тот же период в Р. области сотрудники полиции получили в качестве взяток от одной из гражданок К. денежные средства в размере от 5 000 руб. до 50 000 руб. за незаконные действия, связанные с фиктивной постановкой иностранных граждан на миграционный учет. В рамках расследования данного уголовного дела привлечено девять сотрудников органов внутренних дел различных подразделений и звеньев (участковые уполномоченные полиции, подразделения по вопросам миграции), а также руководитель территориального органа ЗАГСа, в том числе за совершение должностных преступлений и получение взяток. Ряд сотрудников полиции заключили досудебные соглашения, сообщив о совершении ими должностных и коррупционных преступлений, в связи с чем в отношении них дела направлены в суды для рассмотрения их дел, по существу.

Хотелось бы отметить, что расследование преступлений данной категории представляют особую сложность в расследовании, обусловленным привлечением к уголовной ответственности значительного числа лиц, неочевидным характером расследуемых преступлений, в том числе и латентным (так как все обстоятельства дела были установлены в ходе предварительного следствия, а не в ходе оперативно-розыскных мероприятий), а также проведением в этой связи большого объема следственных и процессуальных действий, комплекса сложных судебных экспертиз.

Еще одним примером может служить уголовное дело в ходе расследования которого было установлено, что в период с 2020 года по 11.04.2024 гражданин К., действуя в составе организованной группы, в состав которой, в том числе входили сотрудники органов внутренних дел, из корыстных побуждений, с целью организации незаконного пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, не имея намерений предоставить жилые помещения, принадлежащие ему на праве собственности, для пребывания иностранным гражданам, в нарушение требований п. 7 ст. 2 Федерального закона от 18.06.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в территориальных отделах ГБУ РО «МФЦ Р. области» оформил фиктивную регистрацию сорока иностранных граждан. Уголовное дело рассмотрено, вынесен обвинительный приговор.

Снизить возросшее в несколько раз число коррупционных преступлений в сфере миграции позволит принятие превентивных мер, так, например, по 216 оконченным уголовным делам в отношении сотрудников полиции внесены представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, по результатам рассмотрения которых привлечено к дисциплинарной ответственности 218 сотрудников органов внутренних дел, из которых 138 – сотрудники подразделений по вопросам миграции, приведенные в примерах подобные резонансные дела и преступления, совершенные приезжими, широко освещаются в публичном поле, вызывают справедливый

запрос общественности на установление порядка в сфере миграционных отношений[1].

Резюмируя, следует сделать вывод о том, что миграция в целом является одной из коррупционных сфер деятельности, при этом выявление и расследование данной категории преступлений представляет особую сложность, связанную с латентностью ее совершения, а также привлечения к уголовной ответственности большого количества лиц, в том числе сотрудников органов внутренних дел и представителей органов власти. Вместе с тем, обобщение сложившейся судебно-следственной практики в расследовании коррупционных преступлений в сфере миграции, из примеров которой следует, что в основном к уголовной ответственности привлекаются сотрудники органов внутренних дел, указывает на необходимость повысить эффективность мер, направленных на профилактику коррупции среди категории сотрудников полиции, осуществляющих свою деятельность в миграционной сфере.

Литература

1. Березин, А. А. Противодействие коррупции в органах по вопросам миграции как фактор укрепления национальной безопасности Российской Федерации: история и современность / А. А. Березин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 2(57). – С. 245-253. – DOI 10.17308/law/1995-5502/2024/2/245-253. – EDN WXCWKO.

2. Бондарь, Е. О. Коррупция как условие, способствующее незаконной миграции в России / Е. О. Бондарь, Ю. Н. Сосновская // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2020. – № 2(54). – С. 67-69. – EDN SKCYVW.

3. Красникова, Е. В. Состояние коррупционной преступности в сфере миграции / Е. В. Красникова, Н. В. Павловская // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 1(63). – С. 65-71. – EDN THRVDH.

В.К. Калашников

Дальневосточный федеральный университет

Восточный институт-школы региональных и международных исследований

Использование данных, извлекаемых из мобильных устройств в целях расследования преступлений

Аннотация. В статье рассмотрены типичные способы извлечения данных из мобильных устройств. Указываются виды извлекаемых данных и проблемы, с

[1] Материалы к заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2024 год и задачах на 2025 год». С. 59.

которыми сталкиваются правоприменители в ходе проведения данных следственных действий. Показан порядок использования извлекаемых данных в целях расследования преступлений. Акцентируется внимание на криминалистической значимости полученной информации из мобильных устройств.
Ключевые слова: Извлечение информации; мобильные устройства; расследование преступлений; анализ данных.

Современный мир характеризуется высокой степенью цифровизации всех сфер жизни общества. Это относится и к криминальной сфере, где правонарушители активно используют различные мобильные устройства, такие как смартфоны, планшеты и компьютеры. Мобильные устройства становятся ключевыми источниками криминалистически значимой – доказательственной информации, поскольку содержат огромное количество личной информации пользователей, которую можно использовать для установления фактов преступления, идентификации подозреваемых и выяснения иных обстоятельств произошедшего события. Также мобильные устройства открывают доступ к таким данным, как история звонков, электронные сообщения, данные о местоположении-геометки, фотографии, видеозаписи и другие цифровые следы.

Следует отметить, что в последнее время наблюдается увеличение использования данных, извлекаемых из мобильных устройств, в процессе расследования преступлений.

В деятельности следственных органов Следственного комитета активно используются данные, полученные из мобильных устройств, при расследовании преступлений. Это стало возможным благодаря развитию технологий и совершенствованию методов анализа цифровой информации.

Получение и использование данных из мобильных устройств регулируется Уголовно-процессуальным Законодательством. При этом процесс извлечения данных из мобильных устройств включает несколько этапов:

Во-первых, получение физического доступа к устройству;

Во-вторых, копирование содержимого памяти, дампа;

В-третьих, расшифровка зашифрованных данных и их последующий анализ.

Для выполнения этих операций используются аппаратно-программные комплексы, до недавнего времени зарубежного производства, такие как: «Cellebrite», «UFED», «XRY», «Tarantula». В настоящее время отечественного производства: «Мобильный криминалист», PC-3000 Mobile.

В последующем полученные данные могут быть использованы в процессе расследования преступления.

Так в частности, осуществляется анализ истории звонков и сообщений[1], что позволяет установить контакты подозреваемого по уголовному делу с другими лицами, а также время и содержание разговоров; геолокационные данные – позволяют установить перемещение владельца мобильного устройства, что помогает воссоздать маршрут передвижения и определить местонахождение в

[1] Скобелин, С. Ю. Осмотр детализации соединений абонентов (тактические аспекты) // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 1. С. 60–63.

конкретный момент времени[1]. Анализ извлеченных медиа данных, таких как фотографий и видеозаписей, позволит выявит важные сведения, такие как снимки места происшествия или видеозаписи действий подозреваемого.

Подробный экспертный анализ приложений и активности в социальных сетях позволяет выявить криминалистически-значимую информацию из мессенджеров, социальных сетей и других приложений которая часто используется для общения между соучастниками преступления.

Данные, извлекаемые из мобильных устройств, играют важную роль в современном расследовании преступлений. Они позволяют следователям получать ценную информацию о действиях подозреваемых, жертвах и свидетелях, а также устанавливать связи между участниками преступления. Однако для эффективного использования этих данных необходимо соблюдение правовых норм и применение современных технических средств анализа. Примеры из практики Следственного комитета России показывают высокую эффективность применения данных мобильных устройств в расследовании различных видов преступлений.

В качестве показательного примера иллюстрирующего криминалистическую значимость данных извлекаемых из мобильных устройств следует указать положительный пример расследования серии террористических актов в Волгограде в 2013 г. По данным Следственного комитета Российской Федерации в декабре 2013 года после серии взрывов в Волгограде мобильные устройства оказались ключевым элементом в расследовании этих преступлений. Анализ звонков и сообщений террористов позволил следователям криминалистам восстановить цепочку подготовки к теракту, а также установить личности всех соучастников преступной группировки. Все это позволило предотвратить дальнейшие атаки выявить и арестовать оставшихся членов террористической ячейки[2].

Литература

1. Киселев, Е. А. Проблемы законодательной регламентации использования данных спутниковых навигационных систем в раскрытии и расследовании преступлений / Е. А. Киселев, А. Ю. Забавина // Российский следователь. 2015. № 4. С. 7–11.

2. Скобелин С.Ю. Осмотр детализации соединений абонентов (тактические аспекты) // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 1. С. 60–63.

3. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. — Режим доступа: https://sledcom.ru/

[1] Киселев Е.А., Забавина А.Ю. Проблемы законодательной регламентации использования данных спутниковых навигационных систем в раскрытии и расследовании преступлений // Российский следователь. 2015. № 4. С. 7–1.1

[2] Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/.

Ю.С. Каркошко
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
Екатеринбургский филиал

Недостижение лицом возраста привлечения к уголовной ответственности: некоторые особенности уголовного судопроизводства

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности реализации норм, посвященных возбуждению уголовного дела в случае совершения общественно опасного деяния лицом, не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности. В статье также рассматриваются ситуации, когда правоприменители пренебрегали этими особенностями.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, несовершеннолетний, уголовное преследование, возраст уголовной ответственности.

Недостижение лицом возраста привлечения к уголовной ответственности это юридический факт, который препятствует возникновению уголовно-правовых отношений.

В юридической литературе отмечается, что, применяя уголовно-процессуальный регламент в такой ситуации, следователю необходимо отказать в возбуждении уголовного дела в отношении лица в связи с отсутствием в деянии лица состава преступления (п. 2 ст. 24 УПК РФ). Выбор этого основания означает, что наличие конкретного жизненного обстоятельства, деяния установлено, однако за его совершение лицо невозможно покарать. Возникновение уголовно-правовых отношений невозможно, поскольку в деянии нет необходимых элементов состава преступления. Достаточно отсутствия в деянии лишь одной части состава преступления. Такая часть, как субъект преступления, будет отсутствовать, в ситуации, когда мы сталкиваемся с лицом, не достигшим на момент совершения уголовного деяния возраста, с которым закон связывает возможность появления уголовно-правовых отношений и, значит, наступления уголовной кары. Неимение этой же части состава преступления влечет за собой прекращение уголовного преследования и несовершеннолетнего, хотя и достигшего названного возраста, однако в силу некоторых особенностей психического здоровья не способного оценить фактический характер и угрозу общественной безопасности своих поступков и управлять ими в момент совершения[1].

Сегодня практика складывается таким образом, что в случае совершения общественно опасного деяния несколькими гражданами, из которых только один

[1] Вдовцев П.В. Гл. 4. Основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / под ред. А.В. Гриненко. М.: Проспект, 2020.

является взрослым, решение о начале уголовного производства принимается в отношении совершеннолетнего, а в отношении не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность, в возбуждении уголовного дела отказывают. То есть, доказывание совершения малолетним лицом деяния, запрещенного уголовным законом, производится без наделения его статусом подозреваемого, обвиняемого в уголовном судопроизводстве. Представляется, что этот подход будет правильным, если следственный орган установит все особенности личности лица, не являющегося субъектом преступления, и в результате их анализа предпримет усилия, направленные на его изъятие из опасного социума и недопущение совершения им новых преступлений.

В этой связи, видится возможным при получении в ходе доследственной проверки данных о совершении преступления лицом, не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности, принимать решение о возбуждении уголовного дела без указания в соответствующем постановлении на определенных лиц. Разумеется, от предварительного следствия потребуются усилия, направленные на установление объекта преступного посягательства и объективной стороны, а также субъекта и субъективной стороны деяния, запрещенного уголовным законом. Конечно следователю, к моменту принятия решения о прекращении уголовного преследования (уголовного дела) в связи с совершением общественно опасного деяния несовершеннолетним, не являющимся субъектом уголовной ответственности, необходимо обладать сведениями, исключающими в достаточной мере предположение о совершении преступления другим лицом, обстоятельства, которые облегчили совершение преступления установлены, и действия по их устранению предприняты, а бездействию сотрудников органов, уполномоченных на принятие мер по изъятию детей из опасной среды, дана верная уголовно-правовая оценка.

Рассмотренный подход находит свое подтверждение в поле правоприменения.

В производстве Центрального межрайонного следственного отдела города Тольятти следственного управления СК России по Самарской области находится уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного п.п. «а», «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство двух малолетних).

Следствием установлено, что 8 октября 2024 года на балконе одной из квартир дома в Комсомольском районе города Тольятти обнаружены тела двух девочек в возрасте двух и пяти лет с признаками насильственной смерти - множественными ножевыми ранениями шеи и туловища.

Девочек убила их тринадцатилетняя сестра. Совершив убийство, старшая сестра отправилась на прогулку, во время которой по телефону сообщила матери о содеянном. Мать детей в момент убийства была в полиции, где она оформляла заявление о привлечении к ответственности сожителя. Проверка на причастность к совершению преступления старшей сестры погибших продолжается, она помещена в психиатрический стационар для проведения психолого-психиатрической экспертизы.

Очевидно, что возбуждение уголовного дела потребовалось, поскольку событие – гибель детей – вследствие этого получило должную юридическую

оценку, а обстоятельства, сопутствовавшие происшествию, будут надлежащим образом проверены.

В ходе доследственной проверки сообщения о преступлении, совершенном несовершеннолетним, следует также надлежащим образом убедиться в его возрасте. Практике известны случаи пренебрежения этим правилом.

Несовершеннолетняя З. судом признана виновной в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, потерпевшему Л. в состоянии аффекта, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст. 113 УК РФ, и осуждена к 1 году лишения свободы. Суд постановил назначенное наказание в силу ст. 73 УК РФ считать условным с установлением испытательного срока 1 год. В кассационном порядке уголовное дело не проверялось. В связи с асоциальным поведением осужденной судом же впоследствии принималось решение о продлении ей испытательного срока. По этой же причине судом было отменено условное осуждение З., и она направлена в воспитательную колонию. Последнее судебное постановление проверялось судебной коллегией областного суда и оставлено без изменений.

Когда З. была этапирована в колонию, надзирающий прокурор обнаружил, что указанные выше судебные решения в отношении осужденной приняты с нарушением ст. 20 УК РФ, поскольку судами было проигнорировано то, что она на момент совершения преступления не достигла шестнадцатилетнего возраста, и по этой причине уголовной ответственности не подлежит. Разумеется, президиум Пермского краевого суда все судебные решения в отношении З. по данному уголовному делу отменил.

Стоит отметить, что данный пример не является единичным, такого рода нарушения не уходят в предание.

Житель Уфы Н. отсудил у Минфина 3 млн рублей. Это компенсация морального вреда за то, что в пятнадцатилетнем возрасте его подвергли уголовному преследованию, несмотря на то, что он не достиг шестнадцатилетия. Сразу несколько судебных инстанций и прокуроры проигнорировали этот факт.

Пятнадцатилетнего подростка обвиняли в покушении на сбыт наркотиков в крупном размере. На момент совершения преступления ему было 14 лет.

В декабре 2022 года Демский районный суд признал Н. виновным и приговорил его к трем годам воспитательной колонии. Приговор вынесли, несмотря на то, что он не достиг возраста привлечения к уголовной ответственности за это преступление. Уфимца взяли под стражу, и он находился в изоляции.

В марте 2023 года Верховный суд Башкирии оставил приговор Н. в силе, но в августе Шестой кассационный суд в Самаре вернул дело на новое рассмотрение из-за процессуальных нарушений.

В январе 2024 года Демский суд снова вынес Н. обвинительный приговор, но апелляционная инстанция его отменила в связи с отсутствием состава преступления, и он получил право не реабилитацию.

Позже судей, которые приняли участие в незаконном осуждении, отправили в отставку. Строгий выговор по делу осужденного подростка получили три сотрудника прокуратуры.

Предотвращение подобных ошибок – это процесс, требующий от правоприменителей постоянного внимания, минимизирующего вероятность их повторения в будущем.

Литература

1. Вдовцев П.В. Гл. 4. Основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / под ред. А.В. Гриненко. Москва: Проспект, 2020.

2. Карагодин В.Н. Расследование отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними. Научно-практическое пособие. М., 2021.

3. Сборник основных приказов, распоряжений и указаний Председателя Следственного комитета Российской Федерации.

4. Составление процессуальных документов в ходе досудебного производства по уголовным делам: учебно-методическое пособие / Вдовцев П.В., Казаков А.А., Каркошко Ю.С. Екатеринбург: Альфа Принт, 2018.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под. общ. и науч. ред. А.В. Гриненко. М., 2021.

6. Указание СК России от 02.07.2018 № 2/206 «О мерах по организации работы в сфере противодействия преступлениям, совершенным в отношении несовершеннолетних».

Ю.С. Каркошко

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Екатеринбургский филиал

Производство следственных действий в жилище: некоторые процессуальные аспекты

Аннотация. В статье анализируются некоторые проблемные вопросы производства следственных действий, ограничивающих право на неприкосновенность жилища.

Ключевые слова: проникновение в жилище, полномочия следователя, проверка показаний, следственный эксперимент.

В силу ст. 25 Основного закона России жилище неприкосновенно, никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

Приведенное установление означает, что любое следственное действие, потенциально способное ограничить конституционное право на неприкосновенность жилища, должно проводиться либо при отсутствии

возражений проживающих, либо на основании судебного дозволения, независимо от того, предполагает ли осуществления таких шагов уголовно-процессуальный регламент. Например, последний не требует получать разрешение проживающих (а равно судебное решение) на производство в их жилище проверки показаний ранее допрошенного лица.

К слову, отечественный уголовно-процессуальный регламент (ст. 12) предусматривает возможность осматривать жилище при отсутствии возражений, проживающих в нем граждан или на основании решения суда, а обыск и выемку в нем можно проводить исключительно по судебному решению. Однако в законе ничего не сказано о необходимости получения согласия или судебного дозволения на производство прочих следственных действий, также воздействующих на неприкосновенность помещения, относимого к жилому.

При расследовании уголовных дел, после допроса обвиняемых порой возникает затруднение, касающееся проверки их показаний на месте преступления, которым является жилое помещение. Нужно ли согласие проживающих, а при их возражении потребуется ли обращаться в суд? Притом, что ч. 5 ст. 165 УПК РФ определен порядок проведения неотложных следственных действий, к которым проверка показаний на месте не относится.

Отсутствие нормативно закрепленного механизма ограничения права на неприкосновенность жилого помещения (как в рассматриваемом случае с проверкой показаний на месте, проводимой в нем) не может являться оправданием его умаления. Дело в том, что ст. 25 отечественного Основного закона определены минимальные гарантии защиты этого права. Из чего вытекает невозможность его ограничения без реализации приведенных гарантий.

А значит, согласно данному конституционному установлению дозволение проживающих (или судебное решение) получать необходимо.

Находится в согласии с данным подходом и позиция органа конституционного надзора Российской Федерации: положения ст. 194 УПК РФ не содержат дозволения проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц при проверке на месте показаний, ранее данных подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем[1]. Конституционный Суд, обосновывая это мнение, указал на необходимость соблюдения баланса прав личности и общественных интересов и одновременно пришел к выводу, что регулирование, предусмотренное ст. 194 УПК РФ, не переходит границы, за которыми бы нарушались права конкретного гражданина. Суд также обратился к понятию процессуальной справедливости, утверждая, что четкие механизмы обжалования должны способствовать справедливому процессу, а не его затягиванию или искажению. Таким образом, Суд подтвердил, что положения уголовно-процессуального закона способны обеспечить функционирования системы,

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.07.2010 № 911-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киятова Николая Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

которая будет не только следовать нормам закона, но и охранять интересы всех сторон в уголовном процессе.

Соответственно, в рассматриваемых случаях следователю необходимо предварительно выяснить мнение проживающих на производство проверки показаний, отразив факт получения согласия в протоколе, составленном по правилам ст. ст. 166, 167 УПК РФ, а при наличии возражений, несогласии обратиться с соответствующим ходатайством в суд.

И здесь правомерна постановка следующего вопроса: возможно ли обращение в суд с просьбой о дозволении производства этого следственного действия в порядке, установленном ст. 165 уголовно-процессуального регламента? Перечень компетенций суда, определенный ст. 29 УПК РФ, является закрытым, полномочие по разрешению вопроса о проведении проверки показаний в помещении, которое является жилым в нем, не значится. Однако, представляется, что такое обращение в суд допустимо. Стоит напомнить, что отечественная Конституция, будучи Основным законом государства, главным источником права, подлежит прямому применению.

По этому поводу высшая судебная инстанция России обращает внимание правоприменителей на то, что в силу ч. 1 ее ст. 15 она наделена высшей юридической силой, прямым действием и находит свое применение на всей территории Российской Федерации. В силу этого конституционного положения судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия[1].

Что касается возможности осуществления проверки показаний на месте в помещении, являющего жилым по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ, то это исключено, запрещено, по той причине, что перечень действий следователя, предусматриваемых этой нормой, носит закрытый характер, и проверка показаний в нем отражения не нашла.

Такой подход подтверждается позицией Верховного Суда Российской Федерации: исходя из положений части 5 статьи 165 УПК РФ судебной проверке подлежат как законность решения следователя, дознавателя о производстве следственного действия, так и соблюдение ими норм уголовно-процессуального закона при его производстве. В частности, судье следует убедиться в том, что произведенное следственное действие относится к перечисленным в части 5 статьи 165 УПК РФ, имелись обстоятельства, свидетельствующие о необходимости безотлагательного его производства, следователем, дознавателем соблюден порядок принятия такого решения, а также что в ходе

[1] См. п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

следственного действия не нарушены требования уголовно-процессуального закона[1].

Литература

1. Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: Проспект, 2016.

2. Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями: научно-практическое пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: Проспект, 2015.

3. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: ИНФРА-М, 2023.

4. Составление процессуальных документов в ходе досудебного производства по уголовным делам: учебно-методическое пособие / Вдовцев П.В., Казаков А.А., Каркошко Ю.С. Екатеринбург: Альфа Принт, 2018.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. и науч. ред. А.В. Гриненко. М., 2021.

Г.А. Качейкин

ВСО по гарнизону залив Стрелок

ВСУ СК России по Тихоокеанскому флоту, капитан юстиции

Особенности производства допросов в статусе свидетелей военнослужащих вооруженных формирований Украины в период проведения специальной военной операции

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы расследования уголовных дел в период специальной военной операции. Содержание военнопленных украинской армии осуществляется на основе Женевской конвенция от 12 августа 1949 года, Указанная тема имеет своей целью отразить необходимость сбора доказательств, а также наиболее полной и объективной дачи юридической оценки преступным действиям военнослужащих вооруженных формирований Украины в отношении мирного населения Донецкой и Луганской Народных Республик, а также освобожденных территорий, ранее занимаемых Украиной. Производство следственных действий таких как освидетельствование и допросы.

Ключевые слова: Специальная военная операция, деятельность следственных органов, содержание военнопленных, производство следственных действий,

[1] См. п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

24 февраля 2022 года Президентом Российской Федерации принято решение о проведении специальной военной операции. На момент начала специальной военной операции деятельность следственных органов на вновь присоединённых территориях нуждалась в четкой правовой регламентации. В этих целях, между Следственным комитетом Российской Федерации, Генеральными прокуратурами Донецкой и Луганской Народной Республиками 15 марта 2022 года было заключено соглашение о сотрудничестве[1].

Вместе с тем, в соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2023 года №395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» определено, что преступность и наказуемость деяний, совершенных на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области определяется на основании уголовного законодательства Российской Федерации.

Кроме того, преступления, совершенные против интересов Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, являются преступлениями, направленными против интересов Российской Федерации. Вступившие в законную силу судебные решения, принятые на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, имею ту же юридическую силу, что и судебные решения, принятые на территории Российской Федерации.

В связи с совершёнными преступлениями военнослужащими вооруженных формирований Украины в военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации, расследуются уголовные дела в отношении указанной категории лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ.

В ходе с расследования рассматриваемых преступлений в отношении военнослужащих формирований Украины, перед следователями военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации стоит задача в сборе доказательств и фиксации фактов применения запрещенных средств и методов ведения войны.

Одним из ключевых доказательств по уголовным делам в отношении военнослужащих вооруженных формирований Украины являются показания, данные в статусе свидетеля. Указанные лица проходили военную службу в вооруженных формированиях Украины и были взяты в плен военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации.

Одним из правовых актов регламентирующих содержание военнопленных является Женевская конвенция от 12 августа 1949 года, в которой определен порядок содержание в плену военнослужащих, взятых в плен в ходе боевых действий.

[1] URL: https://tass.ru/obschestvo/14081037

Указанная категория военнослужащих вооруженных формирований Украины, сдавшаяся в плен должна, содержаться в специально предназначенных и установленных местах, которыми являются исправительные колонии, следственные изоляторы, военные комендатуры, а также лечебные учреждения с выставлением охранения за военнопленным, в случае необходимости оказания последним медицинской помощи.

В ходе проведения следственных действий, а именно допросов военнопленных в качестве свидетеля дается юридическая оценка совершенных ими деяний в отношении мирных жителей. Как свидетельствует следственная практика при ведении боевых действий на территории города Волноваха украинские военнослужащие совершали бесчинства против гражданского населения. Они вели обстрелы артиллерийскими снарядами города Мариуполя, а также расстреливали мирных граждан при нахождении в городе Мариуполе и эвакуации из него. При этом неоднократно производили артиллерийские обстрелы со стороны временно оккупированных территорий в сторону города Донецка.

Допрос военнопленных в статусе свидетеля производится в соответствии с ст. 164, 189 УПК РФ, перед началом производства допроса военнопленному разъясняются права и обязанности свидетеля, предусмотренные ст. 56 УПК РФ.

Так, при доставлении военнопленного на допрос к следователю, предварительно администрацией учреждения и следователем производился освидетельствование военнопленного, которое регламентируется ст.179 УПК РФ.

Существенное место при освидетельствовании занимают особые накожные приметы (родимые пятна, шрамы, рубцы, пигментация и др.), а также татуировки, которые помогают не только установить и опознать личность и распознать круг интересов человека, например, татуировки с изображением нацисткой символики войск СС, надписи на теле с восхвалением нацизма[1], их приверженность к националистическому батальону «Азов»[2] и другим вооруженным формированиям.

В связи с тем, что, у многих из указанной категории лиц имелись различные татуировки националистического характера, которые свидетельствовали о

[1] Трубчик И.С. Производство следственных действий в зоне специальной военной операции //Уголовное судопроизводство в эпоху цифровизации: современное состояние и перспективы развития (к 65-летию со дня рождения профессора А.С. Бахты): материалы всерос. Круглого стола (1 ноября 2024 г.) / Дальневосточный юрид. ин-т МВД России имени И.Ф. Шилова. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова, 2024. С. 131.

[2] Террористическая организация «Украинское военизированное националистическое «Азов» внесена в Единый федеральный список организацией признанных в соответствии с законодательством террористическим в соответствии с решением от 2.08.2022 г. Верховного Суда России по делу № АКПИ22-411С «О признании украинского военизированного националистического объединения «Азов» (другие используемые наименования батальон «Азов» полк «Азов») террористической организацией и запрете его деятельности на территории России.

давнем нахождении в составе вооруженных националистических подразделений, о ненависти к русскоговорящему населению, а также о причастности к националистическим батальонам вооруженных формирований Украины, совершавших преступную деятельность, зверства и бесчинства на территориях ДНР И ЛНР.

Освидетельствование способствовала изобличению указанных военнопленных в совершении преступных деяний в отношении мирного населения, которые всячески скрывали совершение ими преступных деяний, а также скрывали своё непосредственное отношение отношение к службе в националистических батальонах и исполнении обязанностей, связанных с ведением боевых действий. При этом в ходе допросов они выдвигали свои версии, что исполняли обязанности поваров, водителей и несли службу в тылу.

Следственной практике известны случаи, когда военнослужащие националистического батальона «Азов» при первоначальной даче показаний пояснили, что не принадлежит к указанному националистическому подразделению и не занимали должности, непосредственно связанные с ведением боевых действий, а исполняли обязанности поваров.

Однако, в ходе дальнейшего расследования уголовного дела была собрана совокупность доказательств из показаний потерпевших и иных военнопленных, допрошенных в качестве свидетелей. И органами предварительного следствия было установлено, что указанные военнослужащие совершали обстрелы мирных граждан города Мариуполя из стрелкового оружия, а также обстрелы автомобилей Красного креста.

Кроме того, указанная процедура освидетельствования военнопленных на предмет наличия у последних татуировок способствовала устанавливать военнослужащих, которые принадлежали к националистическим батальонам, в частности военнослужащих, проходящих военную службу в артиллерийских подразделениях, а также их командиров подразделений и подчиненных.

Так, при проведении допросов свидетелей военнопленных для установления обстоятельств артиллерийских обстрелов города Мариуполя и домов, где не велись боевые действия, при освобождении его от вооруженных формирований Украины, устанавливались все лица, которые проходили службу в указанных подразделениях.

Поэтому одной из основных задач, стоящих перед следователем являлось именно определение должностного положения каждого военнослужащего и его роль при совершении артиллерийских обстрелов гражданского населения города.

При этом, у каждого допрашиваемого выяснялось:1) где орудие дислоцировалось на момент ведения стрельбы, исполняемые каждым членом экипажа обязанностями; 2) направление ведения огня, а также количество совершенных выстрелов, с приложением схемы ведения огня и отражением местонахождения орудия на карте, которое прилагалось к протоколу допроса свидетеля.

5. Трубчик И.С. Производство следственных действий в зоне специальной военной операции // Материалы Всероссийского круглого стола, 1 ноября 2024 года / Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова. 156 с.

Е.А. Киселёв
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
Хабаровский филиал

Использование больших языковых моделей в расследовании преступлений: возможности и перспективы

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования больших языковых моделей при расследовании преступлений. Дается их краткая характеристика. Показаны основные перспективные направления их использования в этой сфере с учетом современного состояния информационного развития общества.

Ключевые слова: большие языковые модели; нейронная сеть; данные; расследование преступлений; аналитическая деятельность; информационные технологии.

Современное общество находится на таком этапе развития, когда информационные технологии пронизывают буквально каждую сферу человеческой жизни. Они сопровождают человека практически на каждом шагу, а сам человек оставляет огромное количество следов в цифровом пространстве.

Одной из нововведений в сфере информационных технологий, получивших распространение по всему миру, являются нейросети создаваемые на основе технологий больших языковых моделей – Large Language Models. Подобные технологии получили широкое распространение и применяются практически во всех отраслях экономики – IT-безопасность, юриспруденция, здравоохранение, образование, банковская сфера, тяжелая и легкая промышленность и др.

В этой связи закономерно предположить, что одной из важнейших компетенций сотрудников следственных органов Следственного комитета Российской Федерации должна быть способность использовать в деятельности по расследованию преступлений знания о последних достижениях в области цифровых технологий и умение их применять[1]. Из этого следует, что перспективным направлением криминалистического обеспечения предварительного следствия в настоящее время, является использование

[1] См.: Бессонов А.А. Актуальные вопросы использования информационных технологий в расследовании преступлений // Цифровые технологии современной криминалистики, использование специальных знаний: Материалы конференции, проведенной в рамках XXVII Международной выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех-2023», Москва, 18 октября 2023 года. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. С. 5–11.

больших языковых моделей. Поскольку данные модели представляют собой мощные инструменты для обработки естественного языка, при извлечении информации из огромных массивов текстовых данных, которые способны распознавать языковые паттерны и делать предположительные выводы.

При расследовании преступлений большие языковые модели, возможно использовать для решения следующих задач:

Во-первых, это анализ больших массивов документов. Данная задача является одним из основных направлений применения больших языковых моделей в правоохранительной сфере. С помощью больших языковых моделей возможно осуществлять анализ значительного массива документов, в рамках расследуемых уголовных дел. В данном случае нейронная сеть позволит эффективно извлекать ключевые данные, классифицировать документы по типу и содержанию, а также сопоставить различные события, изложенные различными субъектами процесса.

В качестве примера можно привести систему автоматической классификации судебных документов, разработанную компанией LegalTech Solutions. Эта система была внедрена в одном из судов штата в США и ее использование позволило значительно сократить время обработки документов. Нейросеть этой системы проводила анализ документов в целях выделения ключевых фрагментов текста, таких как показания свидетелей, заключения экспертов и юридические термины, что позволило судьям оперативно принимать решения и улучшило общую эффективность суда.

Во-вторых, это оценка показаний участников уголовного судопроизводства. Другой важной задачей, которая может быть решена с применением больших языковых моделей является обработка показаний свидетелей и подозреваемых. Нейросети могут анализировать стиль речи, выявлять эмоциональные состояния говорящих, а также определять степень достоверности информации. Одним из заслуживающих внимание случаев применения нейросетей в этой области стало исследование, проведенное группой ученых из Стэнфордского университета. Они разработали модель, способную с высокой точностью распознавать ложь в устных показаниях на основе анализа лексики и синтаксиса. Примечательно то, что ученые использовали модель на основе BERT –нейросети, которая специально создана для «предобучения» языковых представлений с целью их последующего применения в широком спектре задач обработки естественного языка. И система смогла выявить несоответствия в показаниях, которые могли быть упущены при традиционном анализе. Нейросеть учитывала частоту употребления определённых типов глаголов, наречий и других частей речи, характерных для лгущих людей.

В-третьих, прогнозирование преступлений. Большие языковые модели, также могут использоваться для прогнозирования потенциальных преступлений на основе анализа статистических данных. Так, например, системы мониторинга социальных сетей и новостных лент могут выявлять подозрительные активности или тенденции, которые могут привести к совершению противоправных действий. Такие системы широко применяются в крупных мегаполисах для предотвращения массовых беспорядков и террористических актов. Пример,

нейросеть "PredPol", реализованный полицией Лос-Анджелеса использует исторические данные о преступлениях, демографические характеристики районов города и даже погодные условия для прогнозирования вероятности совершения преступлений в конкретных местах в ближайшие часы. В результате пилотного проекта количество ограблений сократилось на 25% в тех районах, где были применены меры профилактики, основанные на рекомендациях PredPol.

Так же, в целях расследования преступлений с использованием больших языковых моделей возможно прогнозирование совершения повторных преступлений. Так модели машинного обучения могут оценивать риск повторного совершения преступления на основе множества факторов, таких как история судимостей, поведение личности, социальные условия и другие факторы. Это позволит принимать аргументированные решения при осуществлении следственной деятельности. В качестве пример следует привести Программу для ЭВМ "Портрет серийного преступника "PorSerO"[1].

Программа предназначена для построения портрета серийного преступника, совершающего преступления из сексуальных побуждений, по признакам нераскрытого преступного деяния, устанавливаемым в ходе производства предварительного расследования. Программа обеспечивает: прогнозирование наиболее вероятного возраста серийного преступника, наличия (отсутствия) у него психического заболевания и судимости, факта совершения преступления с использованием автотранспортного средства либо без него, наличия связи между преступником и потерпевшим до совершения преступного деяния, семейного статуса преступника (имеется ли собственная семья или нет).

В-четвертых, автоматизация делопроизводства. Важной задачей в работе любых правоохранительных органов является подготовка отчетов и заключений. Большие языковые модели позволяют автоматизировать этот процесс, составляя структурированные отчеты на основе собранных данных, делая выводы и предлагая рекомендации по составлению документации. Внедрение нейросетей в системы делопроизводства, позволяю автоматизировать и оптимизировать процесс создания отчетов по результатам деятельности, что повысит производительность труда.

В-пятых, использование семантического анализа сообщений. Сегодня социальные сети и мессенджеры используются практически каждым человеком как в межличностном, так и в деловом общении и поэтому информация из переписки в социальных сетях потенциально может стать источником криминалистической информации. Большие языковые модели позволяют извлекать подобную информацию из переписок, постов и комментариев, проводя анализ стиля написания, эмоциональной окраски, частоту упоминаний определенных лиц или событий. Нейросеть может автоматически анализировать

[1] Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2022610749 Российская Федерация. Программа для ЭВМ «Портрет серийного преступника PorSerO»: № 2021682482: заявл. 27.12.2021: опубл. 14.01.2022 / А.А. Бессонов. EDN KDILCX.

большие объемы данных и строить социальные графы, показывающие взаимосвязь между отдельными субъектами. Это может включать в себя телефонные звонки, финансовые транзакции, перемещения и другие виды взаимодействия. Как пример, отечественная разработка «МКО Системы», ведущего российского разработчика ПО в области цифровой криминалистики – Аналитический Центр Криминалист. Этот Аппаратно-программный комплекс обеспечивает возможность оператору-пользователю анализировать огромные массивы данных имеющих значение для расследуемого дела.

В результате анализа осуществляется: поиск ключевых данных по всей базе загруженных извлечений; автоматически анализируется текст по предустановленным тематическим словарям; формируется выборка данных на различных языках из всего массива информации в базе; проводится поиск по словарям, регулярным выражениям и т.д.; просматривается содержимое документов в различных текстовых и графических форматах непосредственно в программе.

При обработке других типов данных - таких как геоданные, файлы изображений и т.д., аппаратно-программный комплекс используя возможности большой языковой модели помогает сравнить данные из нескольких дел или отдельных извлечений между собой для поиска совпадающих элементов; определить лица на изображениях и составить примерное предположение о поле, возрасте и расе персоны; изучить геоданные из всей базы извлеченной информации на встроенных картах как в онлайн-, так и в офлайн-режиме; осуществить поиск по метаданным. Аналогично используя большие языковые модели, комплекс ЛИС-М, широко примеряемый следственными органами, анализируя запросы в сети Интернет, позволяет найти конкретного пользователя, при этом, наглядно отображает социальный граф пользователей и групп, а также решает такие задачи как поиск общих знакомых конкретного субъекта, выделение кластеров, вычисление метрик центральности.

Все указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что возможности использования больших языковых моделей в расследовании преступлений безусловно имеют значительный потенциал. В этой связи следователю при осуществлении своей деятельности необходимо учитывать современные реалии развития информационных технологий и необходимо быть постоянно готовым к применению новейших достижений науки и техники в следственной деятельности[1].

Литература

1. Бессонов А.А. Актуальные вопросы использования информационных технологий в расследовании преступлений // Цифровые технологии современной криминалистики, использование специальных знаний: материалы конференции,

[1] См.: Киселёв Е.А. Приоритетные направления научной организации труда в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2014. № 4(4). С. 270–278. С. 270.

проведенной в рамках XXVII Международной выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех-2023», Москва, 18 октября 2023 года. Москва: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 5–11.

2. Бессонов А.А. Искусственный интеллект против серийных преступников // Искусственные общества. 2023. Т. 18. Выпуск 3. DOI: 10.18254/S207751800027535-7

3. Киселёв Е.А. Приоритетные направления научной организации труда в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2014. № 4(4). С. 270–278.

П.В. Крестьянинова[1], **А.В. Мальцева**[2]

[1,2] Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева
Дальневосточный филиал

«Добровольное согласие» на заражение ВИЧ-инфекцией

Аннотация. В статье рассматриваются важные аспекты уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией в контексте добровольного согласия. Акцент сделан на анализе того, как добровольное согласие влияет на квалификацию действий как преступления и может ли оно служить основанием для освобождения от ответственности.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, добровольное согласие, права человека, преступление, ответственность, медицинская этика, своевременное предупреждение.

Любое намеренное заражение вирусом иммунодефицита человека (далее – ВИЧ-инфекция) или согласие на такое заражение может быть квалифицировано как преступление, нарушение медицинской этики или являться результатом некомпетентного решения, вызванного неправильным пониманием последствий ВИЧ-инфекции, что включает использование средств контрацепции для защиты от передачи ВИЧ-инфекции, соблюдение правил безопасности во время медицинских процедур и обследований[1].

Таким образом, ВИЧ – это серьезное и в перспективе смертельное заболевание, не имеющее известного и научно подтвержденного лечения, постоянно преумножающее количество своих жертв. Преднамеренная передача ВИЧ является преступлением во многих странах и представляет серьезную угрозу общественному здравоохранению и общественной безопасности.

[1] Кривощекова М.С. Заражение ВИЧ-инфекцией: уголовная ответственность и освобождение от уголовной ответственности // Юридическая наука и практика. – 2022. С. 187.

По данным Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом[1]:

– на 31 декабря 2023 года в России зарегистрировано 1 117 550 случаев ВИЧ-инфекции;

– в 2023 году было выявлено 59 113 новых случаев ВИЧ-инфекции[2].

Важно отметить, что официальная статистика может недооценивать реальные масштабы распространения ВИЧ-инфекции в России. Многие люди, живущие с ВИЧ, не знают о своем статусе, поэтому фактическое число ВИЧ-положительных граждан значительно превышает официальные показатели.

Ведущие специалисты считают, что наиболее действенный способ борьбы с ВИЧ-инфекцией заключается в комплексном подходе. Это включает в себя: организацию обучающих и информационных программ для населения; снижение стигматизации и дискриминации людей, живущих с ВИЧ; обеспечение широкого и равного доступа к тестированию и современным методам лечения ВИЧ; оказание всесторонней поддержки людям, живущим с ВИЧ[3]. Дополнительно к этому, эксперты[4] также подчеркивают важность укрепления системы общественного здравоохранения и совершенствования государственной политики в сфере противодействия ВИЧ[5].

Законодательный вектор на криминализацию ВИЧ-инфекции может способствовать стигматизации людей, живущих с ВИЧ, и создавать барьеры для тестирования и лечения. Важно помнить, что люди, живущие с ВИЧ, имеют право на личную жизнь, и их ВИЧ-статус не должен становиться причиной дискриминации.

В российском уголовном законодательстве действует статья 122 УК РФ[6], касающаяся преступления, связанного с заражением ВИЧ-инфекцией. Согласно этой статье, к ответственности привлекается лицо, которое заразило другого человека ВИЧ или умышленно создало риск заражения. В данном случае важно для обвинения доказать наличие умысла, то есть осознание преступника своего ВИЧ-положительного статуса и сознательный риск заражения другого. Тем не менее, если было доказано, что потенциальная жертва была предупреждена о риске заражения или уже была заражена и осознанно принимала риск, подобные обстоятельства могут служить основанием для освобождения виновного лица от уголовной ответственности по данной статье.

---

[1] Федеральный научно-методический Центр по профилактике и борьбе со СПИДом. – URL: http://www.hivrussia.info/.

[2] Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом: официальный сайт. URL: http://www.hivrussia.info/ (дата обращения: 17.05.2024).

[3] Дайджест новостей о ВИЧ: о чем писали ведущие научные СМИ в октябре. – URL: https://spid.center/ru/articles/4827.

[4] См.: Там же.

[5] Баекешова Г.К. Уголовная ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией // Аллея науки. – 2020. – Т. 2. – №. 5. – С. 720.

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.

Произведя анализ уголовного законодательства, касающегося заражения ВИЧ-инфекцией, мы выявляем три условия освобождения от ответственности, и первое из них – предупреждение партнера о наличии заболевания – формулируется недостаточно точно. Умышленная форма вины, предусмотренная статьей 122 УК РФ, предполагает знание виновного о своем ВИЧ-статусе. Следовательно, способность предупредить напрямую зависит от осведомленности самого носителя вируса. Формулировка «предупредил о наличии» создает проблемы доказывания. В связи с чем, необходимо уделить внимание самому процессу доказывания, чтобы прояснить вопрос о предупреждении. Показания заинтересованных лиц субъективны и сложно проверяемы.

В связи с этим целесообразно дополнить примечание к ст. 122 УК РФ после слов «…было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни…» словами «…путём подписания уведомления». Это имеет существенное значение для правоприменительной практики. В действующей редакции сложно доказать факт предупреждения, что открывает возможность для злоупотреблений и ложных обвинений. Внесение уточнения решит эту проблему, установив четкий и объективный критерий. Подписанное уведомление станет не только фактом предупреждения, но и неопровержимым доказательством этого факта. Это позволит избежать субъективизма и опираться на документально подтвержденную информацию при рассмотрении таких дел. Более того, такая формализация процедуры может положительно сказаться на профилактике ВИЧ-инфекции, побуждая людей более ответственно относиться к своему здоровью и здоровью партнера, а также фиксировать важные договоренности документально, что также создаст дополнительные гарантии для лиц, живущих с ВИЧ, защитив их от необоснованных преследований.

Второе условие освобождения от уголовной ответственности по статье 122 УК РФ касается своевременного уведомления о наличии ВИЧ-инфекции. При этом, своевременность возможна только до начала полового акта, поскольку именно до этого момента предупреждение имеет практический смысл. После начала незащищенного полового акта риск заражения уже создан, и уведомление теряет свою превентивную функцию. Поэтому «своевременность» должна быть четко определена как момент, предшествующий началу любых действий, создающих реальную угрозу передачи ВИЧ-инфекции. Это не только половой акт, но и другие формы интимного контакта, при которых возможна передача вируса. Нечеткость формулировки «своевременность» создает пространство для различных толкований и может привести к несправедливым решениям.

Третье условие освобождения от ответственности – согласие лица на действия, опасные для его здоровья, – поднимает сложный этический и юридический вопрос. По мнению Н. Г. Кадникова, вред в отношении таких благ и интересов, которые находятся в его свободном распоряжении, является правомерным причинением вреда с согласия потерпевшего[1].

[1] Кадников Н.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: учебное пособие. М.: Бизнес Ченел интернешнл Лтд., 1998. С. 45.

Однако в контексте ВИЧ-инфекции эта логика требует более глубокого рассмотрения.

Хотя принцип автономии личности подразумевает право человека принимать решения относительно собственного здоровья, ВИЧ-инфекция представляет собой особый случай. Речь идет не просто о вреде здоровью, а о неизлечимом заболевании, способном привести к смерти. Более того, заражение ВИЧ несет риск для третьих лиц, что выходит за рамки индивидуального выбора и затрагивает общественные интересы.

Таким образом, даже при наличии добровольного согласия, освобождение от уголовной ответственности ВИЧ-инфицированного может быть оправдано только при строгом соблюдении ряда условий. Необходимо гарантировать действительную добровольность и информированность согласия, исключить любое давление или манипуляции. Кроме того, важно учитывать потенциальный риск для общественного здоровья и принимать меры для его минимизации. Простое наличие согласия не может служить абсолютным оправданием в таких сложных случаях. Необходим взвешенный подход, учитывающий как права отдельной личности, так и интересы общества в целом.

В связи с чем, важно отметить, что доктрина уголовного права зачастую исходит из необходимости защиты прав и свобод вне зависимости от внутреннего отношения личности к необходимости защиты этих прав, а указанное примечание напрямую декларирует возможность человека самостоятельно распоряжаться своими правами и свободами, даже когда это связано с его жизнью и здоровью и заведомом причинение вреда самому себе.

Вместе с тем, на наш взгляд, законодательное закрепление указанного примечания в таком виде, в каком оно существует в настоящее время вызывает у гражданского общества, теоретиков уголовного права и правоприменительного блока ряд вопросов, поскольку не разъяснено, в том числе и Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Мы полагаем, что своевременное предупреждение для целей указанного в примечании следует понимать такое предупреждение, которое дает лицу объективную временную возможность предотвратить своими действиями риск и опасность заражения ВИЧ-инфекцией.

Формулировка «добровольного согласия» в рассматриваемом примечании является не совсем конкретизированной. Это может привести к тому, что освобождение от уголовной ответственности будет возможно лишь в тех случаях, когда сам ВИЧ-инфицированный человек, подвергнувший опасности заражения другое лицо, прямо укажет и настоит на добровольности такого согласия. Однако возникает вопрос: как доказать этот факт, если пострадавший, зараженный ВИЧ, скончался и не может дать никаких показаний по данному поводу?

В подобных ситуациях могут возникнуть существенные сложности с процессом доказывания того, что согласие на риск заражения действительно было добровольным. Таким образом, нечеткость законодательной

формулировки в данном случае чревата определенными трудностями при правоприменении.

Возможно, стоит более детально проработать критерии и условия, при которых можно говорить о «добровольном согласии» лица, которому угрожает заражение ВИЧ.

В современном обществе, которое постоянно эволюционирует и меняется, юридические стандарты иногда отстают от быстрых социальных преобразований. В результате, даже уголовное законодательство, предназначенное для защиты прав и свобод общества, может подталкивать к возникновению нежелательных и даже опасных тенденций в поведении граждан. Это особенно заметно на примере статьи 122 УК РФ, которая регулирует уголовную ответственность за распространение ВИЧ-инфекции и примечания к этой статье.

Многочисленные социологические исследования, включая опросы среди ВИЧ-положительных людей, проведенные в рамках социальных проектов и с использованием методов, позволяющих проанализировать максимальное количество, выявили тревожную тенденцию[1]. Многие респонденты признались, что сознательно пренебрегали средствами защиты от ВИЧ, полагаясь на мнимую безопасность, которую обеспечивает ст. 122 УК РФ.

Таким образом, исследование выявляет существенные правовые пробелы в действующем законодательстве, в частности, в примечании к статье 122 УК РФ, которое предусматривает возможность освобождения от ответственности при наличии своевременного предупреждения и добровольного согласия. На сегодняшний день существует неопределенность ключевых понятий «своевременное предупреждение» и «добровольное согласие», что создает значительные трудности в правоприменительной практике. Особую обеспокоенность вызывает проблема доказывания факта предупреждения, когда отсутствуют объективные подтверждения, а показания заинтересованных сторон могут быть противоречивыми.

Также важным аспектом проблемы является противоречие между принципом автономии личности и необходимостью защиты общественного здоровья. ВИЧ-инфекция представляет особый случай, выходящий за рамки индивидуального выбора, поскольку речь идет о неизлечимом заболевании, способном привести к смерти и несущем потенциальную угрозу для третьих лиц. В этом контексте тревогу вызывают результаты социологических исследований, свидетельствующие о том, что некоторые ВИЧ-положительные люди сознательно пренебрегают мерами защиты, ссылаясь на возможность избежать ответственности благодаря неполноте правовых норм. В связи с чем, государственная политика в этой сфере должна быть направлена, прежде всего, на профилактику и просвещение. Активная социальная реклама, доступное и качественное образование, широкое информирование населения о рисках и

[1] ВЦИОМ. Новости. Больная тема: россияне о ВИЧ и СПИДе (опрос). – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolnaja-tema-rossijane-o-vich-i-spide.

мерах защиты – вот основные инструменты эффективной борьбы с эпидемией ВИЧ.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом. URL: http://www.hivrussia.info/ (дата обращения: 02.02.2025).
3. Баекешова Г.К. Уголовная ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией / Г.К. Баекешова // Аллея науки. 2020. Т. 2. №. 5. С. 719–722.
4. ВЦИОМ. Новости. Больная тема: россияне о ВИЧ и СПИДе (опрос). – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolnaja-tema-rossijane-o-vich-i-spide./ (дата обращения: 07.02.2025)
5. Дайджест новостей о ВИЧ: о чем писали ведущие научные СМИ в октябре. URL: https://spid.center/ru/articles/4827. (дата обращения: 05.02.2025)
6. Кадников Н.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: учебное пособие. М.: Бизнес Ченел интернешнл Лтд., 1998. – 191 с.
7. Кривощекова М.С. Заражение ВИЧ-инфекцией: уголовная ответственность и освобождение от уголовной ответственности // Юридическая наука и практика. 2022. С. 186–188.

В.Ф. Крючкова
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
Хабаровский филиал

Практика возмещения ущерба по делам коррупционной направленности. Проблемы, требующие законодательного регулирования

Аннотация. В статье автором рассматриваются проблемы реализации одного из приоритетных направлений деятельности, как органов предварительного следствия, так и правоохранительных органов в целом – возмещение материального ущерба, причиненного преступлением коррупционной направленности, анализируется комплекс взаимосвязанных мероприятий различного характера (процессуальных и следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и др.), объединенных общей целью - устранить негативные последствия преступного деяния.

Ключевые слова: возмещение ущерба, коррупционные преступления, материальный ущерб, проблемы противодействия, конфискация имущества.

В настоящее время важнейшей задачей государства в сфере противодействия коррупции является создание комплекса действенных мер по минимизации и ликвидации последствий коррупционных деяний, так как без обеспечения

решения этой задачи невозможно системно и эффективно противодействовать коррупции.

Актуальность этой задачи подтверждается колоссальными размерами ущерба, причиняемого коррупционными преступлениями государству, гражданам, организациям и российскому обществу в целом.

Существенный ущерб от коррупции наносится не только имущественным интересам государства, организаций и граждан, но и важным нематериальным ценностям, включая соблюдение и защиту прав и свобод человека, и гражданина, а также надлежащему функционированию органов власти всех уровней.

Так, в 2024 году материальный ущерб наибольший ущерб причинен по уголовным делам о преступлениях экономической направленности (128 462 тысячи рублей или 88 % от всего размера причиненного ущерба)[1].

Положительным примером является уголовное дело, прекращенное четвертым отделом по расследованию особо важных дел по основанию, предусмотренному п.7 ч.1 ст.24 УПК РФ, в отношении директора ООО «Забтрансоюз» Гибанова А.В. по факту уклонения от уплаты налогов путем внесения ложных сведений в декларации в сумме 17 735 тысяч рублей. В результате принятых в ходе расследования мер ущерб возмещен в полном объеме[2].

Вместе с тем, имеются причины, по которым, по некоторым уголовным делам полностью или частично материальный ущерб не возмещается.

Одной из характерных проблем, препятствующих полному возмещению причиненного преступлениями ущерба и наложению ареста, является отсутствие у подозреваемых (обвиняемых) имущества, способного в полном объеме удовлетворить исковые требования потерпевших.

Встречаются случаи, когда ущерб не возмещается в силу объективных причин, таких как инвалидность подозреваемого (обвиняемого), наличие у него заболеваний, препятствующих трудоустройству и др.

Также причиной неполного возмещения причиненного материального ущерба по уголовным делам является социальный статус лиц, совершивших преступления, которые являются несовершеннолетними, находящимися на попечении законных представителей, не имеющих постоянного источника дохода, денежных средств на счетах и принадлежащего им имущества, на которое возможно осуществить наложение ареста.

Так, третьим отделом по расследованию особо важных дел направлено в суд уголовное дело по п. «в» ч.2 ст.238, ст. 168 УК РФ, в отношении работников ОАО «Читаоблгаз» по факту взрыва газа в жилом много квартирном доме, в результате чего причинен ущерб на сумму 93 429 рублей, который по причине отсутствия у

[1] Следственное управление Следственного комитета по Забайкальскому краю // Забайкальский край, 2024. Ведомственный доступ.

[2] Там же.

обвиняемого денежных средств и имущества, соотносимого с размером причиненного ущерба, возмещен лишь на сумму 39 660 рублей.

Недостатки в деятельности правоохранительных органов нередко обусловлены низким уровнем взаимодействия органов предварительного расследования с оперативными и экспертными подразделениями, а также с контрольно-надзорными, налоговыми и регистрирующими органами.

Одной из основных причин, препятствующих возмещению ущерба является противодействие подозреваемых (обвиняемых) путем сокрытия имущества, доходов, оформление имущества на родственников или третьих лиц.

Суды все чаще удовлетворяют ходатайства следователей о наложении ареста на имущество, право собственности, на которое переоформлялось обвиняемым до начала или в ходе расследования на других лиц, как правило, из числа близких родственников.

Так, по уголовному делу Л. было предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 159 УК РФ (несколько эпизодов). В ходе следствия было установлено, что Л. совершала хищения в период на общую сумму 14 млн руб.

За указанный период ею были приобретены квартира в г. Тюмени, земельный участок, жилой дом на этом участке, автомобиль. После этого, осознавая, что она может быть привлечена к уголовной ответственности, Л. по договорам дарения передала в собственность указанное имущество своей дочери Ш.

Центральный районный суд г. Тюмени удовлетворил ходатайство следователя о наложении ареста на указанное имущество, а также квартиру, находящуюся в собственности Л. в г. Тюмени[1].

В подобных ситуациях следователю необходимо установить, что имущество, формально находящееся в собственности другого лица, либо было приобретено на деньги, полученные преступным путем.

Проведя анализ показателей возмещения ущерба регионов, автор пришел к выводу, что деятельность следственных управлений следует признать удовлетворительной.

Вместе с тем, несмотря на улучшение показателей по возмещение ущерба, руководителями следственных управлений на руководителей следственных подразделений возложены обязанности с момента регистрации сообщения о преступлении до принятия решения о возбуждении уголовного дела проводить полный комплекс мероприятий, направленных на установление похищенного имущества, а также денежных средств и иного имущества подозреваемых (обвиняемых), имущественного положения родственников виновных лиц, на которое возможно наложить арест с целью возмещения причиненного преступлением ущерба.

Правоприменительная практика показывает, что к числу причин, затрудняющих процесс возмещения ущерба преступлений коррупционной

[1]URL: udact.ru/regular/court/reshenya-tsentralnyi-raionnyi-sud-g-tiumeni-tiumenskaia-oblast/ дата обращения 31.01.2025

направленности, относятся недостатки законодательного регулирования. Так, в настоящее время в задачи оперативно-розыскной деятельности не входит становление доходов и имущества. В этой связи представляется целесообразным внести изменения в ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» абзац 5, ст.2 после слова «конфискация», дополнить словами «а также имущества и доходов, полученных преступным путем».

Анализ правовой природы различных мер, направленных на возмещение ущерба от преступлений коррупционной направленности, позволяет утверждать, что непосредственно на предупреждение преступности нацелена конфискация имущества, предусмотренная гл. 15.1 УК РФ. И именно в институте конфискации содержится как карательный потенциал, направленный на предупреждение совершения новых преступлений, так и восстановительный (в части возмещения ущерба, причиненного преступной деятельности). Кроме того, хочется отметить, что конфискация имущества как мера уголовно-правового характера применяется только на основании обвинительного приговора суда (ч.1 ст. 104.1 УК РФ). Конфискация имущества не может применяться в случаях, когда вынесение обвинительного приговора суда невозможно, в том числе в случаях прекращения уголовного преследования по не реабилитирующим основаниям не в связи с деятельным раскаянием, с применением судебного штрафа и др. Законом не конкретизировано, является ли конфискация имущества правом или обязанностью суда, в связи с чем суды не во всех случаях применяют данную меру и изымают имущество.

Необходимо отметить, что на основании положений главы 15.1 УК РФ для применения конфискации имущества необходимо доказать факт получения этого имущества именно в результате совершения конкретного преступления коррупционной направленности, в совершении которого обвиняется лицо, поле чего возможно то имущество конфисковать по решению суда.

Таким образом, представляется, что повысить результативность принимаемых мер по обеспечению обращения в доход государства имущества коррупционеров и возмещению за счет него ущерба, от преступлений коррупционной направленности, после постановления судом приговора способно совершенствование уголовно-процессуальных норм, регулирующих деятельность уполномоченных органов по возмещению ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности. Конфискация преступных активов в случаях, когда осуждение лица является невозможным, будет способствовать совершенствованию норм уголовного права.

В.Ф. Крючкова
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
Хабаровский филиал

Осуществление процессуального контроля по уголовным делам о врачебных ошибках. Проблемы, возникающие в процессе расследования и пути их разрешения (по материалам круглого стола «Проблемы осуществления процессуального контроля и пути их устранения», состоявшегося 22.01.2025 г. в Хабаровском филиале Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, с которой сталкиваются следователи при расследовании уголовного дела данной категории, исследуются вопросы оценки судебно-медицинских экспертиз, проведенных по уголовным делам, связанным с некачественным оказанием медицинской помощи.

Ключевые слова: проведение комиссионной судебной медицинской экспертизы, врачебные ошибки, медицинские работники, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей.

В современном мире врачебные ошибки так глубоко вошли в нашу жизнь, что никто уже не удивляется при их возникновении. Каждый человек не застрахован от ошибок, медицинский работник не исключение. Вопрос лишь в том, что побудило медика ошибиться. Причиной той или иной врачебной ошибки может быть, как банальное нежелание помочь пациенту, в нарушении «клятвы Гиппократа», так и незнание основ своего профессионального дела[1].

С каждым годом в следственные органы всё больше поступает сообщений о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи.

Одна из основных причин, вызывающих сложность установления объективной истины по уголовным делам о врачебных ошибках — отсутствие законодательно закрепленного понятия преступления, совершенного медицинскими работниками при осуществлении своей профессиональной деятельности.

Наиболее часто такие уголовные дела квалифицируются по ст. ст. 109 УК РФ. Это деяния с неосторожной формой вины, проявляющейся в виде преступных легкомыслия или небрежности. Необходимым условием для наступления уголовной ответственности является ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, под которым понимается поведение лица, полностью или частично не соответствующее официальным требованиям или предписаниям, в результате чего наступает смерть потерпевшего. В то же время

[1] https://sibadvokat.ru/magazine/sovety-advokata/vrachebnaya-oshibka-kak-sebya-obezopasit-i-chto-delat-esli-stal-zhertvoy-vrachebnoy-oshibki

стандарты оказания медицинской помощи носят рекомендательный характер, и не содержат императивных норм, обязывающих к их обязательному исполнению

В производстве следователей следственных подразделений СУ СК России по Республике Саха (Якутия) в 2024 году находилось 15 уголовных дел (все по ч. 2 ст. 109 УК РФ) о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи (АППГ – 12)[1].

Одной из причин возбуждения уголовных дел является необходимость следственным путем проверять каждый выявленный случай недостатков в оказании медицинской помощи, в особенности детям, беременным и роженицам, а также повлекших летальный исход, с целью восстановления и защиты прав пострадавших или их представителей, принятия соответствующих профилактических мер со стороны органов здравоохранения. Уголовные дела возбуждались своевременно.

Одной из проблем, с которой сталкиваются следователи при расследовании уголовного дела данной категории, является вопрос проведения комиссионной судебной медицинской экспертизы, от которой зависит принятие окончательного решения по делу и от производства которой зависит срок предварительного следствия.

Так, все первоначальные экспертизы, для определения качества медицинской помощи, назначались в ГБУ Бюро СМЭ МЗ Республики Саха (Якутия), т.е. субъекта, где пострадавшему была оказана медицинская помощь, что ввиду «корпоративной этики» медицинских работников ставит под сомнение беспристрастность и объективность полученных результатов со стороны многих потерпевших. При этом назначение таких экспертиз следователем у себя в субъекте обусловлено тем, что экспертные учреждения, осуществляющие свою деятельность в других субъектах РФ, отказывают в проведении комиссионных медицинских судебных экспертиз при отсутствии заключения первичной СМЭ. Таким образом, получив заключение первичной экспертизы, не выявившей дефектов оказания медицинской помощи и проведенной в своем регионе, с которой потерпевшая сторона зачастую не соглашается, следователь вынужден назначать повторные экспертизы, что приводит к нарушению разумных сроков расследования.

В соответствии с распоряжением Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 22.09.2022 № 84/220 производство комиссионных судебно-медицинских экспертиз должно быть поручено только экспертам Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации, по субъекту, в его Дальневосточный филиал с дислокацией в городе Хабаровске, где очередь на проведение экспертиз составляет более года, а иногда и до полутора лет.

Указанное влечет за собой нарушение требований ст. 6.1 УПК РФ и может повлечь за собой, учитывая категорию преступления прекращение уголовных дел за истечением сроков давности, при наличии прямой причинной

[1] Решение коллегии Следственного управления Следственного комитета по Республике Саха (Якутия) // Республика Саха (Якутия), 2024. Ведомственный доступ.

следственной связи между действиями медицинского работника и наступившими последствиями в виде смерти потерпевшего.

К примеру, по уголовному делу, возбужденному 23.06.2023, по обвинению врача-терапевта ГБУ РС (Я) Усть-Алданская ЦРБ, Дьячковской Н.В. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, и расследованному мной лично, 30.06.2023 назначена комиссионная судебно-медицинская экспертиза судебная экспертиза в Дальневосточный филиал (с дислокацией в городе Хабаровск) ФГКУ СЭЦ СК России. Производство указанной экспертизы в связи со значительной загруженностью экспертов завершено лишь в декабре 2024 года.

В целях уменьшения сроков и повышения качества проведения экспертиз ежемесячно проводятся совещания с участием работников отдела криминалистики и руководства ГБУ Бюро СМЭ МЗ РС (Я).

В целях сокращения сроков проведения экспертиз отделами криминалистики контролируется назначение следственными отделами судебных экспертиз в СЭЦ СК России путем предварительного согласования с экспертами интересующих вопросов, объектов и документов, необходимых для производства экспертиз.

Указанная проблема требует законодательного урегулирования на федеральном уровне в целях обеспечения безвозмездного проведения комиссионных судебных экспертиз в разумные сроки любым экспертным учреждением РФ, имеющим соответствующую специализацию.

Литература

1. Баринов Е.Х., Косухина О.И., Сухарева М.А. Случаи лечебно-тактических ошибок в терапевтической практике // Медицинское право. 2014. № 6. С. 47–51.
2. Эртель Л.А., Силаков О.Ю. Значение судебно-медицинской экспертизы врачебных ошибок при рассмотрении гражданских споров и расследовании уголовных дел. Юридическая наука и практика. 2018. № 14(4). С. 66–71. https://doi.org/10.25205/2542-0410-2018-14-4-66-71

А.В. Кульчарова
Волгоградская академия МВД России

Особенности избрания и применения меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические особенности избрания и применения меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части на современном этапе развития уголовного судопроизводства. Автором акцентируется внимание на отсутствии четких нормативных предписаний, регулирующих порядок реализации обозначенной меры пресечения. Вносятся предложения, позволяющие исключить неоднозначное толкование положений статьи 104 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, мера пресечения, уголовное дело, наблюдение командования воинской части.

Гуманная уголовная политика российского государства изобилует разнообразием мер пресечения, не связанных с лишением свободы. Наблюдение командования воинской части относится к одной из таких мер. Она применяется в отечественном уголовном судопроизводстве довольно давно, но нормативный порядок ее реализации по-прежнему вызывает научные дискуссии и споры.

Недавние законодательные поправки[1], внесенные Федеральным законом от 28.12.2024 № 507-ФЗ в положения статьи 104 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[2], хотя и частично разрешили некоторые проблемы правового регулирования, но механизм реализации данной меры пресечения не обозначили.

Указанным законом впервые расширен круг подозреваемых (обвиняемых), к которым может быть применено наблюдение командования воинской части. Помимо ранее предусмотренных специальных субъектов – военнослужащих и граждан, проходящих военные сборы, к ним также отнесены граждане, поступающие в добровольческие формирования и пребывающие в них.

Одновременно определены исключительные случаи, когда получение согласия подозреваемого (обвиняемого) на избрание в отношении него рассматриваемой меры пресечения не требуется. Дополненная частью 2.1 статья 104 УПК РФ четко регламентирует, что это возможно в период мобилизации, в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

---

[1] Федеральный закон от 28.12.2024 № 507-ФЗ «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.12.2024. № 53 (Часть I). Ст. 8517.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Ранее в юридической науке единого мнения по данному вопросу не существовало. Некоторые ученые считали, что согласие подозреваемого (обвиняемого) необходимо, «поскольку главное в психолого-принудительных мерах пресечения – обязательство самого обвиняемого»[1]. Другие, наоборот, полагали получение согласия излишним, так как «для военной службы характерны отношения единоначалия и подчиненности, и получение у подчиненного военнослужащего согласия не отвечает особенностям военной службы»[2], «противоречит самому смыслу уголовно-процессуального принуждения, придавая и воинским, и процессуальным отношениям совершенно не свойственный им характер сделки, соглашения»[3].

Таким образом, законодатель определил одно из условий избрания наблюдения командования воинской части, освободив в отдельных случаях следователя, дознавателя, суд от обязанности получения согласия подозреваемого (обвиняемого) на применение. Однако не раскрыл второе условие, связанное с наличием, либо отсутствием необходимости получения следователем, дознавателем, судом согласия командования воинской части, которое, по сути, должно обеспечить выполнение подозреваемым (обвиняемым) соответствующих обязательств.

Судебно-следственной практике известны случаи, когда судом учитывается мнение командования воинской части. Так, к примеру, 15 июля 2024 года Центральным окружным военным судом при рассмотрении апелляционной жалобы защитника на постановление судьи Магнитогорского гарнизонного военного суда о продлении срока содержания под стражей обвиняемому К. приняты во внимание предоставленные командованием воинской части сведения, согласно которым военнослужащий К. характеризовался как склонный к нарушению воинской дисциплины, самовольному оставлению части и ассоциативному поведению человек, вследствие чего судом сделан вывод, что это препятствует организации за ним наблюдения командования[4].

Часть 3 статьи 104 УПК РФ получение согласия командования воинской части на избрание меры пресечения не требует, но предполагает направление

---

[1] Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008. С. 257.

[2] Сазонова И.Г. Реализация командиром воинской части наблюдения командования воинской части: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2017. № 1(234). С. 87–92.

[3] Безлепкин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. М.: Проспект, 2011. с. 45.

[4] Апелляционное постановление Центрального окружного военного суда № 22К-522/2024 от 15 июля 2024 г. по делу № 3/2-4/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: URL: https: //sudact.ru/regular/doc/pXWiomab6HY1/ (дата обращения: 07.03.2025).

постановления с разъяснением существа подозрения (обвинения) и обязанности по исполнению данной меры пресечения.

Часть 4 этой же статьи обязывает командование воинской части в случае совершения подозреваемым (обвиняемым) действий, для предупреждения которых была избрана мера пресечения, незамедлительно сообщить об этом в орган, избравший меру.

Примечательно, что какие именно действия могут быть совершены подозреваемым (обвиняемым) в анализируемой статье 104 УПК РФ не обозначено, механизм реализации меры пресечения не определен.

Содержание данной статьи носит бланкетный характер, предписывая командованию воинской части принятие в отношении военнослужащих или граждан, проходящих военные сборы, мер, предусмотренных уставами Вооруженных сил РФ, а применительно к гражданам, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них – мер, установленных Порядком поступления граждан РФ в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них и Министерством обороны РФ (Федеральной службой войск национальной гвардии РФ).

Однако данные правовые акты не содержат специальных нормативных предписаний об особенностях реализации наблюдения командованием воинской части. Как следствие это влечет проблемы правового регулирования порядка избрания и применения данной меры пресечения. До настоящего времени законодателем не регламентировано, а правоприменителем достоверно не выяснено: какие ограничения накладываются на подозреваемого (обвиняемого) командованием воинской части, каким должностным лицом осуществляется непосредственное наблюдение за подозреваемым (обвиняемым) и какие правовые последствия влечет нарушение командованием воинской части, а также подозреваемым (обвиняемым) избранной меры пресечения.

Полагаем, что для получения ответов на вышеуказанные вопросы необходимо предусмотреть все рассмотренные нами проблемные особенности избрания и применения меры пресечения в нормативно-правовых актах, к которым отсылает статья 104 УПК РФ. Это позволит обеспечить неукоснительное соблюдение прав и свобод подозреваемых (обвиняемых), а также повысит эффективность применения данной меры пресечения, что особенно важно на современном этапе развития уголовного судопроизводства.

Литература

1. Безлепкин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. М.: Проспект, 2011.

2. Сазонова И. Г. Реализация командиром воинской части наблюдения командования воинской части: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2017. № 1(234). С. 87–92.

3. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008.

М.Ю. Курченко
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Актуальные проблемы правоприменительной практики производства контроля и записи телефонных и иных переговоров

Аннотация. В статье рассматриваются процессуальные особенности контроля и записи телефонных и иных переговоров. Приводится процессуальный порядок производства данного следственного действия на основании уголовно-процессуального законодательства. Рассматривается следственная и судебная практика, предлагается на законодательном уровне закрепить возможность производства контроля и записи телефонных переговоров по всем категориям преступлений.

Ключевые слова: контроль и запись телефонных и иных переговоров, преступления, подозреваемый, следственное действие, судебное решение.

Контроль и запись телефонных и иных переговоров в рамках предварительного расследования приобретают существенную доказательственную ценность, став самостоятельным следственным действием лишь после принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). До этого момента указанная процедура не имела четкого правового регулирования и не рассматривалась как полноценный инструмент уголовно-процессуальной деятельности.

На всех этапах проведения контроля и записи переговоров следователь обязан обеспечивать конфиденциальность данной процедуры, скрывая ее факт от лица, в отношении которого она осуществляется. Это требование является обязательным на протяжении всего процесса выполнения данного следственного действия. Это позволяет говорить о том, что данное следственное действие производится негласно. При этом, ч. 7 ст. 186 УПК РФ устанавливает: «О результатах осмотра и прослушивания фонограммы следователь с участием специалиста (при необходимости), а также лиц, чьи телефонные и иные переговоры записаны, составляет протокол, в котором должна быть дословно изложена та часть фонограммы». Автоматически оглашается факт того, что в отношении данного лица проводилось следственное действие, которое затрагивает его право на частную жизнь и тайну переговоров.

К примеру, в случае дачи подозреваемым при допросе ложных показаний о непричастности его к совершению преступления либо непричастности в совершении конкретных действий при подготовке или в процессе совершения преступления следователь при наличии фонограммы с его голосом может предъявить ему, тем самым опровергнув его ложное алиби.

Помимо допроса возможно эффективное использование фонограммы при проведении очной ставки, когда подозреваемый заявляет об отсутствии связей с потерпевшим или свидетелем, но фонограмма дает основания полагать о факте их переговоров.

Кроме того, применение результатов контроля и записи переговоров представляет собой эффективный инструмент для выявления, а также определения направлений поиска дополнительных доказательств и информации, значимой с точки зрения уголовного дела. Например, получение информации об участниках совершения преступления, обстоятельствах, при которых приготавливается, совершается либо укрывается преступление и др.

Несмотря на мнимую эффективность и значимость использования результатов данного следственного действия, на практике возникают проблемы, составляющие актуальность правоприменительной практики при расследовании преступлений.

Прежде всего, необходимо определить процессуальное и организационное положение следователя.

Исходя из смысла ст. 186 УПК РФ следователь уполномочен при наличии достаточных оснований полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела, произвести на основании судебного решения контроль и запись телефонных и иных переговоров. При этом это возможно лишь по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений.

В ряде органов предварительного расследования сложилась неоднозначная практика проведения мероприятий, связанных с прослушиванием и фиксацией телефонных и иных переговоров с целью дальнейшего использования их результатов. Большинство сотрудников, в производстве которых находятся уголовные дела по тяжким и особо тяжким преступлениям, а также средней тяжести стараются вовсе избегать данное следственное действие, отдавая предпочтение эффективности производства иных следственных действий. Обосновывают выбор данного пути тем фактом, что производство данного следственного действия затратит больше времени, о чем свидетельствует столь большой срок производства контроля и записи телефонных и иных переговоров. Данный факт не лишний раз подчеркивает специфику практического осуществления данного следственного действия. Несмотря на это, нельзя полностью исключать вероятность того, что суд вынесет постановление об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о проведении контроля и записи телефонных или иных переговоров. Однако на практике такие случаи являются достаточно редкими.

Считаем необходимым рассмотреть немаловажный аспект – процессуальный порядок производства данного следственного действия.

В ходе анализа положения ч. 2 ст. 186 УПК РФ установлено, что при наличии угрозы насилия в отношении потерпевшего, свидетеля, их близких родственников, родственников, близких лиц на основании их письменного заявления следователь вправе вынести постановление о производстве контроля и записи телефонных переговоров. Тем не менее, анализ следственной практики показывает, что следователь, помимо письменного заявления соответствующих лиц, в большинстве случаев принимает решение о подготовке и вынесении

постановления о возбуждении перед судом ходатайства о проведении контроля и записи телефонных и иных переговоров, что делается с целью дополнительной гарантии законности его проведения.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует четкий или приблизительный перечень причин, по которым судья вправе отказать следователю в удовлетворении его ходатайства, что означает независимость судьи в решении данного вопроса. Судья при рассмотрении ходатайства следователя должен максимально полно рассмотреть поступившие материалы уголовного дела, выслушать мнения участвующих лиц и принять решение о целесообразности проведения указанных мероприятий.

Также в статьях 165 и 186 УПК РФ не установлены четко выраженные основания, позволяющие осуществлять данное следственное действие без судебного решения.

Очевидно, следователю принадлежит основополагающая роль, ведь контроль и запись телефонных и иных переговоров проводится не иначе, как по постановлению следователя о возбуждении перед судом ходатайства об их проведении.

Тем не менее, нельзя с уверенностью говорить, что контроль и запись производится следователем непосредственно. Ввиду отсутствия у следователя необходимой для прослушивания, фиксации информации специальной технической оснащенности данная процедура отведена специализированным органам и работникам, обладающим специальными знаниями. Он лишь направляет вынесенное постановление для исполнения соответствующим органам.

На протяжении всего периода проведения следственного действия следователь обладает правом истребовать фонограмму в любой момент для ее анализа путем просмотра и прослушивания. О результатах осмотра и прослушивания фонограммы следователем составляется протокол, в котором должна быть изложена лишь та часть фонограммы, которая, по мнению следователя, имеет отношение к данному лицу.

В процессе осуществления контроля и записи переговоров органы внутренних дел, в лице руководителей подразделений, уполномоченных на проведение специальных технических мероприятий, нередко заключают соглашения с операторами связи. Последние, согласно законодательству, обязаны оказывать содействие органам предварительного расследования в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

Заключаемые соглашения и договоры налагают на операторов связи обязательства по созданию необходимых условий для проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также предписывают принимать меры по предотвращению раскрытия организационных и тактико-технических особенностей их реализации.

Помимо этого, уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено право следователя по своему усмотрению привлекать специалиста.

По окончании прослушивания переговоров их результаты подлежат фиксации в протоколе осмотра фонограммы, в котором следователь отображает обстоятельства, имеющие значение по уголовному делу, ставшие известны ему в ходе проведения контроля и записи телефонных и иных переговоров.

Как уже упоминалось, УПК РФ предусмотрено производство контроля и записи телефонных и иных переговоров лишь по делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях. Однако на практике выявлен факт проведения следственного действия по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести.

Так, 20 июня 2012 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст.158 УК РФ, по факту кражи денежных средств Э.Б.Н., который был признан в установленном порядке потерпевшим. Впоследствии уголовное дело было передано для производства предварительного следствия. 19.08.2014 старший следователь Д. обратился в Элистинский городской суд с ходатайством о разрешении производства контроля и записи телефонных переговоров, осуществляемых потерпевшим Э.Б.Н., ссылаясь на наличие достаточных оснований полагать, что на потерпевшего с целью изменения им своих показаний может быть оказано давление со стороны сотрудников полиции М.Н.В., К.В.Б. и Н.Е.В., на которых он указывает как на лиц, подозреваемых в хищении у него денежных средств. Постановлением Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 20 августа 2014 г. ходатайство следователя удовлетворено. Гражданин Э.Б.Н. обжаловал данное решение суда в апелляционном порядке. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что производство контроля и записи переговоров проводилось в установленном законом порядке в части его проведения в отношении потерпевшего, который ранее не обращался в суд о факте угрозы применения насилия или вымогательства. Вместе с тем судом не был принят во внимание важный аспект: проведение данного следственного действия не допускается в отношении дел, относящихся к категории небольшой тяжести, в то время как ходатайство следователем вынесено в рамках расследования уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Постановление Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 20 августа 2014 г. о разрешении производства контроля и записи телефонных переговоров потерпевшего Э.Б.Н. было отменено.

Очевидно, что любые нарушения законодательства Российской Федерации со стороны правоохранительных органов являются категорически недопустимыми и наносят серьезный ущерб авторитету системы правосудия и доверию граждан к государственным институтам. Необходимо принимать во внимание, что статья, по которой было возбуждено уголовное дело, не обязательно отражает окончательную правовую квалификацию деяния, поскольку она может быть пересмотрена в ходе следствия.

Так, примером может служить такая ситуация. Дознавателем К. было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, по факту того, что неустановленные лица похитили самокат у несовершеннолетнего потерпевшего Т. В дальнейшем

выяснилось, что указанное преступление было совершено П. и М., после чего материалы дела были направлены руководителю следственного органа для проведения дополнительных процессуальных действий и установления всех обстоятельств совершенного деяния. Следователь, проведя расследование по уголовному делу, установил причастность к совершенному преступлению П. и М. и направил в отношении указанных лиц дело в суд по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. С учетом вышеизложенного можно предположить, что наличие возможности проведения контроля и записи телефонных переговоров в рамках данного уголовного дела, находящегося в производстве дознавателя, позволило бы существенно сократить временные затраты на установление лиц, совершивших преступление.

С нашей точки зрения, аналогичная ситуация наблюдается во множестве уголовных дел, где установить причастность лиц, совершивших преступления, оказывается невозможным из-за отсутствия возможности проведения данного следственного действия. Также нередко встречаются случаи, когда привлекается лишь один участник преступления, тогда как остальные остаются вне поля правосудия. Следовательно, представляется логичным и необходимым внесение изменений на законодательном уровне, направленных на закрепление права производить контроль и запись телефонных переговоров по всем видам преступлений. Данная мера продиктована потребностью обеспечения всестороннего и объективного исследования обстоятельств каждого уголовного дела, что является фундаментальным принципом справедливого правосудия.

На основании вышеизложенного, контроль и запись телефонных переговоров с позиции правоприменительной практики представляет собой сложную процессуальную и организационную работу. Процессуальный механизм контроля и записи телефонных и иных переговоров, закрепленный в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, предполагает определение законных оснований для реализации данного следственного действия, а также обязательное обращение следователя в суд с соответствующим ходатайством о предоставлении разрешения на его проведение, направления соответствующего постановления компетентным органам, операторам связи, наделенным законом обязанностью оказывать содействие органам предварительного расследования на производство вышеуказанных действий. Окончанием следственного действия является составление протокола, в котором отмечаются результаты прослушивания истребованных фонограмм переговоров, которые имеют значение по уголовному делу.

В ходе исследования данного вопроса приходим к выводу, что внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство позволит своевременно восполнить некоторые пробелы и увеличить эффективность производства следственного действия. С другой стороны, неизбежно полагать, что даже при подробной правовой регламентации контроля и записи переговоров, действующие сотрудники органов внутренних дел в лице следователей, будут охотнее прибегать к данному следственному действию.

Литература

1. Гасан В.Е. Проблемные аспекты обеспечения прав граждан при осуществлении контроля и записи переговоров // Молодой ученый. 2019. № 8 (246).
2. Пугачев Е.В. Проблемы соотношения результатов прослушивания телефонных переговоров и контроля и записи телефонных и иных переговоров в процессе доказывания по уголовным делам // Адвокат. практика. 2008. № 3. С. 25.
3. Хайр А.Ф. Особенности производства контроля и записи переговоров: актуальные вопросы теории и практики // Актуальные проблемы и перспективы развития предварительного следствия в России. Волгоград, 2020.

М.Ю. Курченко[1], **С.М. Безрукова**[2]

[1,2] Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Вопрос об обязательном участии специалиста при изъятии электронных носителей информации

Аннотация. В данной статье исследуется вопрос об обязательном участии специалиста, рассматриваются понятия электронных носителей информации, цифровые следы и процессуальная значимость специалиста в ходе изъятия электронных носителей информации. Проблематика данной темы заключена в том, что законодательно не определены понятие и свойства электронных носителей информации.

Ключевые слова: участие специалиста, электронные носители информации, хранение информации, следственное действие, изъятие.

Несомненно, вопрос об обязательном участии специалиста в ходе изъятия электронных носителей информации является значимым аспектом в контексте правового регулирования деятельности правоохранительных органов и судопроизводства. С тенденцией развития технологий и увеличением роли цифровых данных (цифровых следов) в повседневной жизни, проблема сохранности и правомерности получения электронных доказательств, приобретает особую важность.

Участие квалифицированного специалиста позволяет минимизировать риски утраты важной информации, оптимизировать процесс изъятия электронных источников информации, обеспечить сохранность электронных следов и гарантировать соответствие процессуальных действий требованиям закона.

Электронные носители информации широко используются в повседневной жизни не только лицами, совершающими преступления, но и свидетелями, и потерпевшими, поэтому получение информации с таких источников является важным для следствия. В связи с развитием информационных технологий, в настоящее время острым остается вопрос о правовой природе электронных

носителей информации как доказательств и возможности их использования в уголовном судопроизводстве.

Отметим, что законодательно не определены понятие и свойства электронных носителей информации, следовательно, на практике часто возникают проблемы с представлением и сбором доказательственной электронной информации. Широкое освещение получили проблемы участия специалиста в получении электронных доказательств.

Понятие «электронный носитель» закреплено в нормативно-технической документации, которая дает определение, что электронный носитель – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники.[1] Также это же понятие упоминается в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».[2] Однако, ни статья 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), ни статья 164.1 УПК РФ данное понятие не разъясняет. В данной ситуации мнения ученых расходятся: А.И. Зазулин в одном из своих научных трудов предлагает внести в УПК РФ более общий термин «цифровой носитель информации», который бы «подразумевал различные типы цифровой информации и обеспечил единый для всех носителей режим изъятия и копирования на них информации». В свою очередь, А.Н. Першин отмечает, что термин «электронный носитель информации» ввиду своей некорректности, создает проблему неоднозначного подхода к соблюдению уголовно-процессуального законодательства и процедура получения таких электронных носителей информации может быть нарушена, что сделает этот источник доказательств недопустимым. По его мнению, это обосновано тем, что понятие «электронный носитель информации» имеет различную трактовку с юридической и технической точек зрения.[3]

С учетом мнения Ю.В. Гаврилина, под термином «электронный носитель информации» следует понимать не только съемные носители, но и непосредственно сами устройства, записывающие и воспроизводящие цифровую информацию, предназначенные для постоянного или временного хранения цифровой информации.[4]

---

[1] Единая система конструкторской документации. Электронная конструкторская документация. Основные положения: ГОСТ Р 2.051-2023 от 01.03.2024 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об информации, информационных технологиях и о защите информации; Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Першин А.Н. К вопросу о сущности электронного носителя информации в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Омская юридическая академия, 2017. С. 199 - 202.

[4] Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4. С. 4.

Что касательно «облачного» хранения информации, здесь появляются особенности, отличающие данный способ хранения информации от материальных электронных носителей информации. Кратко разберем природу облачного хранилища данных – это модель онлайн-хранилища, представленная в виде облачных вычислений, которая позволяет хранить данные и файлы в сети «Интернет», иметь доступ к облачному хранению информации. В облачном хранилище данные хранятся на множественных серверах, распределённых в сети. В этом заключаются одновременно и недостатки, и преимущества данного способа хранения информации. Для правоохранительной системы данный способ хранения информации создает определённые сложности, связанные с процедурой ее изъятия, исследования (осмотра).

Изъята она может быть у многих участников уголовного судопроизводства, как со стороны защиты, так и стороны обвинения. Изъятие (получение) электронных носителей информации может производиться в рамках следственных действий: осмотра места происшествия, обыска, личного обыска, выемки, ареста и выемки почтово-телеграфных отправлений. В соответствии с ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ данные следственные действия производятся только с участием специалиста.

В ходе изъятия электронных носителей информации существует ряд требований, для обеспечения сохранности и целостности необходимой для следствия информации: следователь принимает решение о копировании информации с изъятого электронного носителя на электронный носитель данных, предоставленный законным владельцем. Также важно обеспечение сохранности информации о состоянии работающих устройств (формирование списка запущенных на выполнение программ, прерывание текущих процессов удаления данных, снятие и сохранение дампа энергозависимой памяти); осуществление побайтового копирования содержимого памяти электронных носителей информации; определение наличия возможности управления компьютером с помощью устройств удаленного доступа к системе и принятие мер, направленных на исключение возможности изменения или удаления информации. как в ходе следственного действия, так и после него до момента производства соответствующей экспертизы; экспортирование электронной переписки (электронной почты) стандартным способом используемого приложения (например, Яндекс.Почта, Google и т.д.); содействие в поиске скрытых носителей информации или устройств с информационными объектами, преодоление защиты доступа к данным.

Также можно сказать, что специалистом может быть произведено перекодирование информации, изменение ее расширения для последующего исследования на других объектах вычислительной техники, при необходимости может быть произведено снятие и перенесение на иной электронный носитель или на бумагу. Что касательно облачного хранения информации, специалистом должны быть выявлены коды и пароли доступа к серверам облачного хранилища, выявлены иные объекты, с которых может быть осуществлен доступ,

при необходимости – изменены пароли доступа, для предотвращения попыток проникновения и уничтожения необходимых данных.

После изъятия электронных носителей информации, они могут быть исследованы в рамках осмотра, при помощи технических средств и программного обеспечения, необходимых для воспроизведения информации. Нередко к осмотру электронных носителей информации могут быть привлечены специалисты, для того, чтобы избежать повреждения информации и сохранности ее целостности.

Участие специалиста необходимо в случаях, если следственное действие подразумевает изъятие технически-сложного объекта, то есть процедура изъятия будет требовать специальных знаний для корректной, правильной и безопасной работы с ними. Также специалист, применяя знания в информатике, кибербезопасности и иных отраслях технических наук, сможет обеспечить сохранность данных и предотвратит случайные негативные изменения.

На практике участие специалистов становится обязательным в тех случаях, когда речь идет о сложных технических устройствах или специфической информации, которую сложно извлечь без соответствующих знаний. Например, при изъятии серверов, баз данных или зашифрованных носителей.

Но, если же изъятию подлежит не сложная совокупность электронных следов, таких как облачное хранилище, данные с мессенджеров или целая база данных с компьютера, а отдельный индивидуально-определенный и обособленный предмет, например, флеш-накопитель, карта памяти или CD-диск, имеет ли следователь достаточные знания, чтобы самостоятельно изъять и осмотреть предмет, не прибегая для этого к помощи или консультации специалиста.

Привлечение специалиста целесообразно, когда встает вопрос об обеспечении безопасности электронного носителя и сохранности информации. Также специалист может быть привлечен в той ситуации, когда необходимые данные были удалены, специалист может использовать специальные методы и инструменты для их восстановления.

Хотя законодательство РФ прямо не обязывает привлекать специалиста при каждом случае изъятия электронных носителей, его участие часто оказывается целесообразным и оправданным с точки зрения технической грамотности, сохранения доказательств и правовой чистоты процедуры.

Отсюда можно сделать вывод о том, что следователь, обладая процессуальной самостоятельностью, может не привлекать специалиста к изъятию электронных носителей информации, если речь идет об изъятии технически-простого обособленного объекта, также, если твердо и доподлинно уверен, что информация не была ранее изменена или удалена. Знаний следователя может быть достаточным для изъятия и осмотра электронных носителей информации.

Литература

1. Зазулин А.И. Обоснованность использования термина «Электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. С. 54–57.
2. Федюкина А.Ю. Электронный носитель информации как доказательство по уголовным делам // Отечественная юриспруденция. 2019. С. 44–46.

А.А. Лиликин
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Использование искусственного интеллекта в выявлении преступлений в сфере лесопромышленного комплекса (на примере Хабаровского края)

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы, связанные с возможностью использования нейросетевых алгоритмов правоохранительными органами во взаимодействии с представителями федеральных органов исполнительной власти, осуществляющими функции по контролю и надзору в области лесных отношений. В содержании доклада проводится анализ состояния преступности в лесопромышленном комплексе на территории Хабаровского края, а также обосновываются идеи о закреплении правовой основы для применения искусственного интеллекта при обследовании лесов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросетевые алгоритмы, лесопромышленный комплекс, незаконное использование лесов, вырубка леса.

В последнее время на территории Хабаровского края наблюдается тревожная тенденция — всё чаще дикие животные, такие как амурские тигры и медведи, выходят к местному населению. Эти встречи, как правило, заканчиваются трагически: гибнет домашний скот, а в некоторых случаях имеют место и людские жертвы. Это явление связано с сокращением естественного ареала обитания диких животных, что может быть вызвано различными факторами, включая вырубку лесов, загрязнением окружающей среды, изменением климата и другими антропогенными воздействиями. В результате дикие животные вынуждены искать новые источники пищи и места для обитания, что может привести к их конфликтам с человеком.

По официальным данным Управления охотничьего хозяйства Правительства Хабаровского края за 2024 год зафиксированы 242 конфликтных ситуации с участием диких животных. Наибольшее количество указанных ситуаций зафиксировано в июле 2024 года – 34 факта. За период времени с 28.12.2024 по 10.01.2025 уже зарегистрирована 21 конфликтная ситуация с участием диких животных, в число которых входит нападение амурского тигра на госинспектора

КГБУ «Служба по охране животного мира и особо охраняемых природных территорий», которое произошло 29.12.2024 в Нанайском районе Хабаровского края.[1]

В данной работе рассмотрим одну из причин сокращения естественного ареала обитания диких животных на территории региона, а именно вырубку лесов.

По официальным данным ГИАЦ МВД России за период 11 месяцев 2024 года правоохранительными органами на территории региона выявлено 97 фактов незаконных рубок[2], которые образовывают самостоятельные составы преступлений (ст. 260 УК РФ), что свидетельствует о серьезности проблемы. Эти данные подчеркивают недостаточную эффективность принимаемых мер по декриминализации преступлений в сфере лесопромышленного комплекса на территории Хабаровского края.

Проведя анализ действующего законодательства Российской Федерации и нормативно-правовых актов Хабаровского края можно выделить следующие виды использования лесов для целей заготовки древесины на территории региона:

1) Заготовка древесины для нужд местного населения (для нужд печного отопления, для целей надворных построек, для реконструкции жилого дома, для целей строительства жилых помещений).

Отведенная в рубку древесина предоставляется гражданам «на корню», то есть в сырорастущем виде. Как правило, местным жителям отводят в рубку конкретные деревья, которые представители лесного хозяйства помечают соответствующими клеймами. Заготовка согласно договору купли-продажи лесных насаждений, должна осуществляться непосредственно тем лицом, с которым был заключен указанный договор.

В данном виде использования лесов нередко случаются факты незаконных рубок, образующие, в том числе составы преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 260 УК РФ. Однако в данном случае объемы незаконных рубок не носят катастрофического характера.

К примеру, решением суда района имени Лазо Хабаровского края от 27.06.2024 г. по делу №1-190/2024 гражданин А был признан виновным в совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена п. г ч.2 ст. 260 УК РФ. А именно, гражданин А с целью расчистки проездной дороги к деляне, расположенной в «выделе №…», «квартале №…» Бичевского участкового лесничества Хорского лесничества района имени Лазо Хабаровского края осуществил расчистку вышеуказанной лесной дороги, при помощи отвала трактора ДТ-75, выкорчевывая с корнем и ломая расположенное

[1] Информация о конфликтных ситуациях с дикими животными Управления охотничьего хозяйства Правительства Хабаровского края. URL: https://ohota.khabkrai.ru (дата обращения 25.02.2025).

[2] Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений по форме отчета 4-ЕГС за 11 месяцев 2024 г. Ф. 1, кн. 1 // ГИАЦ МВД России. URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books&go=check&id=1. Режим доступа: ведомственный доступ.

на ней дерево, в результате чего были повреждены до степени прекращения роста лесные насаждения: 2 сырорастущих дерева породы ель диаметрами стволов 10 см. объемом 0,27 м^3; 4 сырорастущих дерева породы пихта диаметрами стволов 8 см, 12 см, 12 см, 16 см объемом 0,46 м^3; 1 сырорастущее дерево породы ясень диаметром ствола 10 см, объемом 0,16 м^3; 1 сырорастущее дерево породы кедр диаметром ствола 12 см, объемом 0,09 м^3. В результате чего гражданин А причинил ущерб в крупном размере лесным насаждениям Российской Федерации на общую сумму 139 606 рублей.[1]

2) Заготовка древесины субъектами предпринимательской деятельности. Так согласно действующему законодательству выделяют разновидности заготовки древесины юридическими лицами:

– во-первых, в рамках заключения договоров купли-продажи лесных насаждений по результатам проведенного электронного аукциона. В данном случае распорядителем лесного фонда на территории субъекта объявляется аукцион на право заключения договоров купли-продажи деловой древесины с юридическими лицами. Перед началом аукциона объявляется объем и качественные характеристики лесных насаждений. Затем проводится электронный аукцион, по результатам которого определяется победитель, предложивший наибольшую сумму, с которым в дальнейшем заключается договор купли-продажи лесных насаждений «на корню».

– во-вторых, в рамках заключения юридическими лицами с распорядителем лесного фонда договора аренды использования лесного участка в целях заготовки древесины на длительный срок.

В данном виде лесопользования также нередко встречаются случаи незаконных рубок. Как правило выявляются факты завизирных рубок, когда лесопользователи выходят за пределы отведенного лесного участка для увеличения собственной прибыли, выявляются случаи переруба лесных насаждений, когда в рамках отведенного участка заготавливается древесина, не предназначенная для рубки. Кроме того, выявляются случаи незаконных рубок, при разработке лесной инфраструктуры. В таких ситуациях ущерб от незаконных действий лесопользователей значительно больше и может нанести серьезный вред ареалу обитания диких животных.

Решением Вяземского районного суда Хабаровского края от 09.10.2023 г. по делу №1-112/2023 гражданин Б был признан виновным в нанесении ущерба лесным насаждениям на сумму более 226 тысяч рублей. Являясь мастером лесозаготовительного участка, он, вопреки закону, приказал проложить дорогу через охраняемую территорию леса, что привело к повреждению 67 деревьев ценных пород. Суд установил, что Б действовал умышленно, руководствуясь личной выгодой, и нарушил лесное законодательство, нанеся значительный вред

[1] Приговор суда района имени Лазо Хабаровского края от 27 июня 2024 года по делу №1-190/2024.URL: https://lazo--hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=260503141&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 01.03.2025).

экологии региона.[1]

Результаты выявления описанных фактов незаконных рубок на территории Хабаровского края, в большей степени, получены по итогам рейдовых выездов правоохранительных органов совместно с представителями Министерства лесного хозяйства и лесопереработки Хабаровского края, в рамках проводимого на территории Хабаровского края оперативно-профилактического мероприятия «Лес» (далее ОПМ). Данное ОПМ проводится дважды в год, в зимний период времени, когда осуществляются основные мероприятия по заготовке древесины.

Несмотря на существование указанных рейдовых выездов, невозможно охватить весь объем лесного фонда Хабаровского края, ввиду труднодоступности и его большой протяженности.

Помимо этого, в органах лесного контроля Хабаровского края работают люди с невысокой заработной платой и повышенным объемом нагрузки, что приводит к появлению коррупционных факторов.

Например, решением Вяземского районного суда Хабаровского края от 31.08.2021 г. по делу №1-40/2021 гражданин Г. был признан виновным в совершении преступлений, за которые предусмотрена ответственность ч.2 ст.292 УК РФ, ч.2 ст. 290 УК РФ, ч.2 ст. 290 УК РФ, ч.2 ст. 290 УК РФ, ч.2 ст. 290 УК РФ, который являясь лесничим КГКУ «Аванское лесничество», то есть должностным лицом, лично получил взятки в виде денег за совершение действий в пользу лесозаготовителей связанных с первоочередной подготовкой документации, отводом и таксацией лесосеки на лесном участке Аванского лесничества Вяземского района Хабаровская края.[2]

Вышеперечисленное свидетельствует о необходимости создания более эффективного способа выявления и раскрытия преступлений в сфере лесопромышленного комплекса на территории Хабаровского края, а именно незаконных рубок лесных насаждений.

Ввиду активной цифровизации всех сфер жизни, одним из решений повышения эффективности выявления незаконных рубок на территории Хабаровского края может стать использование искусственного интеллекта. Президент Российской Федерации В.В. Путин лично подчеркнул важность и необходимость внедрения искусственного интеллекта, назвав его основную цель

---

[1] Приговор Вяземского районного суда Хабаровского края от 09 октября 2023 года по делу №1-112/2023 // Вяземский районный суд Хабаровского края. URL: https://vyazemsky-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=234726502&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 01.03.2025).

[2] Приговор Вяземского районного суда Хабаровского края от 31 августа 2021 года по делу №1-40/2021 // Вяземский районный суд Хабаровского края. URL: https://vyazemsky-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=docnumber=159189831&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 01.03.2025).

применения – увеличение производительности и автоматизации труда.[1]

До этого на территории Хабаровского края уже принимались попытки внедрения нейросетевых алгоритмов обработки космических снимков с целью выявления изменения состава лесных насаждений, что могло способствовать эффективному выявлению и раскрытию преступлений в сфере лесопромышленного комплекса. Указанная система была разработана компанией NextGIS совместно с Амурским филиалом Фонда дикой природы (WWF России) (признан иноагентом в РФ). Так ими была реализована система с использованием искусственных нейронных сетей и других методов машинного обучения. Сама система представляла собой набор библиотек, а также сервисов, запускаемых из внешних систем, таких как Государственная система оперативного мониторинга лесонарушений «Кедр».

Указанными организациями на территории Хабаровского и Приморского края осуществлялся беспрерывный автоматический мониторинг лесных насаждений, нацеленный на зимний период времени. В рамках указанного мониторинга использовались полученные космоснимки, на которые в дальнейшем накладывалась фильтрация облачности и шумов, после чего снимки проходили медианную фильтрацию, создавалась гармоничная модель (отфильтрованная модель, которая подчеркивает реальные изменения), которая посредством программного обеспечения переводилась в нейросетевую модель, на которую уже были наложены маски рубок.[2]

Однако с марта 2023 года, после включения Фонда дикой природы (WWF России) Минюстом России в реестр иностранных агентов, указанная система мониторинга перестала функционировать.

Что касается нынешней ситуации, то искусственный интеллект по-прежнему пытаются внедрить в систему дистанционного мониторинга лесных насаждений, в частности сервис «Цифровая земля» [8].[3] В настоящее время система только проходит апробацию, но необходимо отметить, что ее использование способствует оперативному раскрытию преступлений, совершенных в рассматриваемой сфере, что прямым образом влияет и на сокращение сроков проведения досудебного производства, неукоснительное соблюдение которых требует УПК РФ[4].

На основании изложенного целесообразно согласиться с А.И. Байхановым в части того, что будущее предупреждения и выявления незаконных рубок стоит за использованием искусственного интеллекта, в связи, с чем целесообразно

---

[1] Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта» 24 ноября 2023 года URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/72811 (дата обращения 26.02.2025).

[2] Система оперативного обнаружения зимних рубок леса по данным дистанционного зондирования. URL: https://nextgis.ru/blog/winter-alarm/ (дата обращения 02.03.2025).

[3] Сервис «Цифровая Земля». URL://https://dgearth.ru/ (дата обращения 02.03.2024).

[4] Нуриев И.Н. Уголовно-процессуальный механизм осуществления досудебного производства в разумный срок: монография / под. ред. А. С. Бахты. М.: Юрлитинформ, 2024. 224 с.

заложить правовую основу его использования, предусмотрев в ст. 90.1 Лесного кодекса РФ возможность обследования лесов с применением технологий основанных на искусственном интеллекте.[1]

Проблема выявления и предотвращения незаконных рубок как социально-экономическая, гуманитарная и управленческая проблема не теряет свою актуальность независимо от геополитической ситуации, уровня жизни, стадии развития национальной экономики в целом или отдельной отрасли.[2] Указанная проблема в своем решении требует комплексного подхода, который должен сочетать в себе согласованные действия правоохранительных органов и контролирующих органов в сфере лесных отношений.

Литература

1. Байханов А.И. О проблемах применения современных технологий в предупреждении незаконной рубки лесных насаждений // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 34–36.

3. Колесникова С.И. Проблемы экономической безопасности: теория и практика: монография. Екатеринбург: УГЛТУ, 2019. 167 с.

4. Нуриев И.Н. Уголовно-процессуальный механизм осуществления досудебного производства в разумный срок: монография / под. ред. А. С. Бахты. М.: Юрлитинформ, 2024. 224 с.

А.А. Лиликин[1], **К.С. Стародубова**[2]

[1,2] Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

К вопросу о неэффективности дознания в сокращенной форме на современном этапе уголовного досудебного производства России

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем эффективности дознания в сокращенной форме в современной российской правовой системе. Рассматриваются исторические аспекты развития данного института, его недостатки, связанные с эклектичностью процессуальных механизмов и несовершенством правового регулирования. Авторы подчеркивают необходимость дифференциации процедуры расследования преступлений и предлагают возможные пути реформирования института дознания в сокращенной форме, включая исключение стадии возбуждения уголовного дела, сокращение сроков расследования и оптимизацию процессуальных действий.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, уголовное судопроизводство,

[1] Байханов А.И. О проблемах применения современных технологий в предупреждении незаконной рубки лесных насаждений // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 36.
[2] Колесникова С.И. Проблемы экономической безопасности: теория и практика: монография. Екатеринбург: УГЛТУ, 2019. С. 8.

процессуальная экономия, дифференциация расследования, протокольная форма.

Необходимость дифференциации процедуры расследования преступления в зависимости от обстоятельств его совершения является насущной необходимостью, поскольку позволяет оптимизировать процесс расследования преступления и соблюсти принцип процессуальной экономии.[1] Следует отметить, что на данный момент принцип процессуальной экономии законодательно в уголовном судопроизводстве закреплён только косвенно. Хотя сам термин, как отмечают А.Н. Агеева и С.Г. Пишина «достаточно часто встречается в судебных актах Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ и Европейского суда по правам человека в контексте различных видов судопроизводства»[2]. А в научных кругах тенденция к выделению данного принципа и закреплению его в качестве одного из основополагающих в судопроизводстве наметилась еще в советский период[3] и остаётся актуальной до настоящего времени[4].

В советской системе судопроизводства с этой целью использовалась протокольная форма подготовки досудебных материалов, применение которой регламентировалось разделом IX Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РСФСР[5]. В 90-е гг. XX века такая форма использовалась достаточно активно. Как отмечает Б.Я. Гаврилов «по данной форме расследования в суд в 1995-1996 гг. ежегодно направлялось до 200-250 тыс. материалов»[6]. Но поскольку протокольная форма подготовки судебных материалов не предусматривала участников уголовного процесса: подозреваемого, потерпевшего, свидетеля и т. д., ее использование с российской системе судопроизводства, реализация которой регламентируется УПК РФ 2001 года[7],

---

[1] Бахта А.С., Нуриев И.Н. О содержании понятия разумного срока предварительного расследования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 2 (39). С. 26–29.

[2] Агеев А.Н., Пишина С.Г. Процессуальная экономия: подходы к определению уголовно-процессуального принципа // Юридическая техника. 2020. №14. С. 75.

[3] См., например, Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права (Система и содержание) // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 20-27; Ференс-Сороцкий А.А. Процессуальный формализм или процессуальная экономия? // Правоведение. 1991. № 4. С. 31-34.

[4] См., например, Поляков М.П., Смолин А.Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Нижний Новгород, 2011. 152 с.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утверждён Верховным Советом РСФСР 27.10.1960. В ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.01.1985 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 5. Ст. 163.

[6] Гаврилов Б.Я. Институт дознания в сокращенной форме: генезис, современное состояние и перспективы совершенствования // Искусство правоведения. The art of law. 2023. № 4 (8). С. 57.

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

оказалось невозможным. В качестве альтернативы был введен институт дознания, предусматривающий сокращённый относительно следствия, срок расследования. А в 2013 году[1] – институт дознание в сокращённой форме.

В научных кругах введение данной процессуальной формы было встречено неоднозначно. Достаточно большой круг ученых оценивал перспективы данного института скептически. Одни считали, что данная форма не обеспечивает должного соблюдения прав и интересов участников производства[2], другие говорили о несвоевременности введения данной формы в практику отечественного судопроизводства[3].

В правоприменительной практике сначала отмечался рост числа уголовных дел, расследованных в сокращенном дознании: максимальный удельный вес таких дел отмечался в 2017 году – 25 %[4]. Однако, в последующие годы отмечается устойчивая отрицательная динамика количества дел, расследуемых в сокращенном дознании и с каждым годом она все более интенсивна: так за период с 2020 по 2022 году количество «направленных в суд уголовных дел, дознание по которым осуществлялось в сокращенной форме, снизилось на 36,1 %: с 71,1 тыс. до 45,4 тыс.»[5].

Более того, анализ уголовных дел, расследованных в сокращенном дознании показывает, что конечная цель: сокращение объемов процессуальной деятельности и сроков расследования не достигается. Причины этого лежат, в первую очередь, в несовершенстве механизмов правовой регламентации реализации данного института.

Во-первых, дознание в сокращенной форме возможно исключительно после возбуждения уголовного дела. В то же время на практике проверка заявления о преступлении может занимать длительное время, вплоть до нескольких месяцев. Результаты анализа архивных уголовных дел, проведённого Б.Я. Гавриловым показывают, что «со времени регистрации заявления (сообщения) о преступления и до момента вынесения судом по уголовному делу итогового решения проходит в среднем 2-3 месяца, а в ряде случаев этот срок доходит и до 5-6 месяцев»[6]. Так, например, по уголовному делу № 11901560046000227,

---

[1] Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

[2] См., например, Качалова О.В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 145.

[3] См., например, Хромова Н.М. Особый порядок для следствия // Российская юстиция. 2014. № 1. С. 59.

[4] Гаврилов Б.Я. Указ. соч. С. 60.

[5] Форма федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании органов внутренних дел» за 2020-2022 г. // ГИАЦ МВД России. URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books&go=check&id=1. Режим доступа: ведомственный доступ.

[6] Гаврилов Б.Я. Указ. соч. С. 59.

возбуждённому по п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ отделом полиции № 6 УМВД России по г. Хабаровску с момента регистрации сообщения о преступлении и до принятия дознавателем решения о возбуждении уголовного дела прошло 38 суток, поскольку неоднократно выносилось процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела. А решение о производстве дознания в сокращенной форме было принято черед месяц после начала расследования[1]. Такое положение дел «препятствует своевременному принятию решения о начале расследования и значительно усложняет первоначальную стадию уголовного судопроизводства, отодвигая тем самым процесс расследования в форме сокращенного дознания от момента обращения потерпевшего за защитой своего нарушенного права»[2].

Во-вторых, ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ дает возможность участникам судопроизводства (подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему или его представителю) ходатайствовать о прекращении производства по уголовному делу в сокращенной форме дознания и продолжении дознания в общем порядке. Причем, это ходатайство может быть подано на любом этапе судопроизводства, даже в том случае если ранее участник судопроизводства давал свое согласие на производство дознания в сокращенной форме и подлежит обязательному удовлетворению. Как справедливо отмечает О.В. Качалова «это изменяет предмет и процесс доказывания в сторону его расширения, увеличивает сроки производства по делу и в конечном итоге нивелирует смысл сокращенного дознания»[3].

В-третьих, в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, объяснения участников процесса признаются доказательствами при расследовании уголовных дел в сокращенной форме дознания, однако формально они не включены в перечень допустимых доказательств. Законодатель предполагает, что упрощение процедуры доказывания в рамках сокращенного дознания способствует уменьшению процессуальных издержек. Однако данная позиция вызывает критику среди специалистов в области процессуального права, которые указывают на риски утраты значимых доказательств и возможное препятствие для объективного установления обстоятельств совершенного преступления.[4]

Таким образом, процессуальный институт дознания в сокращенной форме оказался достаточно эклектичным по своей природе, а правовые механизмы его реализации оказались недостаточно эффективными. В тоже время, большая часть процессуалистов признает необходимость дифференциации расследования преступлений и потому в научных кругах ведется активная дискуссия о вариантах реформирования института дознания в сокращённой форме.

---

[1] Уголовное дело № 11901560046000172 // Архив мирового судебного участка № 4 Железнодорожного района г. Хабаровска за 2019 год.

[2] Гаврилов Б.Я. Указ. соч. С. 59.

[3] Качалова О.В. Указ. соч. С. 146.

[4] Филиппов Д.В. Филиппов Д.В. Сокращенное дознание следует заменить новой формой расследования преступлений – особым порядком досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3. С. 169.

Существуют различные подходы к реализации альтернативных форм сокращенного дознания. Некоторые исследователи в своих предложениях основываются на опыте советского периода, в частности, на практике использования протокольной формы подготовки материалов на досудебной стадии. Например, А.В. Руновский, еще до законодательного закрепления института сокращенного дознания, предлагал внедрить протокольный порядок фиксации обстоятельств преступления. Согласно его концепции, такой протокол должен быть составлен в течение 24 часов с момента поступления информации о преступлении и направлен в суд вместе с иными материалами, подтверждающими виновность подозреваемого.[1]

Б.Я. Гаврилов также выступает за возрождение протокольной формы, но уже в контексте расследования уголовных проступков. Он предлагает ограничить круг следственных действий допросами потерпевшего и подозреваемого. Если подозреваемый признает свою вину, он может быть задержан до 48 часов (или до 72 часов по решению суда). В этот период необходимо оформить материалы дела, направить их прокурору, утвердить протокол и передать его в суд для проведения заседания. Все результаты следственных и процессуальных действий предлагается фиксировать в специально разработанном формализованном бланке протокола.[2]

Проект реформирования института дознания в сокращённой форме, предложенный Договорно-правовым департаментом МВД РФ в целях нивелирования недостатков механизма правового регулирования дознания в сокращенной форме предлагает:

– исключить стадию возбуждения уголовного дела (т.е. дознание в сокращенной форме должно начинаться сразу после поступления заявления, сообщения о преступлении).

– ограничить срок производства 10 сутками, без возможности продления;

– признать доказательствами первоначальные сведения о совершенном преступлении, включая объяснение, заключение специалиста, процессуальные документы в связи с изъятием предметов и документов и т. п.;

– установить ограниченный перечень обязательных следственных действий;

– предусмотреть обязательное участие защитника с момента начала следственных действий.

По окончании расследования уголовное дело направляется прокурору с итоговым обвинительным документом (например, обвинительным протоколом)[3].

---

[1] Руновский А.В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 8.

[2] Гаврилов Б.Я. Указ. соч. С. 65–66.

[3] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» Режим доступа URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Departamenti/

На наш взгляд, предложенный проект федерального закона носит излишне радикальный характер. Мы полагаем, что полное упразднение стадии возбуждения уголовного дела является нецелесообразным, поскольку это может привести к возникновению значительных уголовно-процессуальных проблем. Вместо этого считаем необходимым сосредоточиться на оптимизации данной стадии, что позволит ускорить завершение досудебного разбирательства и сократить сроки рассмотрения уголовных дел.[1]

В заключение проведенного исследования следует подчеркнуть, что проблема эффективности дознания в сокращенной форме является одной из наиболее актуальных и востребованных в практической деятельности. Несмотря на десятилетний опыт реализации данного процессуального института в современной российской правовой системе, его результаты нельзя признать удовлетворительными. Это обусловлено, прежде всего, эклектичностью самого института и недостаточной эффективностью механизмов его правового регулирования, закрепленных в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ). Хотя дознание в сокращенной форме вызывает неоднозначную оценку среди специалистов в области процессуального права, большинство исследователей поддерживают точку зрения о необходимости сохранения данной формы судопроизводства. Мы разделяем эту позицию и полагаем, что наиболее перспективным направлением совершенствования института дознания в сокращенной форме является внесение необходимых изменений в УПК РФ, направленных на оптимизацию механизмов его правового регулирования.

Литература

2. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

3. Агеев А.Н., Пишина С.Г. Процессуальная экономия: подходы к определению уголовно-процессуального принципа // Юридическая техника. 2020. №14. С. 75.

4. Бахта А.С., Нуриев И.Н. О содержании понятия разумного срока предварительного расследования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 2 (39). С. 26–29.

5. Гаврилов Б.Я. Институт дознания в сокращенной форме: генезис, современное состояние и перспективы совершенствования // Искусство правоведения. The art of law. 2023. № 4 (8). С. 57.

Dogovorno_pravovoj_departament/Publikacii_i_vistuplenija/item/3079668/?print=l (дата обращения: 15.10.2025).

[1] Кузнецова С.М., Нуриев И.Н. Право участников уголовного судопроизводства на осуществление проверки сообщения о преступлении в разумный срок // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 3 (48). С. 13–19.

6. Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права (Система и содержание) // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 20-27; Ференс-Сороцкий А.А. Процессуальный формализм или процессуальная экономия? // Правоведение. 1991. № 4. С. 31-34.

7. Качалова О.В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 145.

8. Кузнецова С.М., Нуриев И.Н. Право участников уголовного судопроизводства на осуществление проверки сообщения о преступлении в разумный срок // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 3 (48). С. 13–19.

9. Поляков М.П., Смолин А.Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Нижний Новгород:, 2011. 152 с.

10. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_departament/Publikacii_i_vistuplenija/item/3079668/?print=l.

11. Руновский А.В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 27.

14. Филиппов Д.В. Филиппов Д.В. Сокращенное дознание следует заменить новой формой расследования преступлений – особым порядком досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3. С. 169.

15. Форма федерального стат. наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании органов внутренних дел» за 2020-2022 г. // ГИАЦ МВД России. URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books&go=check&id=1. Режим доступа: ведомственный доступ.

16. Хромова Н.М. Особый порядок для следствия // Российская юстиция. 2014. № 1. С. 56–59. DOI: 10.18572/0131-6761-2014-1-56-59.

А.В. Лунева[1], **Н.Е. Омельяненко**[2], **Ю.А. Попова**[3]

[1,2,3] Российская правовая академия Минюста России, г. Хабаровск

Обеспечение безопасности свидетелей в уголовном процессе

Аннотация. Данная научная статья посвящена проблеме обеспечения безопасности свидетелей в уголовном процессе. Изучается значимость защиты свидетелей как уязвимых участников судебного процесса и анализируются меры, направленные на обеспечение их безопасности. В работе рассматриваются правовые и организационные аспекты защиты свидетелей, включая защиту от угроз и давления. Исследуются практические проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются свидетели в уголовном процессе, а также обсуждаются возможные пути совершенствования механизмов обеспечения их безопасности.

Ключевые слова: свидетель, безопасность, уголовный процесс, защита, угрозы, безопасность свидетелей, права человека, уязвимые группы, судебный процесс.

При осуществлении предварительного расследования уголовных дел и их последующем рассмотрении в судах нередки случаи возникновения крайней необходимости в обеспечении необходимого уровня безопасности свидетелей, защиты их от внешнего влияния, поскольку именно свидетель является наиболее уязвимой фигурой в уголовном процессе, но вместе с этим, именно благодаря свидетелям, которым известны существенные обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и осуществляется процесс доказывания и установления истины по уголовному делу. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность темы, связанной с обеспечением безопасности свидетелей в уголовном процессе и необходимости законодательного усовершенствования указанного института.

Чаще всего обоснованной причиной принятия мер безопасности в отношении свидетелей является наличие подтвержденных оперативных сведений о возникновении реальной угрозы жизни и здоровью, как самих свидетелей, так и их родственников[1]. Упомянутая угроза зачастую возникает в связи с производством предварительного расследования и ценностью информации, которой обладает свидетель, оказание давление, на которого или устранение которого будет негативно влиять на объем доказательственной базы и на ход предварительного расследования или судебного следствия.

Кроме того, внешнее влияние на свидетелей по уголовному делу может осуществляться в виде шантажа или подкупа. И если в вышеупомянутых обстоятельствах и сам свидетель заинтересован в обеспечении своей безопасности, то в этом случае интерес обусловлен не только следственной необходимостью.

Законодательство определяет свидетеля как лицо, обладающее информацией о релевантных для уголовного дела обстоятельствах, и вызванное для дачи показаний (ст. 56 УПК РФ). Данное определение основывается на категории предмета доказывания или обстоятельств, подлежащих доказыванию, перечисленных в ст. 73 УК РФ, формируя материальную основу понятия «свидетель».

Статья 79 УПК РФ разрешает допрос свидетеля по любым обстоятельствам, имеющим отношение к делу. Следовательно, свидетелем может стать любой человек, осведомленный о фактах, указанных в ст. 73 УПК РФ, и готовый поделиться этими «знаниями», дав показания. Об этом пишет Л.Е. Владимиров, указывая, что свидетелем называется лицо, предоставляющее суду информацию, основанную на личном восприятии, о фактах, подлежащих исследованию, и

[1] Маричанова Э.А. Проблемы обеспечения безопасности свидетелей в уголовном судопроизводстве // Проблемы совершенствования российского законодательства. – 2022. – С. 68.

несущее уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний[1].

Первым уголовно-процессуальным инструментом обеспечения безопасности свидетеля является нормативное положение закрепленной в ч. 9 ст. 166 УПК РФ[2], согласно которой, при возникновении необходимости обеспечить безопасность свидетеля должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование имеет право не приводить данные личности свидетеля в протоколе следственного действия. Речь идет о так называемом «засекреченном свидетеле».

Однако в этом случае требуется вынесение отдельного постановления, в котором приводятся причины принятия указанного решения о сохранении в тайне данных о личности свидетеля, указывается его вымышленный псевдоним и приводится образец его подписи. После чего конверт, куда помещается указанное постановление, опечатывается и приобщается к материалам уголовного дела, что само по себе, по мнению законодателя, полностью исключает возможность ознакомления с персональными данными «засекреченного свидетеля» посторонних лиц.

Вместе с тем, фактически указанный конверт, который представляет из себя зачастую обычный почтовый конверт, по месту склейки которого проставлены печати, может быть незаметно открыт без видимых нарушений целостности любым должностным лицом, у которого имеется доступ к уголовному делу, начиная от должностных лиц органа осуществляющего предварительное расследования заканчивая должностными лицами канцелярии суда или иными сотрудниками аппарата суда, в который по подсудности поступило на рассмотрение уголовное дело.

Учитывая особую важность персональных данных «засекреченного» свидетеля, считаем целесообразным перенос указанных данных с бумажного носителя на виртуальный носитель с паролем, который по требованию уполномоченных должностных лиц, в том числе судей, будет им предоставляться должностным лицом, осуществлявшим предварительное расследование.

Особые сложности возникают при осуществлении допроса «засекреченного свидетеля» на стадии судебного следствия, поскольку указанное лицо должно быть незаметно для других лиц доставлено в судебное заседание, что влечет определенные организационные трудности.

«Засекреченный свидетель» помещается в специально оборудованную комнату в здании суда, исключающую визуальный контакт с кем-либо, а доступ в указанную комнату ограничен, председательствующий по делу проникает в указанную комнату единолично и только для установления личности, после чего возвращается в зал судебного заседания.

При дистанционном допросе «засекреченного свидетеля» используется

---

[1] Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула: Автограф, 2000. С. 342.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 249.

система изменения голоса, чтобы участники процесса не могли идентифицировать указанное лицо. Кроме того, у засекреченного свидетеля имеется микрофон и наушники, чтобы он мог слышать указания председательствующего, давать показания и отвечать на вопросы лиц, участвующих в деле. Стоит добавить, что в случаях, когда соблюдаются интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, судебное разбирательство может проводиться в закрытой форме. Также одним из инструментов обеспечения безопасности может выступать возможность допроса свидетеля по видео-конференц-связи (ст. 189.1 (исключение ч. 8 данной статьи), 241.1 УПК РФ).

Вторым уголовно-процессуальным инструментом обеспечения безопасности свидетеля является контроль и запись телефонных и иных переговоров, предусмотренный ч. 2 ст. 186 УПК РФ. Применение данного способа возможно только по письменному заявлению свидетеля, либо на основании судебного решения.

Помимо вышеупомянутых процессуальных возможностей, предусмотренных УПК РФ, существует специальный нормативно-правовой акт – Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[1], в котором предусмотрен обширный перечень инструментов обеспечения безопасности свидетелей.

Указанный перечень не является исчерпывающим, а для реализации положений указанного закона в структуре МВД РФ создана специальная служба по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. То есть органы предварительного следствия и дознания, стремясь обеспечить безопасность свидетелей, могут прибегать к сокрытию их личности, используя более широкие основания, чем предусмотренные в ст. 11 УПК РФ. Однако, учитывая особую значимость свидетельских показаний в уголовном процессе (в отличие от гражданского), сокрытие личности свидетеля должно применяться лишь в исключительных случаях, а в определенных ситуациях быть вовсе недопустимым.

Прежде, чем предлагать изменения процессуальных норм, связанных с безопасностью свидетелей, необходимо подчеркнуть важность открытых свидетельских показаний, исходя из принципа гласности судопроизводства.

В этой связи п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» определяет, что каждый обвиняемый имеет право допрашивать свидетелей обвинения или требовать их допроса, а также вызывать и допрашивать свидетелей защиты на тех же условиях, что и для

[1] Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС КонсультантПлюс.

свидетелей, показывающих против него[1].

С учетом этих положений и в силу ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ, суд не вправе без согласия сторон оглашать показания отсутствующих потерпевшего или свидетеля, воспроизводить видеозаписи следственных действий с их участием и ссылаться на эти доказательства в приговоре, если подсудимому не была предоставлена возможность оспорить их (например, задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения)».

Анализируя позицию Пленума Верховного Суда РФ, важно отметить противопоставление интересов подсудимого (обвиняемого) и интересов безопасности свидетеля. В ситуации, когда невозможно обеспечить безопасность свидетеля, приоритет должен быть отдан правам обвиняемого, как того требует ст. 49 Конституции РФ[2].

Конституционный Суд РФ также подчеркивает, что сомнения в допустимости и достоверности оглашенных показаний должны трактоваться в пользу обвиняемого, в силу ч. 3 ст. 49 Конституции РФ.

В данном контексте оглашение показаний отсутствующих свидетелей можно рассматривать аналогично показаниям свидетелей с сокрытой личностью.

На основании изложенных нами суждений, положений Конституции РФ и УПК РФ, а также толкования этих положений Верховным Судом РФ считаем необходимым внести в ст. 11 УПК РФ следующее дополнение: «Сокрытие личности свидетеля является исключительным случаем и не должно воспрепятствовать установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Обвиняемому (подсудимому) должна быть предоставлена возможность оспорить показания свидетелей, прямо свидетельствующих против него по предъявленному обвинению, при наличии всех данных об их личности. В этом случае, при невозможности обеспечить безопасность свидетеля по уголовному делу, его показания исключаются».

Таким образом, можно сделать вывод, что обеспечение безопасности свидетелей является важнейшей задачей в уголовном процессе, для ее решения требуется дополнительное нормативное регулирование.

Литература

1. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru (дата обращения: 10.04.2024).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 года) [с учетом поправок] // Российская газета. – 1993. – № 237; Российская газета. – 2020. – № 144 (8198).

2. Маричанова Э.А. Проблемы обеспечения безопасности свидетелей в уголовном судопроизводстве // Проблемы совершенствования российского законодательства. 2022. С. 68–69.

А.С. Малиновский
Старший следователь СО по Первомайскому району г. Владивостока
СУ СК России по Приморскому краю, майор юстиции

Актуальные проблемы досудебного производства

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются проблемы досудебного производства на этапах предварительного следствия и проверки сообщения о преступлении. Исследуются проблемы, связанные с общей цифровизации досудебного производства, и отдельных следственных действий в частности, на примере допроса и очной ставки при использовании видео-конференц-связи. Исследуются проблемы при использовании объяснения и данных оперативно-розыскных мероприятий, полученных в ходе доследственной проверки как доказательств по уголовному делу.

Ключевые слова: досудебное производство, доследственная проверка, предварительное следствие, следственные действия.

Досудебное производство является важным элементом современного российского уголовного процесса. Данное обусловлено теми причинами, что именно на этапах досудебного производства следователь или дознаватель осуществляет собирание сведений, которые установят наличие или отсутствие в деянии лица состава преступления. Исходя из данного положения досудебное производство представляет собой основу для дальнейшего судебного производства по уголовному делу. В тоже время при практической реализации положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) следователи и дознаватели сталкиваются с рядом проблем, которые будут освещены в настоящей работе.

Перед тем как преступить к обсуждению проблем досудебного производства, необходимо определиться с основными понятиями. Исходя из положений части второй УПК РФ в целом, и ст. 144 и 150 УПК РФ в частности, досудебное производство – это стадия уголовного процесса, осуществляемого в виде доследственной проверки и предварительного расследования в формах предварительного следствия и дознания. Соответственно, исходя из положений ст. 150 и 151 УПК РФ, предварительное следствие – это форма предварительного расследования, осуществляемый следователя Следственного комитета РФ, ФСБ РФ и МВД РФ, в соответствии с подследственностью, определенной ст. 151 УПК РФ; дознание – форма предварительного расследования, осуществляемая дознавателями МВД РФ, пограничных органов ФСБ РФ, органов принудительного исполнения, органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, следователями Следственного

комитета РФ в соответствии с подследственностью, предусмотренной ст. 151 УПК РФ. В соответствии со ст. ст. 144, 145 УПК РФ доследственную проверку можно определить, как процессуальное мероприятие, направленное на установление обстоятельств, изложенных в сообщении о преступлении, с целью выявления наличия или отсутствия события и состава преступления. В настоящей работе будут рассматриваться актуальные проблемы характерные для доследственной проверки и предварительного следствия.

Рассматривая проблемы свойственные для досудебной стадии уголовного процесса, можно выделить следующие: 1) внедрение новых информационно-коммуникационных технологий в ход предварительного следствия, 2) использование сведений, полученных в ходе проведения доследственной проверки как доказательств в ходе предварительного следствия по уголовному делу.

Проблема внедрения новых технологий в производство предварительного следствия является в настоящее крайне актуальной. Обусловлено это тем, что в настоящее время развиваются различные системы, которые предоставляют сведения из юридических баз данных, таких как «Госулуги», «ГАС “Правосудие”», «Мой Арбитр». В частности в рамках системы «Госуслуг» существует Система межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ), которая, в соответствии п. 2 Положения о единой системе межведомственного электронного взаимодействия, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. N 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (далее – Постановление Правительства РФ «О СМЭВ») , представляет собой федеральную государственную информационную систему, позволяющую участникам взаимодействия осуществлять информационный обмен при помощи технологии взаимодействия информационных систем с использованием унифицированных правил, технологии гарантированной доставки электронных сообщений между информационными системами участников взаимодействия с применением очередей электронных сообщений в соответствии с видами сведений и единого сервиса доступа к данным, а также производить фиксацию фактов движения электронных сообщений в системе взаимодействия. В частности, в п. 4 Приказа Следственного комитета РФ от 20 апреля 2021 г. N 55 «Об утверждении Порядка реализации функций аккредитованного удостоверяющего центра Следственного комитета Российской Федерации и исполнения его обязанностей» упоминает о СМЭВ, и имеется ссылка на Постановление Правительства РФ О «СМЭВ». В тоже время, в настоящий момент массово информационно-коммуникационные технологии для истребования необходимых сведений, к примеру, сведения о судимости или постановки на учет в медицинские организации, оказывающие лечение по направлению «психиатрия» и «наркология», постановки на учет в территориальный военный комиссариат, сведений из налоговых органов и т.д. не применяются, и зачастую следователи должны получать данную информацию лично путем подачи бумажного запроса, что зачастую растягивает производство

по уголовному делу. Данная проблема наиболее актуальна для городских, районных и межрайонных отделов, где подобное программное обеспечение, которое могло бы обеспечить не только межведомственное, но и электронное взаимодействие внутри Следственного комитета РФ, отсутствует.

В тоже время проблем цифровизации касаются не только осуществления межведомственного взаимодействия, но также связана с реализацией отдельных следственных действий. В настоящее время в рамках УПК РФ была введена ст. 189.1, которая предусматривает проведение допросов и очных ставок при помощи использования государственной системы видео-конференц-связи. В тоже время, в настоящее время имеются определенные пробелы, которые в настоящее время не устранены. Так в работе Тепляковой О.А. «Актуальные проблемы проведения допроса и очной ставки путем использования систем видео-конферец-связи» 2023 года обозначен такой пробел как время производства следственного действия с использованием видео-конференц-связи при учете разницы во времени между регионами России. «Так, ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ предусмотрено, что в протоколе указывается время производства следственного действия по месту не только его составления, но и нахождения допрашиваемого лица. Территория Российской Федерации охватывает 11 часовых поясов, в связи с чем между следователем или дознавателем, которым поручено производство предварительного расследования, и следователем (дознавателем) по месту нахождения допрашиваемого лица в ходе производства допроса посредством видеоконференцсвязи могут возникать проблемы соблюдения ч. 3 ст. 164 УПК РФ, в соответствии с которой производство следственного действия в ночное время не допускается. Данная ситуация в нормах ст. 189.1 УПК РФ не урегулирована». В тоже время также не был разрешен и ряд иных вопросов, связанных с видео-конференц-связью, такие как возможность его применения в иностранных государствах, в случае если одно из лиц находится на территории России, а иное – за ее пределами, а также возможность каким-либо иным образом осуществить видео-конференц-связь помимо использования государственных систем.

Если рассматривать возможность разрешения указанный проблем, то проблема общей цифровизации возможна только при активном взаимодействии государственных органов, как Министерства цифрового развития связи и массовой коммуникации, так и следственных органов, для дальнейшего внедрения систем доступа к ускоренному получению ответов на запрос. Если же касаться следственных действий с применением информационно-коммуникационных технологий, то требуется их дальнейшая регламентация. Если же рассматривать применение видео-конференц-связи, то видится, что было бы необходимо разрешить следователям использовать любые системы видео-конференц-связи, не только государственные, поскольку в настоящее время сервисы, представляющие услугу видео звонка с последующего его записью, являются весьма распространенными. Если же касаться вопроса о времени производства следственных действий при помощи видео-конференц-связи, если один из участников находится в зоне ночного времени, то

предлагается выяснение того, желает ли он участвовать в следственном действии, посредством получения пометки в протоколе или при отдельном заявлении о том, что лицо не возражает против проведения данного следственного действия в ночное время по местному времени.

Если рассматривать вопрос о сведениях, получаемых при объяснениях и оперативно-розыскных мероприятий в рамках материалов доследственной проверки, то они имеют важное значение для уголовного дела. Объяснение и материалы оперативно-розыскной деятельности источником информации по поводу обстоятельств произошедшего в рамках материала доследственной проверки, и они рассматриваются при возбуждении уголовного дела, или же при отказе в возбуждении. В тоже время, объяснение и материалы оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ не входят в перечень доказательств напрямую несмотря на то, что косвенное их и можно включить в перечень «иных документов». В тоже время в рамках ст. 144 УПК РФ следователь имеет право проводить осмотры места происшествия, документов, предметов, трупов, а также освидетельствование, то есть отдельные следственные действия, которые будут считаться доказательствами случае возбуждения уголовного дела. В тоже время объяснение хоть и содержит в себе сведения, которые имеют значение для уголовного дела, тем не менее не урегулировано как процессуальное действие. «Нельзя не отметить, что законодатель, признав объяснение процессуальным действием, а полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения, позволил использовать в качестве доказательства, не установил регламент данного действия, а именно, каким (в процессуальном смысле) должен быть документ, в котором следует фиксировать объяснения; требуется ли наличие в документе обязательных реквизитов, либо их вообще не требуется и т.п.». В тоже время в объяснениях могут содержаться сведения, которые важны для следствия, но вступают в противоречия с показаниями, которые дают лица в настоящее время, либо получение этих сведений, которые ранее были сообщены в объяснение невозможно в силу позиции лица, либо в силу иных объективных обстоятельств, к примеру смерть лица, который ранее давал показания. На практике зачастую объяснения легализуются через допросы лиц, которые первоначально брали его, либо противоречия между объяснением и показаниями лица, полученные в ходе допросов, выясняются по ходу допроса. Видится, что нужен был бы механизм в рамках УПК РФ, который позволил бы рассматривать объяснение как вещественное доказательство, так как подобное фиксировало бы показания как свершившийся факт, что она была получена в по ходу уголовного дела, но не отменяло бы такие следственные действия как допрос или очная ставка. Если же рассматривать материалы оперативно-розыскных мероприятий, то их бы следовало бы рассматривать как иные документы, что было бы необходимо закрепить в УПК РФ. В тое время, закрепление материала оперативно-розыскных мероприятий не отменяло бы возможность дальнейшего осмотра этих материалов с целью его анализа следователем и выявлением взаимосвязи

между ранее полученными сведениями и информацией, полученной по ходу следствия.

В настоящее время рассмотренные проблемы являются важными, и необходимо искать решение посредство улучшения уголовно-процессуального законодательство, которое было бы основывалось на практике, и позволило бы упростить и ускорить процесс доказывания по уголовному делу.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (редакция от 28 февраля 2025 г.). Доступ из справочно-правовой системы «Гарант»;

2. Положение о единой системе межведомственного электронного взаимодействия, утвержденного Постановление Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия». Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

3. Теплякова О.А. «Актуальные проблемы проведения допроса и очной ставки путем использования систем видео-конферец-связи» // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 1 (36). С. 30–34.

4. Мамедов О.Я. Объяснение в системе доказательств по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2.

О.А. Мартынова

Российский государственный университет правосудия,

Дальневосточный филиал имени В.М. Лебедева

Особенности применения домашнего ареста в законодательстве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ

Аннотация. Автор анализирует зарубежный опыт применения меры процессуального принуждения «домашний арест» в странах Западной Европы, США и странах СНГ, проводит сравнительный анализ правовых норм, регламентирующих меру пресечения в виде домашнего ареста, выявляет положительные моменты регламентации рассматриваемой меры пресечения в законодательстве зарубежных стран, на основании которых формулирует положения по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, касающихся применения данной меры пресечения.

Ключевые слова: мера процессуального принуждения, мера пресечения, домашний арест, зарубежный опыт.

С момента введения меры пресечения в виде домашнего ареста в российском уголовном процессе неоднократно учеными-процессуалистами высказывалась

точка зрения о том, что домашний арест был введен в России по образцу зарубежных стран[1]. Данное суждение аргументировалось прежде всего тем, что введение домашнего ареста в России связано с историческими изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве, которое стало адаптироваться к международным стандартам. В свою очередь, страны Западной Европы и США уже применяли домашний арест как альтернативу лишению свободы, что способствовало его внедрению в российское правоприменение.

Противоположная теория о «самобытности» данной меры в России основывается на историческом обосновании - эта мера применяется в России с 1632 года и была законодательно закреплена в 1832 году в Своде законов Российской империи, а, соответственно, утверждение о заимствовании некорректно, поскольку «домашний арест» имеет давнюю историю в России.

И все же, не вдаваясь в полемику, отметим, что в целях повышения эффективности применения домашнего ареста в Российской Федерации, совершенствования его правового регулирования целесообразно обратиться к опыту зарубежных стран в сфере применения указанной меры принуждения.

В большинстве зарубежных юрисдикций домашний арест используется как мера наказания, что позволяет суду назначать его в качестве альтернативы лишению свободы для осужденных.

В России же домашний арест применяется исключительно как мера пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых, что ограничивает его использование и не позволяет рассматривать его как часть уголовного наказания. Это различие может отражать разные подходы к правосудию и реабилитации, а также различные исторические и культурные контексты. Важно учитывать, что такая практика в России может быть связана с необходимостью обеспечения следственных действий и предотвращения уклонения от правосудия.

В США и Европе домашний арест успешно применяется с 1983 года, что позволило накопить богатый опыт его реализации[2]. Так, в США осужденным, находящимся под домашним арестом, строго запрещается употребление спиртных напитков и наркотических веществ. Это правило является важным элементом контроля за поведением осужденного и направлено на предотвращение возможных нарушений условий ареста. В случае, если осужденный нарушает этот запрет более двух раз, он немедленно переводится в тюремное заключение, что подчеркивает серьезность и строгость таких мер.

Возможность покидать свое жилище во время отбывания домашнего ареста определяется судом и зависит от установленного уровня строгости условий

---

[1] См., напр.: Жиляев Р.М., Первозванский В.Б., Медведева И.Н. О некоторых проблемах избрания судами меры пресечения в виде домашнего ареста и путях их решения //Российская юстиция. 2013. № 11. С. 52; Макарова С.А. Мера пресечения в виде домашнего ареста: проблемы теории и практики применения // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013 и др.

[2] Михалевская Е.П. Сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства по применению меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник науки. 2024. № 7 (76). С. 249–254.

ареста. В США существуют три уровня строгости, каждый из которых имеет свои особенности и ограничения.

Первый уровень строгости позволяет арестанту находиться дома в определенное время, в остальное время он может выходить на улицу, что создает некоторую степень свободы, позволяя осужденному выполнять повседневные дела вне дома. Второй уровень строгости предоставляет больше возможностей – арестант может выходить на работу, учебу, к адвокату и в другие места, но только по судебному указу, что означает, что суд определяет, когда и куда арестант может выходить, что обеспечивает контроль над его действиями. Третий уровень строгости является самым строгим и требует постоянного нахождения арестанта дома. В этом случае разрешается покидать жилище только для посещения лечебных учреждений, судебных органов и мероприятий, указанных в приказе суда. Данное ограничение направлено на максимальное соблюдение условий ареста и минимизацию риска правонарушения. В США домашний арест подразумевает ограничения на перемещение, общение и доступ к интернету. Контроль осуществляется с помощью электронных устройств, посещений полицейских и алкотестеров с камерой.

Система электронного мониторинга в США охватывает не только тех, кто находится под домашним арестом, но и условно осужденных, а также лиц, которые были досрочно освобождены после совершения тяжких преступлений. Расширение применения электронного мониторинга направлено на обеспечение общественной безопасности и контроль за поведением осужденных, что позволяет снизить риск повторных правонарушений.

В домах осужденных устанавливаются алкотестеры с камерами, которые требуют от них дунуть в трубку для проверки на наличие алкоголя в организме. Этот процесс не только обеспечивает контроль за употреблением спиртных напитков, но и служит дополнительным средством наблюдения. Когда осужденный дует в трубку, камера фиксирует его изображение, а полученные фотографии отправляются сотрудникам полиции.

Применение домашнего ареста в США является эффективным методом, который не только способствует улучшению условий для осужденных, но и значительно снижает финансовые затраты на пенитенциарную систему. Одним из ключевых преимуществ этого подхода является использование электронного мониторинга, который обходится в семь раз дешевле, чем содержание заключенных в тюрьме. Более того, в США сам осужденный платит за услуги, связанные с электронным мониторингом. Такая же практика прослеживается и в европейских странах (Германия, Франция, Австрия и др.).

По данным исследований, перевод всего лишь 10% осужденных на электронный мониторинг позволил США сэкономить около 4 миллиардов долларов[1]. Эти средства могут быть перераспределены на другие важные социальные нужды, такие как образование, здравоохранение и программы

[1] Дворянсков И.В. Об учете зарубежного опыта применения технических средств контроля за осужденными (на примере США) // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 1. С. 59–61.

реабилитации, что в свою очередь может способствовать снижению уровня преступности и улучшению общественной безопасности. Кроме того, домашний арест с использованием электронного мониторинга позволяет осужденным сохранять связь с семьей и обществом, что положительно сказывается на их реабилитации.

Домашний арест в европейских странах используется в различных ипостасях, что позволяет ему выполнять несколько функций в системе уголовного правосудия. Во-первых, он применяется как мера пресечения; во-вторых, домашний арест может выступать как самостоятельная мера наказания для осужденных; в-третьих, кроме того, домашний арест также используется как мера воздействия на условно осужденных.

Так, в ФРГ домашний арест применяется в качестве уголовного наказания[1], и одним из ключевых аспектов является то, что применение этого наказания возможно только при наличии согласия самого осужденного. Кроме того, осужденный, согласившийся на домашний арест, имеет определенные обязанности, которые он должен выполнять на протяжении всего срока отбывания наказания. В частности, ему предписывается заниматься общественно полезным трудом минимум 20 часов в неделю. Эта мера направлена на то, чтобы осужденный активно участвовал в жизни общества, что может способствовать его социальной реабилитации.

Таким образом, сочетание согласия осужденного и обязательного выполнения общественно полезного труда создает уникальную модель домашнего ареста в Германии.

В других европейских странах, таких как Франция, Швейцария, Швеция, Великобритания и др.[2], домашний арест используется в качестве уголовного наказания, а во Франции еще и как мера пресечения наряду с судебным контролем и заключением под стражу[3]. Аналогично практике США, правоохранители используют систему электронного мониторинга. Можно выделить уникальность применения домашнего ареста во Франции, где осужденный может свободно посещать общественные места, работу и т.д., однако обязан быть в вечернее время дома с определенного времени, при это его могут обязать к посещению полицейского участка в выходные дни. В Великобритании домашний арест может быть применен и к несовершеннолетним лицам с 10-летнего возраста в качестве меры наказания.

---

[1] Кравчук Л.С. О применении домашнего ареста с использованием электронных средств контроля в зарубежных странах (из опыта Федеративной Республики Германия и Австрии) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 4. С. 91–99.

[2] Харзинова В. М. Особенности применения домашнего ареста в уголовном процессе зарубежных стран // Право и управление. 2022. № 11. С. 213–217.

[3] Дьяченко А.П. Домашний арест как инструмент реализации уголовной политики (сравнительный анализ законодательного опыта России и зарубежных государств) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3. С. 107–122.

В соответствии с Уголовно-процессуальным законом Латвийской Республики домашний арест является мерой пресечения, применяемой к подозреваемому или обвиняемому до вступления в силу окончательного судебного решения по делу. При этом условием его применения является наличие оснований для заключения под стражу, однако вследствие конкретных обстоятельств содержание лица в местах лишения свободы оказывается невозможным или нежелательным. В отличие от традиционного заключения под стражу, домашний арест предполагает ограничение свободы с пребыванием лица на его постоянном месте жительства, при условии согласия всех совершеннолетних членов семьи или иных лиц, проживающих совместно с обвиняемым. При отсутствии такого согласия данная мера пресечения становится недопустимой, и суд обязан принять решение о применении иной меры пресечения.

Дополнительно, в рамках данной меры могут быть установлены разнообразные ограничения, аналогичные тем, что применяются к лицам, находящимся в местах лишения свободы. Такие ограничения могут касаться запретов на общение с определенными лицами, ограничений в доступе к средствам связи и интернету, а также в плане перемещения. Контроль за соблюдением условий домашнего ареста осуществляется в том же порядке, как и в случае с заключением под стражу, включая возможное привлечение правоохранительных органов для проведения регулярных проверок.

Вместе с тем система домашнего ареста порождает вопросы, касающиеся необходимости получения согласия от всех дееспособных лиц, проживающих с обвиняемым. Отсутствие такого согласия фактически лишает возможности применения домашнего ареста в существующих условиях, что вызывает необходимость пересмотра законодательства с целью оптимизации этого процесса. В частности, в УПК Российской Федерации следовало бы ввести норму, требующую обязательного согласия всех совершеннолетних дееспособных лиц, проживающих с подозреваемым или обвиняемым, для применения данной меры пресечения. Введение подобной нормы могло бы способствовать улучшению прозрачности судебного процесса и укреплению правовой защиты всех участников уголовного судопроизводства.

Интересным представляется опыт применения домашнего ареста в Китае.

Отметим, что в КНР домашний арест не применяется, так как не регламентирован законом[1]. По аналогии с домашним арестом применяется наблюдение за осужденным по месту жительства и личное поручительство. Осуществляют эти мероприятия полицейские. Данная мера может быть применена и к подозреваемым (обвиняемым), что говорит о данных мерах не только как о наказаниях, но и как о мерах пресечения. В КНР законодатель строго относится к преступлениям совершенные чиновниками. Если чиновник является опозориваемым или обвиняемым, то он помещается в гостиницу под специальную охрану, что также напоминает домашний арест по своей сущности.

[1] Перевозчиков М. Л. Сравнительно-правовая характеристика мер пресечения в России и Китае // Вестник науки. 2023. № 6 (63). С. 587–607.

Также обратим внимание на применение домашнего ареста в некоторых странах СНГ и на модельный УПК стран СНГ. В России, Азербайджане[1] и Казахстане[2] домашний арест назначается только судом. В Молдове[3] домашний арест может быть назначен судьей по уголовному преследованию или судебной инстанцией, а в Кыргызстане - следователем, прокурором или судом.

В России, Белоруссии[4] и Казахстане домашний арест может быть назначен по ходатайству обвинения, в Азербайджане - по ходатайству защиты. В модельном УПК стран СНГ[5] право применения домашнего ареста предоставлено прокурору. В модельном УПК стран СНГ также определено, в отношении кого может быть применен домашний арест - исключительно к обвиняемому. Напротив в вышеуказанных странах СНГ домашний арест применяется и к подозреваемому, а в Таджикистане[6] - и к подсудимому.

Стоит выделить особенность российской нормы (ст. 107 УПК РФ), которая позволяет лицу, находящемуся под домашним арестом, пользоваться средствами связи для вызова, например, спасателей или скорой помощи. Подобного положения в УПК вышеуказанных стран СНГ не прослеживается, как и в модельном УПК.

Таким образом, западные государства используют домашний арест в качестве уголовного наказания, применение которого сопряжено с использованием новейших электронных средств слежения и строгой отчетностью осужденного полиции. Такая практика применения домашнего ареста эффективно показала себя в США, снизив нагрузку на пенитенциарную систему. Возможно, российскому законодателю стоит переосмыслить сущность домашнего ареста и определить его также в качестве уголовного наказания, а из перечня уголовных наказаний исключить арест, так как фактически данное наказание не применяется за отсутствием арестных домов в России, что в свою очередь также

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.03.2024 г.) // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 2000. № 8.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.09.2024 г.) // Казахстанская правда. 2014. 10 июля. № 133 (27754).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.07.2024 г.) // Официальный монитор Республики Молдова. 2003. 7 июня. № 104-110/44.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.01.2024 г.) // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. 25 августа. № 28–29. Ст. 433.

[5] Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (приложение). 1996. № 10.

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения 10.03.2025).

разгрузит российские тюрьмы, не посредством строительства новых, а путем оптимизации законодательства.

Литература

1. Дворянсков И.В. Об учете зарубежного опыта применения технических средств контроля за осужденными (на примере США) // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 1. С. 59–61.
2. Дьяченко А.П. Домашний арест как инструмент реализации уголовной политики (сравнительный анализ законодательного опыта России и зарубежных государств) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3. С. 107–122.
3. Кравчук Л.С. О применении домашнего ареста с использованием электронных средств контроля в зарубежных странах (из опыта Федеративной Республики Германия и Австрии) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 4. С. 91–99.
4. Михалевская Е.П. Сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства по применению меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник науки. 2024. № 7 (76). С. 249–254.
5. Перевозчиков М.Л. Сравнительно-правовая характеристика мер пресечения в России и Китае // Вестник науки. 2023. № 6 (63). С. 587–607.
6. Харзинова В. М. Особенности применения домашнего ареста в уголовном процессе зарубежных стран // Право и управление. 2022. № 11. С. 213–217.

К.А. Новгородов
СУ СК России по Забайкальскому краю

Проверка показаний на месте. Вопросы тактического характера. Ошибки, совершаемые следователями при производстве проверки

Аннотация. Проверка показаний на месте — это отдельное и сложное следственное действие, заключающееся в воспроизведении допрашиваемым лицом, по инициативе следователя, своих показаний непосредственно на территории, связанной с преступлением, будь то само место происшествия или территория, используемая для подготовки или сокрытия преступления. Целью такой процедуры является установление сходства или различий в показаниях, касающихся обстоятельств самого преступления. Основанием для её проведения служит наличие особенностей на местности, которые могут быть сопоставимы с проверяемыми показаниями. Статья рассматривает основные аспекты оснований и видов проверки показаний на месте, а также нормативные требования к порядку её осуществления, рассматриваются

некоторые вопросы, связанные с причинами ошибок в организации и тактике проверки показаний на месте.

Ключевые слова: проверка показаний на месте, подготовка, тактика, действия следователя, доказательства, допрашиваемый, показания, обстановка преступления.

Хотя российское законодательство не содержит детальной регламентации действий следователей во время проверки показаний на месте, практика выработала определённые подходы и формы документации, используемые при выполнении этой процедуры. Например, проверяемое лицо может помочь следствию найти следы преступления, предметы, находящиеся на месте и обладающие доказательственной ценностью, или указать на объекты, упомянутые в его предыдущих показаниях. Обнаружение таких объектов подтверждает правдивость показаний. Кроме того, в ходе проверки фиксируется детализация обстановки преступления и сравнение её состояния на момент происшествия с текущей ситуацией. Допрашиваемый также может обратить внимание на новые элементы обстановки, отсутствовавшие ранее, но зафиксированные в материалах дела, что свидетельствует о его осведомлённости о событии преступления[1]. Различные основания для проверки показаний формируют классификацию, включая разделение на проверку на открытом пространстве и в помещениях, а также первичные, повторные и дополнительные проверки. Знание следователем особенностей места проверки позволяет разделить такие мероприятия на те, что проводятся на известных местах, и те, что требуют дополнительного изучения[2]. Проверка показаний необходима, когда имеющиеся показания нуждаются в оценке на предмет соответствия реальности, особенно если требуются дополнительные данные для анализа. Однако данная процедура не предназначена исключительно для подтверждения правильности уже собранной информации. Она также помогает выявить случаи самооговора.

Основная задача проверки заключается в установлении достоверности или недостоверности показаний путём их сравнения с реальной обстановкой места происшествия. Исследователи подчёркивают, что такая проверка важна не только для проверки, но и для уточнения показаний. Согласно положениям, ст. 194 УПК РФ, показания могут уточняться и перепроверяться в полном объёме, соблюдая необходимые правовые нормы. Для достижения максимальной эффективности важно разработать чёткий план проведения проверки[3]. Перед началом проверки следователь обязан допросить обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего, чтобы выяснить подробности места предстоящего мероприятия, а также характеристики и маршрут движения. Только после получения добровольного согласия допрашиваемого, можно приступать к

[1] Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М.: Юридическая литература, 2018. С. 73–88.

[2] Гвилия Д. М., Юдин Н. М. Новые представления о сущности проверки показаний на месте: ст. 194 УПК РФ // Российский следователь. 2017. № 4. С. 13–15

[3] Уголовный процесс: учебник / Под ред. В. П. Божьева. М.: ООО «ТК Велби», 2002. С.56–75.

проверке. Подготовка включает выбор подходящего времени для проверки, обеспечение ориентации всех участников на местности и предотвращение возможных попыток побега. В некоторых случаях могут потребоваться меры предосторожности для сохранения конфиденциальности. Перед началом проверки важно удостовериться в готовности технических средств и провести инструктаж всех участников[1]. Во время самой проверки важно соблюдать ряд процессуальных норм. Во-первых, допрашиваемому предоставляется свобода действий: именно он должен указывать маршрут до места проверки, а любые вмешательства со стороны следователя или понятых считаются нарушением. Использование приёмов, стимулирующих ассоциации, допустимо, но инициатива всегда остаётся за допрашиваемым. Следователь имеет право останавливать ход проверки для фиксации происходящего и постановки уточняющих вопросов[2]. Во-вторых, проверка проводится индивидуально с каждым участником, чтобы избежать влияния посторонних лиц. Присутствие понятых обеспечивает объективность процесса. Наконец, проверяемое лицо должно давать объяснения, демонстрировать действия и показывать ключевые моменты преступления. Все выявленные противоречия фиксируются и уточняются. Ошибки, допущенные при осмотре мест и предметов, могут привести к утрате важных доказательств, что делает осмотр обязательным элементом процедуры. Постоянное наблюдение за поведением допрашиваемого помогает следователю сделать выводы о степени уверенности последнего, его эмоциональном состоянии и мотивах дачи показаний. Эти наблюдения важны для формирования версий следствия и определения дальнейших направлений расследования. Они также помогают предотвратить побег или взаимодействие между участниками дела, а также обнаруживать новые улики.

При этом следует обратить внимание на некоторые подготовительные мероприятия, которые в последующем могут причиной серьезных ошибок.

1. Согласно законодательству, следователь не обязан повторно допрашивать лицо перед проверкой его показаний, и такая мера не всегда нужна. Например, после задержания лицо даёт показания, и следователь оперативно организует проверку, действуя «по горячим следам». Однако бывают ситуации, когда проверка становится необходимой значительно позже первоначального допроса (например, когда первоначально возможность проверки не предусматривалась, но появилась новая информация, или открылись дополнительные обстоятельства). В таких случаях целесообразно провести дополнительный допрос подозреваемого (обвиняемого) для подтверждения ранее данных показаний, получения более полных сведений о происшествии и оформления его добровольного согласия на участие в процедуре. Как правило, следователь ограничивается устным вопросом о том, всё ли участник помнит, и, доверяя своему опыту, принимает решение о проверке.

---

[1] Степанов В. В. Правовая природа и направления совершенствования проверки показаний на месте // Государство и право. 2021. № 12, С. 74–80

[2] Тактика следственных действий: Учебное пособие /Под ред. В. И. Комиссарова. Саратов, 2020. С. 151–154.

2. Тщательное изучение личности подозреваемого (обвиняемого), чьи показания проверяются. «Прежде всего, нужно, - отмечает В.Л. Васильев, - чтобы следователь хорошо изучил психологию центральной фигуры следственного действия – лица, чьи показания проверяются. Это поможет в налаживании необходимого психологического контакта, даст возможность избежать ненужных конфликтов и получить в ходе проверки максимум необходимых доказательств»[1]. Исследование личности человека, чьи показания предстоит проверить на месте, помогает следователю ответить на ключевой вопрос: что движет допрашиваемым, когда он соглашается добровольно участвовать в проверке? Помимо искреннего желания содействовать расследованию, мотивы могут включать: а) попытку запутать следствие ложной информацией, предоставленной на месте; б) стремление наладить контакт с соучастниками; в) желание совершить побег; г) намерение уничтожить оставшиеся незамеченными следы преступления на месте происшествия. Примеры такого поведения встречаются в практике.

3. Подбор специалистов, которые будут использовать различную криминалистическую технику, а также вести фото- и видеосъемку. Часто проверка показаний на месте предполагает проведение поисковых мероприятий, изъятие, фиксацию и упаковку различных вещественных доказательств, что требует применения специальной криминалистической техники и участия компетентных специалистов. Однако на этапе планирования следственного действия многие следователи пренебрегают тщательным подбором специалистов, не уделяют должного внимания их квалификации и опыту, передавая им техническую сторону проверки без контроля. Это часто приводит к процессуальным и криминалистическим ошибкам при работе с техникой и материальными объектами. Особое внимание стоит уделить специалисту, ответственному за видеосъёмку, убедившись в его способности качественно зафиксировать данное следственное действие. Иначе существует риск получить некачественные видеоматериалы, несмотря на грамотно проведённую проверку.

Таким образом, правильно организованная проверка показаний на месте позволяет следователю выбрать оптимальную стратегию, решить сложные организационные задачи и упростить дальнейшее расследование.

Литература

4. Гвилия Д. М., Юдин Н. М. Новые представления о сущности проверки показаний на месте: ст. 194 УПК РФ // Российский следователь. 2017. № 4. С. 13–15.

5. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М.: Юридическая литература, 2018. С. 73–88.

6. Сомова К. А. Основания и виды проверки показаний на месте. Процессуальный порядок производства проверки показаний на месте // Молодой ученый. 2016. № 28 (132). С. 694–697.

[1] Васильев В.Л. Юридическая психология. 3-е изд. М.: Питер, 2000. С. 506.

7. Степанов В. В. Правовая природа и направления совершенствования проверки показаний на месте // Государство и право. 2021. № 12, С. 74–80.
8. Тактика следственных действий: Учебное пособие /Под ред. В. И. Комиссарова. Саратов, 2020. С. 151–154.
9. Васильев В.Л. Юридическая психология. 3-е изд. М.: Питер, 2000. С. 506.

Т.В. Осипова
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
Хабаровский филиал

Проблемы, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий

(по материалам круглого стола «Проблемы осуществления процессуального контроля и пути их устранения», состоявшегося 22.01.2025в Хабаровском филиале Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева)

Аннотация. В статье обозначены проблемы, которые возникают у следователей при расследовании преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, а также с использованием криптовалюты и биткоинов. Также предлагаются пути решения этих проблем.

Ключевые слова*:* Информационно-телекоммуникационные технологии, преступления, криптовалюта, биткоины.

В настоящее время развитие информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ) получило широкое распространение. За последние годы преступления в указанной сфере вышли в отдельную категорию.

В 2024 году в следственные подразделения следственного управления по Республике Бурятия поступило 349 (АППГ 362) сообщения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, из них по 282 (АППГ 295) - приняты решения о возбуждении уголовного дела, в 57 (АППГ 53) случаях отказано в возбуждении уголовного дела, по 10 (АППГ 7) - приняты решения о передаче по подследственности.

В порядке ст. 221 УПК РФ прокурору направлено 98 (АППГ 97) уголовных дел, в суд направлено - 99 (АППГ 101), по подследственности передано - 12 (АППГ 9) дел[1]. На сегодняшний день расследование преступлений в сфере ИТТ, по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ не вызывает сложностей, как это было до 2022 года.

Если есть преступление, то лицо производящее расследование обязано

[1] Статистические сведения СУ СК РФ по Республике Бурятия, г. Улан-Удэ, 2024 // Ведомственный доступ.

установить виновность лица его совершившего.[1]

К наиболее распространенным составам преступлений, подследственных Следственному комитету Российской Федерации, можно отнести п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, совершенные несовершеннолетними.

Основной трудностью при расследовании уголовных дел о таких преступлениях у следователей является определение места совершения преступления.

В большинстве случаев, при первоначальной информации о преступлении, таким местом преступления является местонахождение самого банка или его филиала, где открыт счет.

Разъяснение были внесены Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 38 от 15.12.2022 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам», который внес изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», а также в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30.11.2017 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Согласно названного постановления местом совершения преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ «Кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» является место совершения лицом действий, направленных на незаконное изъятие денежных средств.

Однако в отдельную категорию необходимо отнести преступления, совершенные в сфере незаконного оборота наркотических средств и против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

При расследовании уголовных дел против половой неприкосновенности и против половой свободы с использованием ИТТ, имеются трудности определения, связанные с определением места совершения преступления, в условиях, когда обвиняемый, находясь на территории иного субъекта Российской Федерации или субъекта органа, расследующего уголовное дело, при совершении преступления в отношении несовершеннолетней с использованием ИТТ, перемещается по административным районам. При этом регистрация «выхода» в сеть абонентского номера обвиняемого осуществляется базовой станцией сотовой компании, которая может обслуживать несколько административных районов, что негативно отражается на качестве следствия, поскольку зачастую определение места положения абонента путем анализа детализации с указанием вышек сотовой связи не позволяет определить точное его место положения, а дает лишь представление о примерной территории пребывания абонента, протяжённость которой может варьироваться от сотни метров до нескольких десятков километров, в зависимости от технологии работы

[1] Ким Е.П., Костенко К.А., Осипова Т.В. К вопросу о правовых последствиях отказа в возбуждении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям // Российский следователь. 2015 № 11. С. 26–27.

сети, ландшафта, застройки и прочих факторов.

При таких обстоятельствах в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством местом совершения преступления является тот административный район, на территории которого находился обвиняемый в момент совершения преступления. Однако при расследовании уголовных дел местом производства следствия определяется тот субъект, на территории которого находятся потерпевшие, законные представители, большинство свидетелей, что не снимает обязанности со следователя выезжать на место совершения преступления и проводить необходимые следственные действия в ином субъекте.

Даже при установлении обвиняемого, который совершая преступления в отношении потерпевшей, находящейся на территории субъекта, расследующего уголовное дело, при проведении следственных действия (исследование технических средств обвиняемого), следователем могут устанавливаться потерпевшие в иных субъектах, в отношении которых обвиняемый совершал аналогичные преступления. В данном случае действия обвиняемого могут квалифицироваться по признакам преступления предусмотренного ч. 3 ст. 135 УК РФ (совершенные в отношении двух и более лиц). При таких обстоятельствах у следствия возникают обоснованные трудности в определении подследственности.

В качестве примера можно привести уголовное дело возбужденное следственным отделом по Октябрьскому району г. Улан-Удэ по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, по факту совершения иных действий сексуального характера с использованием беспомощного состояния малолетней М.

В ходе предварительного расследования установлено, что в неустановленном следствием месте и время (по времени Республики Бурятия), обвиняемый С., находясь у себя дома по адресу: Республика Тыва, п. Дзержинский, ул. Ленина, д. 1, кв. 1 (*адреса изменены*), и иных точно не установленных следствием местах в зоне действия базовых станций № XXXX, расположенной на расстоянии 30 метров в юго-восточном направлении от дома № 25 по ул. Ленина п. Дзержинский Республики Тыва (диапазон около 1800 метров), и № XXXXX, расположенной по адресу: Республика Тыва, п. Дзержинский, ул. Лесная, д. 7 (диапазон около 2600 метров), направил малолетней М., сообщения сексуального характера, и путем уговоров склонил ее изготовить и отправить ему фото и видеоизображения своих половых органов.

Своими умышленными действиями обвиняемый С. совершил преступление, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

При расследовании настоящего уголовного дела следователем осуществлялся выезд на территорию иного субъекта для проведения следственных действий и технических мероприятий, которые заняли длительное время, и не дали более конкретного места нахождения обвиняемого в момент совершения преступления, а лишь диапазон.

Указанное связанно с техническими возможностями сотовых компаний,

которые могут покрывать большую территорию при увеличении количества вышек приема сигналов, что будет влиять на качество следствия.

Кроме того, к проблеме, влияющей на развитие ситуации в указанной сфере можно отнести преступления, совершаемые бесконтактным сбытом наркотиков через сложные структуры преступных групп, с тщательно продуманными элементами конспирации. Организованные преступные группы состоят из узкоспециализированных подразделений, сформированных по функциональному признаку.

Зачастую оперативными подразделениями пресекается преступная деятельность низших звеньев - закладчиков, реже «фасовщиков», когда как установить кураторов, вербовщиков и организаторов крайне сложно.

Изложенное напрямую связанно с невозможностью получения доступа к переписке участников организованных групп в интернет-мессенджере «Телеграмм», с проблемами при получении конфиденциальной информации о переписке фигурантов уголовных дел в социальных сетях, их телефонных соединениях, сведениях IP-адресов, интернет - трафике.

В это связи, с целью получения информации о преступных группах, распространяющих наркотические средства, необходимо ориентировать следователей на незамедлительное изъятие телефонов иных технических средств, в которых могут содержаться сведения о переписке исполнителя с куратором и иными лицами, в том числе в интернет-мессенджере «Телеграмм». Перед осмотром телефона предлагается получать судебные решения и проводить следственное действие с участием специалиста.

Так, в производстве следственного управления находилось уголовное дело по обвинению 4 лиц в совершении преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, по факту незаконных сбытов за денежные средства наркотических средств синтетического происхождения на территории г. Улан-Удэ (24 эпизода), и по факту совершения преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств, приобретенных в результате совершения преступлений).

Настоящее уголовное дело возбуждено на основании представленных результатов оперативно-розыскной деятельности.

В ходе следствия установлено, что на протяжении 3 лет организованная преступная группа в составе: 4 лиц, действуя с иными неустановленными лицами, с использованием сети «Интернет» сбывали и намеревались сбыть на территории г. Улан-Удэ наркотические средства в значительном, крупном и особо крупном размерах.

Указанные лица создали электронный кошелек для хранения криптовалюты, выполнения различных операций с криптовалютами и для получения криптовалюты - биткоинов за распространение наркотических средств.

Обвиняемый К. после перечисления ему цифровой валюты в виде криптовалюты, полученных в результате совершения им преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, используя сайт обменного пункта электронных денег, с помощью сотового телефона, совершил неоднократные

финансовые операции по переводу поступивших денежных средств после конвертации на свой банковский счет, открытый в банке ПАО «Сбербанк»[1].

Уголовное дело направлено в Советский районный суд г. Улан-Удэ Республики Бурятия для рассмотрения по существу, с вынесением обвинительного приговора. В ходе расследования уголовного дела не удалось установить организаторов распространения наркотических средств. К уголовной ответственности привлечены распространители.

Кроме того, с учетом имеющихся трудностей при расследовании уголовных дел исследуемой категории, автор считает, что имеется необходимость нормативно-правового закрепления сроков предоставления операторами связи необходимой правоохранительным органам информации, определения порядка соответствующего взаимодействия.

В некоторых случаях, следователи по запросам и на основании судебных решений получают у операторов связи сведения о принадлежности абонентских номеров, сведения о телефонных соединениях абонентов в срок свыше 1 месяца, при этом операторы сотовой связи не принимает запросы в электронной форме и факсимильной связью, что негативно влияет на разумные сроки расследования уголовных дел.

При взаимодействии с организаторами распространения информации и иными провайдерами интернет-услуг, следователи представляют судебные решения о получении сведений из социальных сетей, в то же время исполнение этих решений занимает длительное время. Например, для получения сведений из социальной сети «ВКонтакте» следователи-криминалисты командируются в г. Санкт-Петербург, г. Москва для их изъятия.

При взаимодействии с операторами связи, организаторами распространения информации и иными провайдерами интернет-услуг, полагаем, что необходимо нормативно-правовое закрепление сроков исполнения запросов следователей и судов с возможностью их направления в электронном формате.

Литература

1. Ким Е.П., Костенко К.А., Осипова Т.В. К вопросу о правовых последствиях отказа в возбуждении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям // Российский следователь. 2015 № 11. С. 26–27.

2. Контрольное производство по уголовному делу (Архив СУ СК РФ по Бурятия 2024 г.). Ведомственный доступ.

3. Статистические сведения СУ СК РФ по Республике Бурятия, г. Улан-Удэ // 2024. Ведомственный доступ.

[1] Контрольное производство по уголовному делу (Архив СУ СК РФ по Бурятия, 2024). Ведомственный доступ.

Т.В. Осипова
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
Хабаровский филиал

Осуществление процессуального контроля за расследованием коррупционных преступлений в сферах государственных закупок, ЖКХ, автодорожного хозяйства и здравоохранения. Проблемы, возникающие в процессе расследования и пути их разрешения

(по материалам круглого стола «Проблемы осуществления процессуального контроля и пути их устранения», состоявшегося 22.01.2025 в Хабаровском филиале Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева)

Аннотация. В статье рассматриваются сложности расследования коррупционных преступлений, связанных с хищением бюджетных денежных средств при исполнении государственных и муниципальных контрактов, в сферах ЖКХ, закупок, автодорожного хозяйства. Автор приводит алгоритм осуществления процессуального контроля за расследованием дел названной категории.

Ключевые слова: коррупционные преступления, законность, процессуальный контроль, оперативно-разыскная деятельность.

Расследование коррупционных преступлений в сферах государственных закупок, ЖКХ, автодорожного хозяйства и здравоохранения остается одним из приоритетных направлений работы следственных органов, которое не теряет актуальности на протяжении последних лет.

Следственным управлением Следственного комитета России по Приморскому краю, как и Следственным комитетом в целом принимаются комплексные меры к совершенствованию расследования уголовных дел данной категории и процессуального контроля за их расследованием.

О наступательности работы правоохранительных органов в названном направлении свидетельствуют статистические сведения, которые показывают рост поступающих сообщений о преступлениях коррупционной направленности, числа возбужденных, находящихся в производстве и оконченных производством коррупционных уголовных дел.

На протяжении последних трех лет основной массив коррупционных уголовных дел (около 80%) расследуется по фактам взяточничества, при этом деятельность следственного управления по расследованию мелкого взяточничества сведена к минимуму, что обусловлено ориентированностью на выявление сложных коррупционных схем и борьбу с наиболее опасными коррупционными проявлениями.

Практика процессуального контроля за расследованием уголовных дел о

коррупционных преступлениях показала, что от обвиняемых и их защитников в адрес следственных органов и прокуратуры поступает большое количество жалоб и ходатайств о нарушении их конституционных прав по следующим блокам вопросов:

1. Законность возбуждения уголовных дел и привлечения к уголовной ответственности;

2. Законность применения меры пресечения в виде заключения под стражу;

3. Законность наложения ареста на имущество.

Указанные вопросы требуют особо тщательного процессуального контроля.

1. Проведенный анализ законности уголовного преследования лиц за совершение коррупционных преступлений в сферах ЖКХ, закупок, автодорожного хозяйства показал, что значительно усложняет выявление и расследование преступлений данной категории их латентность, совершение с применением мер конспирации, а также специфика субъекта преступления (должностные лица, обладающие высокими профессиональными навыками).

В данном ключе нельзя не отметить, что важную роль в борьбе с коррупционной преступностью играет проведение оперативно-розыскной деятельности, поскольку следственным путем выявить преступления указанной направленности практически невозможно. Доказательственная база по уголовным делам о коррупционных преступлениях, основанная на хороших оперативных позициях, влечет значительное сокращение сроков расследования уголовного дела и гарантирует успешное окончание расследования.

Расследование коррупционных преступлений, связанных с хищением бюджетных денежных средств при исполнении государственных и муниципальных контрактов, в сферах ЖКХ, закупок, автодорожного хозяйства значительно осложнено их выявлением спустя долгое время после совершения. Своевременное выявление нарушений в проектно-сметной документации, в части определения объемов работ и цены контракта, проверка соблюдения процедур заключения и исполнения контрактов воспрепятствует созданию условий для совершения преступлений.

При осуществлении процессуального контроля за расследованием уголовных дел анализируемой категории необходимо уделять особое внимание законности их возбуждения: законности проведенных ОРМ и предоставленных результатов ОРД, достаточности собранных первичных данных для вывода о том, что имело место не нарушение норм гражданского права, влекущее гражданско-правовую, дисциплинарную либо административную ответственность, а именно уголовно-наказуемое деяние, полноте доказательств наличия корыстного мотива.

2. В части второго обозначенного автором вопроса необходимо, для достижения целей уголовного судопроизводства пресечь возможность подозреваемых (обвиняемых) скрыться от органов следствия, воспользоваться личными и рабочими связями для оказания давления на участников уголовного судопроизводства и уничтожения следов преступления, в связи с чем, следователи ходатайствуют об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Факты отказа судов в удовлетворении ходатайств следователей об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовным делам коррупционной направленности довольно редки, однако при осуществлении процессуального контроля за расследованием уголовных дел обозначенной мной категории необходимо обращать внимание на нижеизложенные обстоятельства, чтобы не допустить необоснованного содержания лиц под стражей.

В качестве причин отказа судом в удовлетворении ходатайств следователей об избрании меры пресечения в виде заключения судебных решениях указано на их немотивированность, не представление суду доказательств наличия обстоятельств, позволяющих избрать меру пресечения в виде заключения под стражу, представление в суд документов (справок, рапортов и т.д.) в обосновании изложенных в ходатайстве доводов, полученных от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, содержащих не проверенные следственным органом сведения.

Кроме того, принятие судами решений об отказе в удовлетворении ходатайств следователей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу способствовало не своевременное принятие следователями решений о возбуждении уголовных дел.

Основной причиной длительного содержания лиц под стражей и продления процессуальных сроков является расследование уголовных дел, представляющих особую сложность, в основной массе относящихся к тяжким и особо тяжким преступлениям. К таким причинам относится длительное выполнение требований ст. 217 УПК РФ[1], в связи с чем, следственным управлением активно реализуются полномочия по обращению в суд с ходатайствами об установлении времени ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела.

3. Что касается вопроса о законности наложения ареста на имущество, следует отметить, что минимизация последствий коррупционных преступлений является важной составляющей борьбы с коррупционной преступностью.

Прокуратурой Приморского края также делается серьезный акцент на необходимости проведения такой работы, а неполнота проведенных следственных действий является основанием для внесения мер прокурорского реагирования.

Сложностью является оформление принадлежащего обвиняемым имущества на родственников, третьих лиц, подконтрольных и аффилированных юридических лиц.

Для повышения эффективности работы по возмещению ущерба, причиненного преступлениями, следственным управлением приняты следующие меры:

- результаты оперативно-разыскной деятельности органами дознания предоставляются вместе со справкой об имущественном положении фигурантов

[1] Вилкова Т.Ю. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Практикум: учебное пособие для вузов / Т. Ю. Вилкова, Т. Ю. Маркова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. 623 с.

для обеспечения возможности оперативно решить вопрос о наложении на него ареста;

- по уголовным делам о преступлениях экономической направленности, совершенных руководителями организаций, активно используются полномочия по наложению ареста на имущество самих организаций, как работодателей, несущих материальную ответственность за действия своих работников.

В истекшем 2024 году издан приказ и.о. руководителя следственного управления № 25 от 25.07.2024 «Об организации предварительного следствия и ведомственного контроля в следственном управлении», регламентирующий конкретные меры, направленные на усиление процессуального контроля при расследовании уголовных дел экономической и коррупционной направленности.

Литература

1. Вилкова Т.Ю. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Практикум: учебное пособие для вузов / Т. Ю. Вилкова, Т. Ю. Маркова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2024. 623 с.

Н.В. Османова
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Функция уголовного преследования: ее содержание и значение

Аннотация. Анализируются содержание и значение функции уголовного преследования, конструкция определения исследуемой категории в уголовно-процессуальном законе, характерная для состязательного процесса. В статье представлен подход к определению функции уголовного преследования сквозь призму анализа оснований реабилитации, под которыми понимаются решения и процессуальные действия, связанные с обвинением и подозрением. Делается вывод, представляющий интерес для дальнейших научных разработок и получения новых знаний о системе функций в уголовно-процессуальном праве.

Ключевые слова: уголовное преследование, подозрение, обвинение, функции уголовно-процессуального права, функция защиты, функции разрешения уголовного дела, изобличение лица.

Уголовное преследование является одной из функций уголовно-процессуального права, определяющей направление деятельности участников уголовного судопроизводства стороны обвинения, включающей в себя в зависимости от стадии уголовного судопроизводства функции подозрения и обвинения.

В уголовно-процессуальном законе заложены ключевые аспекты определения уголовного преследования:

– уголовное преследование – это процессуальная деятельность;

– уголовное преследование осуществляется стороной обвинения;

– цель уголовного преследования – изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В теории уголовного процесса под функциями принято понимать направления деятельности участников уголовного процесса. В основе модели уголовного судопроизводства, нашедшей отражение в современном уголовно-процессуальном законе, законодателем заложена триада уголовно-процессуальных функций: защиты, обвинения и разрешения уголовного дела.

Представленная конструкция в первую очередь характерна для состязательного процесса, имеет общий вид и служит основой для дальнейших научных разработок и получения новых знаний о системе функций в уголовно-процессуальном праве. В соответствии с ч. 3 ст. 123 Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. В уголовно-процессуальном законе это конституционное предписание нашло отражение в положениях ч. 2 ст. 15 УПК РФ, устанавливающих, что «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга».

Равно как законодатель разделил судебную, законодательную и исполнительную ветви власти, закрепив самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, так и функции, закрепленные в ст. 15 УПК РФ, направленные на один и тот же предмет, но вместе с тем отличные друг от друга, отражают законодательную идею – раскрыть функциональную сторону модели состязательности. Содержание принципа состязательности в уголовном процессе раскрывает основополагающие правила реализации указанной триады функций: 1) недопустимость возложения на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо исполнения более одной из указанных функции; 3) суд не относится к органам уголовного преследования, не может выступать на стороне обвинения или на стороне защиты; 4) суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав; 5) стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Значение разделения уголовно-процессуальных функций также заключается в обеспечении запрета соединения в одном лице трех функций.

Вместе с тем, согласно позиции Конституционного Суда РФ по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм положения ч. 2 ст. 15 УПК не исключают необходимость использования прокурором, следователем, дознавателем в процессе уголовного преследования всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Осуществление указанными лицами своей процессуальной функции именно в таком объеме, гарантируемое особым процессуальным статусом и полномочиями прокурора, следователя … обеспечивает в рамках уголовного судопроизводства выполнение

государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, их обеспечению правосудием[1].

Несмотря на внимание законодателя к функциям уголовно-процессуального права и их разновидности, вопросы определения функций в уголовном судопроизводстве и ее системы остаются дискуссионными.

В науке уголовного процесса также единый подход к определению уголовно-процессуальных функций, их перечня, количества и классификации отсутствует. Указанное способствовало возникновению вопросов: каково соотношение уголовно-процессуальных функций обвинения и уголовного преследования, если обвинение – это функция, то является ли функцией уголовное преследование; при выделении в отдельную функцию уголовного преследования, возможно ли одновременное выделение функции обвинения; является ли уголовное преследование аналогом судебного преследования и др. Определение места и значения института уголовного преследования в уголовном судопроизводстве представляется нам возможным через познание уголовно-процессуальных функций отдельных правовых норм, институтов и возникающих при их реализации правоотношений. Правильное понимание природы процессуальных функций, места в них уголовного преследования важно для определения системы всего уголовного судопроизводства, его назначения и эффективности как в целом, так и отдельных его институтов. В философских словарях под функцией (лат. functio — исполнение, совершение) понимается: 1) отношение между элементами, при котором изменение в одном элементе влечёт изменение в другом[2]; 2) деятельность, обязанность, работа; внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений; 3) назначение, роль, которую выполняет определенная часть системы по отношению к целому.

В теории государства и права под функцией права понимаются основные направления правового воздействия на поведение, сознание людей. При этом объектом такого воздействия являются общественные отношения. М.И. Байтин полагает, что «функции права непосредственно связаны с действием права, с практической реализацией его свойств официально-властного регулятора отношений между людьми, его ролью и местом в структуре правовой системы общества»[3].

Законодательное закрепление триады уголовно-процессуальных функций сформировали устойчивое мнение в науке уголовного процесса о системе

---

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.05.2025).

[2] Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Под ред. Э.Л. Радлова. СПб. 1911. С. 263.

[3] Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 167.

уголовно-процессуальных функций, определившее формирование двух противоположных подходов к их пониманию и определению.

Одни ученые-процессуалисты консервативно признают лишь три функции, связанные с основными направлениями деятельности стороны защиты, стороны обвинения и суда. Другие – дополняют этот перечень иными функциями, по-разному обосновывая систему построения предлагаемой ими функциональной модели уголовного судопроизводства. Сегодня количество выделяемых в уголовно-процессуальном праве функций исчисляется несколькими десятками.

Сегодня можно говорить о том, что следователь выполняет функцию предварительного расследования, прокурор – функцию прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, руководитель следственного органа, начальник органа дознания – функцию процессуального контроля, частный обвинитель – функцию обвинения, гражданский истец – функцию поддержания гражданского иска и т.д. Указанные субъекты относятся к стороне обвинения, и каждый из них выполняет определенную функцию или несколько функций. Помимо предварительного расследования следователь осуществляет проверку сообщения о преступлении, а в целом его деятельность на этапе возбуждения уголовного дела и предварительного расследования нацелена на установление обстоятельств совершенного преступления, посредством собирания, проверки и оценки доказательств. В свою очередь, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию (в случае их достаточности), позволяют сделать предварительный вывод о факте совершения преступления и причастности конкретного лица к его совершению, а в дальнейшем оформить соответствующее решение составлением процессуального документа (протокол задержания, постановление об избрании меры пресечения, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительный акт, обвинительное постановление, обвинительное заключение и др.). В случае уведомления дознавателем лица о подозрении в совершении преступления либо предъявления следователем лицу обвинения реализуется функция соответственно подозрения и обвинения. Все вышеперечисленные функции участников стороны обвинения, объединенные единством цели, а именно изобличением лица в совершении преступления, в совокупности составляют одну общую функцию – функцию уголовного преследования.

В стремлении ограничить количество уголовно-процессуальных функции, опасаясь неоправданного расширения перечня уголовно-процессуальных функций, Ф.М. Ягофаровым признается, что уголовно-процессуальная функция должна представлять собой направление деятельности группы участников[1].

Помимо направления деятельности группы участников функции участников уголовного судопроизводства определяются дополнительно в зависимости от стадии уголовного судопроизводства. Например, на судебной стадии прокурору не свойственно выполнение функции прокурорского надзора – на смену этой

[1] Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург. 2003. С. 11–40.

функции приходит функция уголовного преследования, а именно функция поддержания обвинения; следователем, дознавателем, руководителем следственного органа, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания функция уголовного преследования осуществляется на досудебной стадии уголовного судопроизводства, причем содержание функции будет отличаться на этапе возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

В определении функций уголовно-процессуального права представляет интерес позиция А.М. Ларина, рассматривавшего функцию уголовного преследования, с одной стороны, как противоположную функции защиты, а с другой, – как взаимообусловленную функцией защиты[1]. Данное утверждение видится нам справедливым и логичным ввиду того, что противоположная уголовному преследования функция защиты возникает ровно в тот момент, когда стороной обвинения сообщается лицу о его причастности к совершению преступления. Сегодня такое уведомление о причастности выражается в форме подозрения и обвинения на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, что следует из положений ч. 3 ст. 49 УПК РФ. О правильности подхода, позволяющего объединить подозрение и обвинение в одну родовую функцию уголовного преследования, свидетельствует анализ положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих основания реабилитации. К таким основаниям среди прочих относятся: прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого при наличии оснований, указанных в ч. 2 ст. 133 УПК, прекращение уголовного преследования в отношении подсудимого ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения, полная или частичная отмена обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела в отношении подсудимого. Реабилитация лица, необоснованно подвергшегося уголовному преследованию, как и обязанность осуществления уголовного преследования, относится к назначению уголовного судопроизводства. Исходя из анализа правового регламентирования института реабилитации следует, что на государство возложена обязанность принятия мер по восстановлению нарушенных прав и свобод лица и возмещению причиненного ему вреда ввиду именно уголовного преследования, под которым законодатель в ч. 2 ст. 133 УПК РФ понимает решения и процессуальные действия, связанные как с обвинением, так и с подозрением. На порядок производства по уголовному делу в форме дознания существенно повлияло введение порядка уведомления лица о подозрении в совершении преступления. Как ранее, до принятия Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ, так и после его вступления в силу, цели и функции уголовного преследования остались неизменными, в то время как функция подозрения значительно видоизменилась и приобрела черты функции обвинения, равно как и институт подозрения относительно института обвинения. В отсутствие функций подозрения и обвинения, входящих в содержание

[1] Ларин А.М. Процессуальные гарантии и функция уголовного преследования // Советское государство и право. 1975. № 7. С. 96–97.

функции уголовного преследования, остальные процессуальные функции не могут быть реализованы. Таким образом, уголовное преследование представляет деятельность органов и лиц, имеющую своей целью предание лица, совершившего преступление, суду посредством изобличения лица и поддержания обвинения против данного лица.

Литература

1. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков): монография. 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005. 544 с.
2. Ларин А.М. Процессуальные гарантии и функция уголовного преследования // Советское государство и право. 1975. № 7. С. 95–103.
3. Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2003. 149 с.

Н.В. Подгорная
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Современный терроризм: понятие и виды

Аннотация: в статье представлен анализ различных подходов к определению понятия терроризма: этимологическое, теоретическое и нормативно-правовое толкование термина «терроризм». Выделяются и раскрываются сущность, содержание и формы проявления терроризма на современном этапе. Рассмотрены отличительные признаки терроризма как преступного деяния. Представленный анализ видов терроризма.
Ключевые слова: терроризм, уголовный закон, виды терроризма, признаки терроризма, террористический акт.

Борьба с терроризмом, одна из наиболее актуальных проблем современного общества, которая имеет давнюю историю. Очевидно, что сегодня терроризм стал одной из главных угроз национальной безопасности Российской Федерации и международного сообщества в целом.

Противодействие терроризму остается актуальной и критически важной задачей для Российской Федерации по ряду причин.

Во-первых, безопасность граждан – один из ключевых приоритетов для правительств и органов безопасности. Террористические акты могут привести к гибели и травмам множества невинных людей, и защита их жизни и безопасности остается важной задачей.

Во-вторых, терроризм имеет международную форму, и он не ограничивается границами одной страны, и террористические организации могут функционировать в разных частях мира посредством своих участников.

В-третьих, угроза терроризма постоянно эволюционирует. Террористы

используют новые технологии и тактики, более опасное оружие, в том числе массового поражения, что делает борьбу с ними более сложной. Примерами являются кибертерроризм, использование дронов и радикализация в сети.

В-четвертых, террористические акты могут угрожать политической стабильности и национальной безопасности, способствуют образованию паники в обществе, разжигают межэтнические или межрелигиозные конфликты и даже подрывают легитимность правительства.

В-пятых, терроризм имеет экономические последствия. Террористические акты могут нанести значительный ущерб экономике, привести к сокращению инвестиций, туризма и торговли, что может иметь долгосрочные негативные последствия для страны.

Одним из основных аспектов изучения терроризма как явления и преступлений террористической направленности является понятийный аппарат. Изучение научной литературы показало, что существуют определенные трудности в определении понятия терроризм. Как указывает А.С. Комиссаров, указанные трудности обусловлены тем, что терроризм является многогранным явлением, охватывающим общеуголовные, политические, религиозные и национальные аспекты общественной жизни и проявляющимся в разнообразных формах[1]. И.В. Задорожная, указывает, что главная проблема определения терроризма заключается в его постоянной изменчивости, выражающейся в возникновении все новых форм террористической деятельности[2].

Рассмотрим различные подходы определения такого явления как терроризм.

Понятие терроризм происходит от латинского слова *terror* что означает «страх», «ужас». Зарождение термина «терроризм» связывают с французской революцией 1793 г., проходившей под следующим лозунгом: *Que la terreur soit a lordre du jour!* (Да будет террор в порядке дня!)[3].

Этимологическое толкование рассматриваемого термина определяется как: «Устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения»[4].

По мнению П.А. Сельцовского терроризм можно определить как «действия, совершаемые публично и направленные на устрашение населения в целях оказания влияния на принятие какого-либо решения или отказ от него»[5].

---

[1] Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1997. С. 28-29.

[2] Задорожная И.В. Криминологическая характеристика терроризма в системе современного преступного насилия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 34.

[3] Макуев Р.Х. Терроризм в условиях глобализации // Государство и право. 2014. № 3. С. 43.

[4] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2004. С. 779.

[5] Сельцовский П.Л. Современный терроризм: вызовы и ответы в условиях России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2015. С. 26.

Л.А. Моджорян[1] и ряд других авторов[2] в качестве характерной черты терроризма выделяют «политическую сущность».

Другие авторы, расширяют понятие терроризма и помимо политической направленности включают другие мотивы. Так Г.М. Миньковский и В.П. Ревин, отмечают: «…понятие терроризма помимо политической направленности охватывает и деяния с такой мотивацией, как корысть, месть, экономическая конкуренция, иррациональная мотивация психически больных»[3].

Более широко трактует понятие терроризм А.А. Кириченко. Он выделяет следующие признаки: общественная опасность деяния, его не легитимность в глазах общества, анонимность действий при подготовке акций и широкая огласка их совершения и их результатов, наличие, присущего акциям терроризма, характера принуждения власти к действиям или бездействию и устрашения населения[4].

В российском законодательстве термин «терроризм» имеет более узкий смысл, который отличается от международной практики по борьбе с этим явлением. Например, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма включает в понятие терроризма такие действия, как незаконные акты, направленные против безопасности гражданской авиации, преступления, связанные с использованием взрывчатых веществ, гранат, ракет, автоматического стрелкового оружия или отправку заминированных писем и посылок, если такое использование представляет угрозу для жизней людей, и захват воздушных судов.

Более детальное определение термина «терроризм» можно найти в Федеральном законе «О противодействии терроризму», принятого 6 марта 2006 года № 35-ФЗ. В статье 3 терроризм описывается как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решений государственными и местными органами власти или международными организациями, которые сопровождаются угрозой населению и/или иными незаконными насильственными актами»[5].

Основываясь на понимании современного терроризма как жесточайшей формы насилия, следует выделить его основные сущностные признаки.

В юридической литературе, выделяют следующие отличительные признаки терроризма как преступного деяния[6]:

1. Терроризм порождает высокую степень общественной опасности,

---

[1] Моджорян Л.Л. Терроризм: правда и вымысел. М., 1986. С. 32.

[2] Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социо-политический анализ. М., 2015. С. 53.

[3] Миньковский Г.М., Ревин В.П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. 2016. № 8. С. 84.

[4] Кириченко А.А. К вопросу о понятии терроризма // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 32. С. 105.

[5] О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ: ред. от 10.07. 2023. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

[6] Петрищев В.Е. Заметки о терроризме: монография. М.: Издательство Юрайт. 2021. С. 175.

возникающую в результате совершения действий или угрозы действиями, которые представляют угрозу обществу в целом.

2. Терроризм имеет публичный характер, отличаясь от других преступлений, которые часто совершаются скрытно, оставаясь неизвестными широкой общественности. Терроризм, как правило, сопровождается открытым предъявлением требований.

3. Одной из характерных черт терроризма является намеренное создание атмосферы страха и напряженности. Эта атмосфера оказывает социально-психологическое воздействие на других, вынуждая их предпринимать определенные действия в интересах террористов или принимать их условия.

4. Терроризм включает в себя применение общеопасного насилия в отношении лиц или имущества, при этом психологическое воздействие направлено на склонение других лиц (чаще всего государственных органов) к определенному поведению, но не непосредственно на потерпевших.

5. Определённые политические цели.

Рассматривая этот вопрос, Ю.С. Горбунов указал, что «вся террористическая практика свидетельствует, что терроризм с момента своего образования является именно политическим явлением. Как только в терроризме исчезает политическая мотивация, этот вид насилия перестает быть терроризмом. Когда совершаются преступления, не связанные с воздействием на органы власти в целях управления поведения этих органов, то данные деяния будут образовывать иные составы преступлений, например, убийство, шантаж, похищение или другие преступления, связанные с получением экономической или иной выгоды или совершенные из чувства мести или личной неприязни»[1].

Стоит отметить, что данный перечень не является исчерпывающим, но, на наш взгляд, имеет определенное методологическое значение для понимания феномена современного терроризма и смыслового отграничения его от иных насильственных посягательств на конституционный строй, других противозаконных, насильственных антисоциальных явлений.

Закон описывает теракт как совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на устрашение населения и создание опасности для человеческих жизней с целью дестабилизации деятельности органов власти. Однако, несмотря на подобные действия, правоохранительные органы не всегда классифицируют такие действия как террористические акты в случае, если ни одна террористическая организация не принимала на себя ответственность за эти события[2]. Как подчеркивает С.М. Кочои, «определение масштабов любого социального явления есть обязательное условие успешного регулирования динамики, тенденций его развития. В отношении экстремизма и терроризма, ввиду их особой опасности для государства и общества, знания такого рода приобретают особую значимость. В то же время государство, которой взяло на

[1] Горбунов Ю.С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» // Журнал Российского права. 2010. № 2. С. 40.

[2] Абдулагатов З.М. Современный экстремизм и терроризм: состояние и проблемы противодействия: монография. Махачкала: Эпоха, 2019. С. 65.

себя основное бремя антитеррористической, антиэкстремистской деятельности, до сих пор не имеет полной картины явлений»[1].

Обобщая обсуждение общего понятия терроризма, можно заключить, что терроризм представляет собой сложное явление, которое включает в себя ряд характеристик и признаков. Этот вид преступной деятельности характеризуется высокой степенью общественной опасности, открытым характером и наличием явного публичного предъявления требований.

В широком смысле терроризм понимается как использование насилия, угрозы насилием или других форм давления с целью достижения политических, идеологических, религиозных или социальных целей. Террористические действия могут включать в себя акты насилия, нападения, взрывы, захваты заложников, а также другие формы насильственных акций, которые могут привести к угрозе жизни и безопасности людей.

Терроризм может проявляться в различных формах и контекстах, включая политический, националистический, религиозный, экстремистский и другие аспекты. Важно отметить, что терроризм является международной проблемой и требует совместных усилий стран и международных организаций для противодействия ему и предотвращения угроз.

Анализ различных точек зрения позволяет заключить, что в современной литературе существуют три основные точки зрения на общественно-политическое явление, известное как терроризм: социально-политическая, правовая и психологическая.

Согласно первой точке зрения, терроризм рассматривается как один из методов политической борьбы. Суть этого метода заключается в использовании крайних мер насилия или угроз такого рода с целью достижения различных политических целей. Это может включать в себя устранение политических оппонентов, вынуждение властей принимать определенные меры или отказ от определенных политических действий. Практически это проявляется в форме шантажа государственных и политических деятелей, актов терроризма, убийств, захвата заложников, нарушения транспортных средств и других насильственных акций[2].

Политическая природа терроризма проявляется в том, что он нацелен на подрыв государственной системы с целью воздействия на регулирование общественно-политических процессов. Это может привести к увеличению влияния неконституционных структур, так как терроризм ослабляет функции государства. Такие действия могут создавать нестабильность в обществе и вызывать недовольство граждан, которые теряют доверие к государству как к институту, предназначенному для защиты их интересов и обеспечения безопасности[3].

---

[1] Кочои С.М. Антитеррористическое законодательство и практика его применения: уголовно-правовая характеристика: учебное пособие. М.: Проспект, 2018. С. 102.

[2] Безверхов А.Г. О некоторых вопросах квалификации преступлений террористической направленности // Уголовное право. 2013. № 1. С. 40.

[3] Безниско М.О. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика терроризма // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С. 132.

В юридической литературе терроризм рассматривается как форма спорных действий, подпадающих под уголовное преследование. Это означает, что террористическая деятельность считается противоправной и подлежит юридическому преследованию.

С другой стороны, в психологической литературе террористическая деятельность часто описывается как деятельность отдельных лиц или групп с неадекватной реакцией на текущие события в стране или в мире. Она также может быть связана с этническими или другими психологическими установками, которые могут повлиять на поведение и мотивацию террористов[1].

Современная литература разделяет государственный терроризм и оппозиционный терроризм, выделяя между ними важные различия. Государственный терроризм характеризуется использованием открытого насилия со стороны правящей элиты, которая опирается на силовые структуры государства для проведения репрессий. Это означает, что государство само использует насилие как средство контроля и подавления оппозиции.

В то время как оппозиционный терроризм представляет собой насилие или запугивание, применяемое оппозиционными группами с целью контроля над режимом как инструмента политической борьбы. Он чаще всего проявляется через отдельные террористические акты, такие как убийства государственных деятелей, взрывы в общественных местах, захват заложников и так далее. Этот вид терроризма призван оказать давление на правительство и добиться изменений в политике или власти.

Политический терроризм – это форма насилия, используемая для достижения политических целей.

Экспертами выделяются следующие направления в современной террористической деятельности[2]:

– социальный терроризм, который связан с попыткой изменения конституционного строя или экономических порядков в стране и включает в себя как полное, так и частичное изменение структуры правления и экономической системы;

– националистический терроризм, а именно организации этносепаратистской направленности, которые используют националистический терроризм для борьбы против экономического и политического давления со стороны иностранных государств и монополий. Целью такого терроризма является ликвидация иностранного вмешательства и обеспечение независимости;

– религиозный терроризм представляет собой крайние формы борьбы между сторонниками различных религий или религиозных сект. Обычно его целью является подорвать секулярную власть и установить религиозные принципы как основу управления.

Представленный анализ понятия и видов терроризма позволяет заключить, что

---

[1] Боровинков В.Н. Психологические и криминологические основы террористической деятельности // Уголовное право. 2016. № 4. С. 251.

[2] Рарог А.И. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. М.: Норма. 2001. С. 123.

важной чертой терроризма является создание обстановки страха и напряженности в обществе, что оказывает социально-психологическое воздействие на граждан и органы власти. Террористические акты включают в себя применение общеопасного насилия и направлены на достижение определенных политических целей.

В Российской Федерации под терроризмом понимают идеологию насилия и практику воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Понимание этих характеристик и признаков терроризма является важным элементом для борьбы с этим явлением. Правоохранительным органам и законодателям необходимо учитывать эти особенности при разработке мер по противодействию терроризму, чтобы обеспечить безопасность общества и предотвратить террористические акты.

Литература

1. Абдулагатов З.М. Современный экстремизм и терроризм: состояние и проблемы противодействия: монография. Махачкала, 2019.
2. Безверхов А.Г. О некоторых вопросах квалификации преступлений террористической направленности // Уголовное право. 2013. № 1. С. 40.
3. Безниско М.О. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика терроризма // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С. 132.
4. Боровинков В.Н. Психологические и криминологические основы террористической деятельности // Уголовное право. 2016. № 4. С. 251.
5. Горбунов Ю.С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» // Журнал Российского права. 2010. № 2. С. 40.
6. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социо-политический анализ. М., 2015.
7. Задорожная И.В. Криминологическая характеристика терроризма в системе современного преступного насилия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
8. Кириченко А.А. К вопросу о понятии терроризма // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 32.
9. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1997.
10. Кочои С.М. Антитеррористическое законодательство и практика его применения: уголовно-правовая характеристика: учебное пособие. М., 2018.
11. Макуев Р.Х. Терроризм в условиях глобализации // Государство и право. 2014. № 3. С. 43.
12. Миньковский Г.М., Ревин В.П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. 2016. № 8. С. 84.

13. Моджорян Л.Л. Терроризм: правда и вымысел. М., 1986.
14. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ: ред. от 10.07. 2023. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс»
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2004.
16. Петрищев В.Е. Заметки о терроризме: монография. М., 2021.
17. Рарог А.И. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. М., 2001.
18. Сельцовский П.Л. Современный терроризм: вызовы и ответы в условиях России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2015.

А.Е. Покотилова[1], **А.В. Лунева**[2]
[1,2] Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева
Дальневосточный филиал

Отказ государственного обвинителя от обвинения и его последствия

Аннотация. В статье анализируется проблема отказа государственного обвинителя от государственного обвинения в судебном разбирательстве, выявляются условия его осуществления согласно уголовно-процессуальному законодательству. Также в рамках статьи описаны правовые последствия после отказа государственного обвинителя от обвинения, которые выражаются в прекращении уголовного преследования, а также правовых последствиях для подсудимого, прокурора и потерпевшего. Особенное внимание уделяется проблеме правовых последствий для потерпевшего, сравниваются точки зрения в данном аспекте, представленные в научно-правовой литературе, а также формулируется направление для совершенствования уголовно-процессуального законодательства в отношении проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения, в целом.

Ключевые слова: государственный обвинитель, государственное обвинение, уголовное преследование, уголовный процесс, судебное разбирательство, отказ от обвинения, мотив отказа, последствия.

Согласно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ судопроизводство должно осуществляться на основе состязательности и равноправия сторон. Состязательный характер судебного разбирательства реализуется посредством участия сторон обвинения и защиты. Стороной защиты, согласно п. 46 ст. 5 УПК РФ, выступает обвиняемый, а также его законный представитель. Сторону обвинения, согласно п. 47 ст. 5 УПК РФ, представляют прокурор, а также должностные лица следственных органов. Основным отличием, помимо противоположности позиций по уголовному делу, между стороной защиты и стороной обвинения является то, что сторона защиты выступает в пользу интересов обвиняемого, то есть частных интересов, а сторона обвинения выступает в пользу интересов государства, приоритетом которого является защита прав человека и гражданина, а также охрана закона и порядка.

По закону государственным обвинителем в суде выступает прокурор, который поддерживает государственное обвинение, его права и обязанности в исполнении судебной стадии уголовного преследования регулируются отдельными статьями УПК РФ. Основным требованием к выполнению прокурором статуса государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве является обеспечение законности и обоснованности поддержания государственного обвинения, что установлено ч. 3 ст. 37 УПК РФ.

При этом обвинительный тезис, который содержится в обвинительном акте, или заключении, и вместе с уголовным делом утверждается прокурором для последующего направления в суд, формулируется органами предварительного расследования. На досудебной стадии уголовного преследования процессуальная функция прокурора в большей степени является надзорной. Прокурор законом наделен полномочиями отменять постановления о возбуждении уголовного дела, осуществлять проверки законности и обоснованности решений органов предварительного расследования, не утверждать обвинительные акты, или заключения. Из чего следует, что с одной стороны, содержание государственного обвинения, поддерживаемого в суде, составляется органами предварительного расследования, к которым прокуратура не относится. С другой стороны, прокуратура осуществляет надзорную функцию, в том числе, в целях обеспечения законности и обоснованности порядка и результатов предварительного расследования и, утверждая обвинительный акт, или заключение, по существу, это удостоверяет.

Несмотря на то, что прокурор, утверждая обвинительный акт (постановление), или заключение, фактически подтверждает свое согласие с выводами следственных органов, достаточностью собранных доказательств, выявленных обстоятельств дела, полнотой фабулы, точности юридической формулировки и правовой квалификации деяния, совершенного обвиняемым, в уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрены случаи его отказа от обвинения на судебной стадии уголовного преследования, то есть, непосредственно, в процессе судебного разбирательства.

Так, согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ, в случае, если государственный обвинитель «придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение», он может отказаться от обвинения. Аналогичное право закреплено за прокурором ч. 4 ст. 37 УПК РФ. Обязательным условием как полного, так и частичного, отказа от обвинения в суде является обоснование мотива отказа. Исходя из содержания ч. 7 ст. 246 УПК РФ отказ прокурора от государственного обвинения в судебном разбирательстве может быть полным, или частичным. В правоприменительной практике факты отказа государственного обвинителя от обвинений редки. Как правило, государственный обвинитель излагает отказ и его обоснование после завершения судебного следствия на этапе судебных прений, когда закончилось исследование

всех доказательств[1].

Используя формально-теоретический подход к рассмотрению отказа от государственного обвинения, его можно трактовать одновременно как факт недостаточного надзора за реализацией и результатами предварительного расследования, а также как факт недостаточного качества деятельности следственных органов по проведению процессуальных мероприятий. Однако, как следует из п. 1.3 приказа Генерального прокурора «Об участии Прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» от 30 июня 2021 г. № 376: «отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитация в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание обоснованного обвинения»[2].

Из содержания приказа Генпрокурора следует, что отказ прокурора от государственного обвинения в судебном разбирательстве необходимо расценивать не как ошибку следственных и надзорных органов, а как акт, совершенный в целях правосудия. В целом, можно согласиться с тем, что ни одна система не является совершенной, и относительно своевременное решение об отказе от обвинения, отвечает возложенным на прокурора обязанностям в качестве государственного обвинителя, представителя государства в судебном разбирательстве, действующего по принципу соблюдения законности и объективности.

Также, исходя из содержания п. 1.4 вышеупомянутого приказа Генерального прокурора от 30 июня 2021 г. № 376 можно сделать вывод, что объективными причинами разного рода упущений прокурором при рассмотрении дела и утверждения обвинительного акта, или заключения, приведших к последующему отказу в ходе суда от государственного обвинения, являются:

– неоптимальное и неравномерное распределение нагрузки на государственных обвинителей с учетом их квалификации и опыта работы;

– недостаточное количество времени, выделенное для знакомства прокурора с делом и подготовки к судебному разбирательству;

– сложность и многоэпизодность отдельных дел, требующих усилий группы государственных обвинителей.

Тем не менее, отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства имеет правовые последствия. Возвращаясь к ч. 7 ст. 246 УПК РФ, следует выделить, что основным последствием полного, или частичного отказа прокурора от обвинения является прекращение уголовного преследования полностью или в соответствующей его части. А в п. 2 ч. 1

---

[1] Отказ государственного обвинителя от обвинения // Прокуратура Воронежской области. 2012. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_36/activity/legal-education/explain?item=23203063 (дата обращения: 22.04.2024).

[2] Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 (ред. от 13.12.2023) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-30062021-n-376-ob-uchastii/?ysclid=lw0sad4giq348921655 (дата обращения: 28.12.2024).

ст. 254 УПК РФ конкретизируется, что вместе с отказом государственного обвинителя от обвинения суд прекращает уголовное дело в судебном заседании.

Правовые последствия для обвиняемого после полного отказа государственного обвинителя от обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве также достаточно конкретизированы. В отношении подсудимого не только прекращается уголовное преследование, он также имеет, согласно п. 2 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, право на реабилитацию. В соответствии с п. 34 ст. 5 УПК РФ под реабилитацией следует понимать восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Частью 1 ст. 133 УПК РФ установлено, что ранее обвиняемый получает право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда, а также восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Необходимо выделить, что, несмотря на то, что сторона защиты выражает мнение по позиции прокурора об отказе от обвинения, и подсудимый формально может возражать отказу обвинителя от обвинения, суд, тем не менее, прекращает уголовно дело и судебное заседания[1]. В научной литературе, встречаются мнения о том, что фактически, прекращение уголовного преследования, несмотря на возражение подсудимого, лишает его возможности получения оправдательного приговора, что якобы лишает его отдельных прав. В частности, такая позиция широко рассматривается К. А. Талалаевым[2]. Однако, следует согласиться с О. С. Дружиной и А. К. Ефериным[3] о том, что уголовно-процессуальным законодательством установлены такие условия, при которых правовые последствия для ранее обвиняемого после отказа государственного обвинителя от обвинения и в случае оправдательного приговора равны, и не следует их противопоставлять друг другу. Эта же позиция отмечается в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.10.2011 № 11-О11-83[4].

Как справедливо отмечает А. К. Еферин, неблагоприятные правовые последствия в случае отказа от государственного обвинения в суде могут наступать и для прокурора, поскольку, несмотря на его обязанность при наличии обоснований отказаться от обвинения, данный факт свидетельствует о низкой

---

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.10.2011 № 11-О11-83 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.

[2] Талалаев, К. А. Отказ от обвинения и прекращение уголовного дела в суде / К. А. Талалаев // Юридический вестник Самарского университета. 2022. № 1. С. 125–129.

[3] Дружина, О. С. Последствия отказа государственного обвинителя от государственного обвинения / О. С. Дружина // Молодой ученый. 2021. № 36 (378). С. 92-94; Еферин А.К. К вопросу о праве государственного обвинителя на отказ от обвинения // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 300–310.

[4] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.10.2011 № 11-О11-83 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.

эффективности непосредственно его работы. Данные последствия могут выражаться в проведении служебной проверки, поскольку в деятельности прокурора по конкретному уголовному делу может иметь место дисциплинарный проступок, то есть неисполнение, или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей[1]. Соответственно, если в ходе проверки будет подтвержден дисциплинарный проступок, то прокурор будет привлечен к дисциплинарной ответственности, и понесет дисциплинарные взыскания в соответствии со ст. 41.7 федерального закона «О прокуратуре РФ» от 17 ноября 1995 г. № 168-ФЗ[2].

Фактически, из числа перечисленных субъектов, остается еще один субъект, в отношении которого после отказа государственного обвинителя от обвинения, наступают последствия, вызывающие наибольшие споры среди теоретиков и практиков уголовного процесса. Этим субъектом является потерпевший. В научно-правовой литературе высказываются точки зрения, согласно которым потерпевший в случае отказа государственного обвинителя от обвинения в суде лишает потерпевшего права на судебную защиту. Например, такой позиции придерживаются М. Н. Байматова и С. В. Комов[3]. Кроме этого, в уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрено высказывание позиции потерпевшим в суде по отказу государственного обвинителя от обвинения.

Следует заметить, что М. Н. Байматова в целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства в отношении правовых последствий для потерпевших в случае отказа государственного обвинителя от обвинения, систематизирует накопившиеся в научно-правовой литературе точки зрения в пользу того, что потерпевший должен иметь возможность обжаловать прекращение уголовного преследования при отказе прокурора от обвинения. Для этого, по мнению М. Н. Байматовой, прокурор должен не только обосновать мотив отказа в суде и письменно его выразить, но и представить отказ в форме постановления[4].

Комов С. В. в целях совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства в отношении правовых последствий для потерпевших в случае отказа государственного обвинителя от обвинения, предлагает перенять опыт Республики Казахстан. В частности, основным

---

[1] Еферин, А. К., там же.

[2] О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.11.1995 № 168-ФЗ (в ред. от 12.03.2024). Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/ 9004584?ysclid=lvym27nikj153058812 (дата обращения: 22.01.2025).

[3] Байматова М.Н. Проблемы отказа государственного обвинителя от поддержания государственного обвинения // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 168–169; Комов С.В. Актуальные вопросы российского института отказа прокурора от обвинения в судебном разбирательстве // Современные тенденции в науке и образовании: новый взгляд: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Нефтекамск: Мир науки, 2021. С. 87–96.

[4] Байматова, М. Н., там же.

предложением С. В. Комова является включение в российское уголовно-процессуальное законодательство нормы, согласно которой после отказа прокурора от государственного обвинения потерпевший, в случае несогласия, может его выразить и продолжить представлять сторону частного обвинения[1].

Однако, представляется, что ни мнение М. Н. Байматовой, ни мнение С. В. Комова, фундаментально не решат проблему правовых последствий для потерпевшего в случае отказа государственного обвинителя от государственного обвинения. Соглашаясь с позицией Ю. В. Колодезникова, необходимо отметить, что вероятность ошибочной трактовки законодательства со стороны потерпевшего, многократно выше, допущения ошибочных выводов предварительного расследования со стороны следственных органов, а также ошибочных обоснований мотива по отказу от обвинения со стороны прокурора. Потерпевший, требуя продолжения уголовного преследования конкретного подсудимого, вероятнее всего, будет руководствоваться субъективными представлениями о справедливости, а также желанием возмездия, поскольку нюансы уголовно-процессуального законодательства ему малознакомы[2].

Намечая направление для совершенствования уголовно-процессуального законодательства в целях снижения вероятности неэффективной работы следственных органов и прокуратуры, приводящей к отказу государственного обвинителя от обвинения, видится наиболее перспективным выявление проблем и поиска их решения на досудебной стадии уголовного преследования. Выявление способов закрепления права потерпевшего для влияния им на продолжение уголовного преследования подсудимого после отказа государственного обвинителя от обвинения является нерациональным. В том числе, такой вывод обусловлен тем, что сам отказ прокурора от обвинения в суде против конкретного подсудимого не означает, что по совершенному преступлению против потерпевшего на этом заканчиваются все процессуальные действия следственных органов.

Таким образом, проблема отказа государственного обвинителя от государственного обвинения существует в правоприменительной практике и при этом, в достаточной степени регулируется уголовно-процессуальным законодательством. После полного, или частичного, отказа государственного обвинителя от обвинения в суде наступает совокупность правовых последствий, главным из которых является прекращение уголовного преследования полностью, или в выделенной части отказа. С одной стороны, отказ государственного обвинителя от обвинения является выражением соблюдения им принципа законности и объективности, несмотря на вытекающие правовые последствия для прокурора. С другой стороны, отказ государственного обвинителя от обвинения означает недостаточную эффективность деятельности

[1] Комов С.В., там же.

[2] Колодезников Ю.В. Правовые последствия отказа государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве // Аллея науки. 2018. № 8 (24). С. 642–646.

следственных органов на досудебной стадии предварительного расследования, а также упущения в работе прокурора. Именно поэтому, совершенствование уголовно-процессуального законодательства в целях снижения фактов отказа от обвинения, как результата неэффективности предварительного расследования и надзора за этой деятельностью, должно осуществляться в отношении мероприятий на досудебной стадии уголовного преследования.

Литература

1. Байматова М.Н. Проблемы отказа государственного обвинителя от поддержания государственного обвинения / М. Н. Байматова // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 168–169.
2. Дружина О. С. Последствия отказа государственного обвинителя от государственного обвинения / О. С. Дружина // Молодой ученый. – 2021. – № 36 (378). С. 92–94. URL: https://moluch.ru/archive/378/83930/ (дата обращения: 29.12.2024).
3. Еферин А.К. К вопросу о праве государственного обвинителя на отказ от обвинения // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 300–310.
4. Колодезников, Ю. В. Правовые последствия отказа государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве / Ю. В. Колодезников // Аллея науки. 2018. № 8 (24). С. 642–646.
5. Комов С.В. Актуальные вопросы российского института отказа прокурора от обвинения в судебном разбирательстве / С. В. Комов // Современные тенденции в науке и образовании: новый взгляд: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Нефтекамск: Мир науки, 2021. С. 87–96.
6. Отказ государственного обвинителя от обвинения // Прокуратура Воронежской области. 2012. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_36/activity/legal-education/explain?item=23203063 (дата обращения: 22.12.2024).
7. Талалаев К.А. Отказ от обвинения и прекращение уголовного дела в суде // Юридический вестник Самарского университета. 2022. № 1. С. 125–129.

Т.Ф. Пудовикова
Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева
Дальневосточный филиал

К вопросу о взаимодействии следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при подготовке и назначении фоноскопической и лингвистической судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях экономической направленности

Аннотация. В статье на основе анализа уголовно-процессуальных, криминалистических и иных научных знаний, а также следственной и судебной практики расследования преступлений экономической направленности рассмотрены проблемные вопросы использования специальных знаний при расследовании указанных преступлений, и даны соответствующие разъяснения и рекомендации.

Ключевые слова: преступления экономической направленности, специальные знания, технико-криминалистические возможности, фоноскопическая экспертиза, лингвистическая экспертиза, тактика назначения судебных экспертиз, взаимодействие.

В настоящее время выявление, раскрытие и расследование преступлений экономической направленности, с учетом экономического и социального развития российского государства, является одной из основных задач, стоящих перед правоохранительными органами. При этом, успешное решение указанной задачи предопределяет не только экономическую безопасность страны в целом, но и нормальное функционирование большинства основных институтов гражданского общества, в частности[1].

Так, несмотря на то, что удельный вес указанных преступлений в общем числе зарегистрированных в 2024 году составил лишь 5,5%, тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 64,3%, а материальный ущерб от их совершения составил 295,7 млрд. руб., тем самым многократно превысив совокупные материальные потери от общеуголовных преступлений[2].

При этом очевидно, что при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений данной категории от контролирующих и правоохранительных

[1] Гелюс Т.Ф., Пудовиков А.С. Расследование преступлений экономической направленности: учебно-практическое пособие. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2019. 88 с.

[2] Состояние преступности в России. Архивные данные [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» [сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/

органов требуется максимальная концентрация усилий, а также привлечение необходимых, зачастую достаточно внушительных сил и средств.

Естественно, нельзя оставить без внимания и тот факт, что по делам данной категории без проведения судебных экспертиз, собрать необходимый массив доказательств по многим делам крайне затруднительно, а в отдельных случаях просто невозможно, поскольку следственно-судебная практика по делам о преступлениях экономической направленности показывает, что в условиях ускорения темпов развития науки и техники, которое в том числе влияет на появление новых способов совершения и сокрытия преступлений, выявление и качественное расследование невозможно без эффективного технико-криминалистического обеспечения, отвечающего современным требованиям, и с каждым годом эта зависимость только возрастает.

Одним из примеров использования современных технологий и эффективных инструментов технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений экономической направленности является производство фоноскопических и лингвистических экспертиз. Результаты подобных исследований как свидетельствует следственно-судебная практика, в совокупности с другими имеющимися доказательствами по уголовному делу играют решающую роль в установлении личности преступника.

При этом современные возможности технико-криминалистических средств и методов, развитие материально-технической базы экспертно-криминалистических подразделений, освоение новых экспертиз и исследований, в своей совокупности требуют систематического информирования следователей о современных возможностях судебно-экспертной деятельности для решения задач, связанных с раскрытием и расследованием преступлений экономической направленности. В этой связи, необходимо указать на необходимость надлежащего взаимодействия следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений, сотрудниками государственных и негосударственных учреждений и организаций, чья деятельность имеет экономическую направленность, в ходе назначения экспертных исследований, поскольку соответствующие специалисты могут:

– оказать помощь в выборе экспертного учреждения, где будет производится экспертиза;

– проконсультировать по поводу объектов, которые необходимо предоставить в распоряжение эксперта;

– оказать содействие в получении образцов для сравнительного исследования, а также в формулировке вопросов, которые следует поставить на разрешение соответствующей экспертизы, что в конечном итоге должно позволить соблюсти принципы «необходимости и достаточности» и «информированности», которыми в свою очередь должны руководствоваться следователи при назначении судебных экспертиз[1].

[1] Гелюс Т.Ф., Пудовиков А.С. Основные направления организации взаимодействия следователя с другими участниками раскрытия и расследования преступлений

И следует отметить, что несмотря на то, что перечисленные формы взаимодействия между следственными и экспертными подразделениями очевидны, на практике, к сожалению, в силу разных причин, они реализуются далеко не всегда, в то время как развитие науки и техники, предполагает в том числе и совершенствование преступной деятельности, и соответственно оказывает влияние на изменение и дополнение способов по поиску неоспоримых доказательств по уголовным делам.

Одним из главных факторов, позволяющим решить первостепенные задачи правоохранительных органов, является взаимодействие между службами, которое, в том числе, предполагает использование специальных знаний, способствующих расширению объема и повышению качества собираемых вещественных доказательств. Кроме того, очевидно также то, что для того чтобы определить точность и полноту сделанных экспертом выводов, следователю необходимо ориентироваться в вопросах о современных возможностях судебных экспертиз.

Однако следует признать, что в настоящее время, как показывает следственно-судебная практика и опрос сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, проведенный в рамках настоящего исследования, инициаторы фоноскопических и лингвистических экспертных исследований при их назначении по делам преступлениях экономической направленности довольно часто допускают тактические ошибки, среди которых эксперты отмечают следующие:

– неполноту представляемых инициаторами задания объектов;

– отсутствие подробного описания предоставляемых объектов и обстоятельств их изъятия.

– некорректную постановку инициаторами экспертизы вопросов, подлежащих разрешению, зачастую выходящих за пределы компетенции эксперта.

Указанное, в свою очередь приводит к множеству проблем, от увеличения сроков предварительного расследования, до признания заключений экспертов недопустимыми доказательствами и, как следствие, направлению уголовных дел на дополнительное расследование, что в некоторых случаях может привести к утрате судебной перспективы по уголовному делу.

Другой крайностью инициаторов фоноскопических и лингвистических экспертных исследований по делам экономической направленности является чрезмерная перегруженность постановлений о назначении экспертизы вопросами (зачастую повторяющихся по смыслу).

Такое положение обусловлено теми же причинами – инициаторы экспертных исследований, в силу разных причин игнорируют технико-криминалистические возможности, существующие на сегодняшний день и, как правило, как уже было указано выше, не прибегают к помощи специалиста как при получении образцов

экономической направленности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 3 (48). С. 85–90.

для сравнительного фоноскопического или лингвистического исследования, так и при формулировании вопросов перед экспертом, и зачастую, в постановлении о назначении экспертизы, ставят шаблонные вопросы из устаревших источников[1], несмотря на то, что корректная постановка вопросов перед экспертом, помогает решить множество задач по уголовному делу, в том числе и ключевых, например, таких как установление личности преступника, предмета преступления и других обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам данной категории.

Кроме того, очевидно, что чем больше вопросов ставится на разрешение эксперта, тем больше времени и усилий затрачивается на её производство, что, безусловно, оправдано, в случаях, когда многие факты неочевидны и на исследование предоставляется большое количество объектов. При расследовании преступлений экономической направленности таких следственных ситуаций, при назначении фоноскопической или лингвистической судебных экспертиз, как правило, не возникает, в связи с чем при формулировании вопросов рекомендуется не выходить за пределы разумной достаточности.

Инициатору исследования необходимо, прежде всего, самому понимать, что он ждет от заключения эксперта, какое обстоятельство, подлежащее установлению и доказыванию он пытается получить и исходить из криминалистических рекомендаций о том, что вопросы, которые становятся перед экспертом не должны быть стандартными.

Другими словами, необходимо исходить из обстоятельств дела, поскольку бездумное копирование вопросов из постановления в постановление, недопустимо. При этом следует отметить, что вопрос может быть и один, но задан по существу, а если их несколько, то они должны быть указаны в логической последовательности между собой.

Кроме того, стоит помнить, что, назначая фоноскопическую и (или) лингвистическую судебные экспертизы по уголовным делам экономической направленности, на следователя ложится обязанность по предоставлению в распоряжение эксперта необходимых в полном объеме материалов, упакованных и процессуально оформленных, ввиду того, что эксперт не имеет права на самостоятельный сбор материалов для проведения исследования. Зачастую неполное предоставление необходимых материалов оказывает негативное влияние на результативность исследования

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что на современном этапе наблюдается стремительная интеграция криминалистики с другими областями знаний. Цель данного процесса заключается в совершенствовании существующих и в появлении новых методик необходимых для расследования и раскрытия преступлений. В этой связи развитие научно-технического прогресса в области связи и коммуникаций, обострение криминальной обстановки в

[1] Поташов М.Р. Экспертно-криминалистическое обеспечение выявления и расследования контрабанды наркотических средств и психотропных веществ на воздушном транспорте: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. С. 133.

экономической сфере, проблемы идентификации и диагностики речи стали особенно актуальны, в связи с чем, стоит обратить внимание на недостаточность теоретических разработок в области взаимодействия между следователем и сотрудниками экспертных учреждений, которые неблагоприятным образом влияют на результативность и сроки проведения экспертиз и соответственно на сроки предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях экономической направленности.

Литература

1. Гелюс Т.Ф., Пудовиков А.С. Расследование преступлений экономической направленности: учебно-практическое пособие. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2019. 88 с.
2. Гелюс Т.Ф., Пудовиков А.С. Основные направления организации взаимодействия следователя с другими участниками раскрытия и расследования преступлений экономической направленности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 3 (48). С. 85-90.
3. Поташов М.Р. Экспертно-криминалистическое обеспечение выявления и расследования контрабанды наркотических средств и психотропных веществ на воздушном транспорте: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. С. 133.
4. Состояние преступности в России. Архивные данные // Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/

П.Е. Рязанова
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Совершенствование механизмов противодействия экономическим преступлениям в сфере строительства и ввода в эксплуатацию объектов недвижимости

Аннотация: Статья посвящена анализу совершенствования механизмов противодействия экономическим преступлениям в сфере строительства и ввода в эксплуатацию объектов недвижимости. Успех расследования экономических преступлений в сфере строительства во многом зависит от успеха выявления этих преступлений. Причём под успехом выявления следует понимать получение качественной информации, на основе которой в ходе предварительного расследования следователь имеет возможность установить обстоятельства совершения преступления и причастных к нему лиц. Поэтому расследование необходимо рассматривать в единстве с деятельностью по выявлению названных преступлений. Все это стало предметом рассмотрения данной статьи.

Ключевые слова: строительство, эксплуатация, механизм, экономические преступления в сфере строительства, методика расследования, выявление.

В настоящее время повсеместно наблюдается увеличение объема и темпов строительства. Согласно статистическим данным, только за период с января по сентябрь 2022 года на территории Российской Федерации введено в эксплуатацию 360 563 объекта, включая 347 404 жилых здания[1].

Учитывая возрастающие объемы строительства и увеличивающиеся суммы его финансирования, закономерно наблюдается рост преступлений в данной сфере. Наиболее распространёнными способами совершения преступлений в сфере строительства и ввода в эксплуатацию объектов недвижимости являются: использование материалов, не соответствующих проектным требованиям; умышленное сокращение объемов работ; подмена предусмотренных технической документацией материалов на низкокачественные аналоги; фиктивное завышение сметной стоимости; присвоение расходных материалов и др.

У лиц, осуществляющих расследование преступлений в сфере строительства, возникают определенные сложности, затрудняющие полный и всесторонний сбор доказательственной информации. Это связано, во-первых, с недостаточным методическим обеспечением, а именно – отсутствием унифицированных криминалистических рекомендаций, регламентирующих специфику расследования таких преступлений. Во-вторых, сложности обусловлены ограниченным опытом правоприменительной практики, включая применение норм, связанных с выявлением и квалификацией экономических преступлений, которые, как правило, маскируются под вид гражданско-правовых отношений.

Помимо этого, существуют технико-экспертные ограничения, заключающиеся в сложности привлечения специалистов в области строительной техники для участия в следственных действиях (осмотр, обыск, допрос, сбор образцов для сравнительного исследования), а также проведения судебных экспертиз в порядке, установленном статьями 195-204 УПК РФ[2]. Указанные факторы усугубляются спецификой предмета доказывания, связанного с необходимостью установления скрытых механизмов хищения бюджетных средств, фальсификации проектной документации и сокрытия фактов использования материалов, не соответствующих стандартам качества. Перечисленные факторы также обусловлены необходимостью наличия у лиц, расследующих преступления в сфере строительства и ввода в эксплуатацию объектов недвижимости, специальных знаний.

Специфика строительной отрасли существенно осложняет выявление правонарушений, что обусловлено:

1. Технологическими особенностями – многоэтапность производственных процессов создает условия для сокрытия следов преступлений, затрудняя

[1] Ввод в действие зданий жилого и нежилого назначения в Российской Федерации за январь-сентябрь 2022 года. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14458 (дата обращения: 08.03.2025).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

фиксацию доказательств (например, подмена материалов, нарушение строительных норм).

2. Экономическими механизмами – противоправные схемы (завышение смет, хищение средств) маскируются под законные рыночные операции, что требует проведения комплексных финансовых экспертиз для их выявления.

Особенности экономических преступлений в сфере строительства обусловлены их латентным характером, поскольку противоправные действия маскируются под законную хозяйственную деятельность. Как справедливо отмечается в доктрине уголовного процесса, ключевым этапом, определяющим успех расследования, является выявление преступления[1]. Качество этой стадии напрямую влияет на эффективность предварительного расследования, поскольку обеспечивает следователя доказательственной базой.

Парадоксальность расследования экономических преступлений в сфере строительства и ввода в эксплуатацию объектов недвижимости заключается в том, что его успех во многом определяется действиями, предшествующими возбуждению уголовного дела. Это обуславливает необходимость включения в криминалистические методики не только рекомендаций по расследованию, но и по выявлению преступлений, что требует единства стратегии и тактики на всех этапах.

Ключевым аспектом эффективного расследования преступлений в сфере строительства и ввода в эксплуатацию объектов недвижимости, является взаимодействие следователя с контрольно-ревизионными органами. Для того чтобы доказательственная информация соответствовала процессуальным требованиям и могла быть использована в суде, необходимо скоординировать методы и цели проверок, что в дальнейшем поспособствует формированию целостной доказательственной базы.

Важно начинать взаимодействие уже на стадии обнаружения признаков преступления. Это связано с тем, что данные, на основе которых возбуждается уголовное дело, должны быть достоверными, релевантными и пригодными для дальнейшего расследования. Следователь должен консультировать контрольно-ревизионные органы относительно требований к собираемой информации, с целью обеспечения ее дальнейшего применения в ходе предварительного расследования.

Основная цель взаимодействия – гарантировать качество доказательств, достаточных для изобличения виновных лиц. Путем постановки конкретных задач перед контрольно-ревизионными органами следователь повышает их вклад в расследование. Что делает проверки более целенаправленными, а полученные данные – пригодными для использования в процессе доказывания.

---

[1] Подольный Н.А. Перспективы развития категории «предкриминальная ситуация» // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта. 2020. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020. С. 61-65.

В свою очередь, следователь получает информацию, которая ускоряет и упрощает раскрытие преступлений. Таким образом деятельность контрольно-ревизионных органов становится более результативной, а следователь получает информацию, с помощью которой осуществляет эффективное расследование рассматриваемой категории экономических преступлений.

Таким образом координация действий на ранних этапах и четкое определение требований к доказательствам позволят повысить эффективность как контрольно-ревизионной деятельности, так и предварительного расследования в целом.

В условиях частичной дезинтеграции государственного регулирования в строительной отрасли и перехода к механизмам саморегулирования[1] криминалистические методики должны быть пересмотрены и дополнены следующими элементами:

- перечень явных признаков экономических преступлений (например, несоответствие проектной документации, нарушения сроков сдачи объектов; завышенные сметы; фиктивные договоры);
- алгоритмы выявления скрытых нарушений (включая анализ цепочек субподрядов, оценку рыночной стоимости материалов и работ);
- стандарты межведомственного взаимодействия (с Министерством строительства, финансовыми институтами, надзорными органами).

Строительная отрасль, в которой ключевые аспекты управления переданы саморегулируемым организациям, требует особого подхода к расследованию преступлений. Криминалистические методики должны регламентировать не только процесс расследования, но и действия на раннем этапе при выявлении признаков преступления, а также меры по профилактике исследуемых преступлений. Поэтому видится необходимость создания криминалистических методик, которые бы не ограничивались рекомендациями относительно расследования экономических преступлений в сфере строительства и ввода в эксплуатацию объектов недвижимости, а охватывали также и деятельность по выявлению данных преступлений.

Для эффективного расследования и раскрытия преступлений в сфере строительства, по мнению И. В. Бандориной, необходимо разработать правовую базу по взаимодействию с Министерством строительства, Министерством финансов, финансово-кредитными и другими учреждениями[2]. Также, по нашему мнению, требуется разработка рекомендаций по криминалистическому обеспечению деятельности следователя, включая организацию взаимодействия

---

[1] Романовская О.В. Перспективы развития саморегулирования в Российской Федерации // Гражданин и право. 2020. № 12. С. 54–65.

[2] Бандорина И. В. Выявление и расследование преступлений, совершаемых в сфере жилищного строительства: проблемы, пути их решения // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар : Федер. гос. казенное образовательное учреждение высш. проф. образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2020. Т. 1. С. 98–101.

со специалистами в строительной сфере для проведения судебных экспертиз и привлечения их к участию в следственных действиях.

Внедрение вышеперечисленных методик поспособствует:

- повышению эффективности расследований за счет стандартизации подходов;
- профилактике преступлений, через анализ условий, способствующих преступлениям;
- укреплению межведомственной координации, что минимизирует правовые коллизии и ускорит принятие решений.

Таким образом, эффективное противодействие экономическим преступлениям в сфере строительства и ввода в эксплуатацию объектов недвижимости требует системного и комплексного подхода, включающего совершенствование законодательной базы, криминалистических методик и межведомственной координации.

Необходима модернизация законодательной базы, это позволит минимизировать правовые коллизии и усилить ответственность участников строительного процесса. Криминалистические методики должны быть дополнены специализированными рекомендациями, учитывающими технологические и экономические особенности исследуемой отрасли. Межведомственная координация должна стать основой для формирования целостной доказательственной базы. Только сочетание законодательных, методических и организационных мер позволит повысить раскрываемость исследуемой категории преступлений, а также создать устойчивые и эффективные механизмы их предупреждения.

Литература

1. Ввод в действие зданий жилого и нежилого назначения в Российской Федерации за январь – сентябрь 2022 года [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14458 (дата обращения: 08.03.2025).
2. Подольный Н.А. Перспективы развития категории «предкриминальная ситуация» // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта. 2020. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020. С. 61-65.
3. Романовская О.В. Перспективы развития саморегулирования в Российской Федерации // Гражданин и право. 2020. № 12. С. 54-65.
4. Бандорина И. В. Выявление и расследование преступлений, совершаемых в сфере жилищного строительства: проблемы, пути их решения // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар : Федер. гос. казенное образовательное учреждение высш. проф. образования

«Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2020. Т. 1. С. 98-101.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

*

В.В. Семенчук
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Условия использования результатов оперативно-розыскной деятельности для обоснования наложения ареста на имущество

Аннотация. Общность задач оперативно-розыскной деятельности и назначения уголовного судопроизводства проявляется в совместных усилиях, направленных на возмещение ущерба, причиненного преступлением. С этой целью для обоснования наложения ареста на имущество могут быть использованы сведения, полученные оперативно-розыскным путем. С учетом проведенного исследования выделены условия использования результатов оперативно-розыскной деятельности в рамках рассматриваемого направления: представление в установленном порядке; оценка достоверности; дополнение сведений вероятностного характера как условие продления ареста на имущество третьих лиц.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; результаты; меры процессуального принуждения; наложение ареста на имущество; условия.

Динамика правового регулирования оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) свидетельствует о возрастании ее роли в обеспечении возмещения ущерба, причиненного преступлением, а также в устранении условий совершения преступлений, путем конфискации имущества используемого в таких целях.

Первоначально, для этого Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) был дополнен «четвертой» задачей ОРД, направленной на установление имущества, подлежащего конфискации. Впоследствии, в 2022 г. эта задача ОРД была расширена за счет необходимости установления имущества для исполнения приговора в части гражданского иска, а также других имущественных взысканий.

Необходимость работы в данном направлении также нашла поддержку в теории ОРД в рамках обоснования отдельных элементов частных методик

документирования преступлений[1].

Реализация этой задачи ОРД не ограничивается получением информации и невозможна без использования собранных данных в уголовном судопроизводстве. Связано это с тем, что в ходе ОРД может быть осуществлено только изъятие имущества, являющееся, во-первых, временной мерой[2], обеспечивающей сбор и сохранение предметов, документов и материалов для их последующего вовлечения в уголовное судопроизводство, во-вторых, не все предметы могут быть изъяты – например, в рамках ОРД не может быть осуществлено изъятие, арест или иным образом ограничено распоряжение денежными средствами, находящимися в безналичном обороте.

Поэтому осуществление ОРД нельзя рассматривать в отрыве от использования полученных результатов для обоснования наложения ареста на имущество, являющегося мерой процессуального принуждения, применяемой как в публично-правовых целях (обеспечение возможной конфискации имущества, имущественных взысканий в виде процессуальных издержек или штрафа, для сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу), так и в целях защиты гражданских прав лиц, потерпевших от преступления[3].

Результаты социологического исследования, проведенного нами в 2021 г.[4],

---

[1] Иванов П.И., Кустов А.М. Оперативно-разыскное сопровождение расследования уголовных дел и использование при этом результатов ОРД (организационно-тактический аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 135-140; Кубанов О.С. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного расследования и подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции при противодействии преступлениям в сфере агропромышленного комплекса // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 193-198.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2004 № 304-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 31.01.2011 № 1-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Проведено анкетирование 77 судей краевых, областных судов, суда автономной области (Алтайский, Приморский и Хабаровский краевые суды, Амурский и Сахалинский областные суды, суд Еврейской автономной области), 45 судей районных и городских судов (Ленинский районный, Железнодорожный районный и Октябрьский районный суды Барнаула, Фрунзенский районный суд Владивостока, Индустриальный районный и Центральный районный суды Хабаровска, Южно-Сахалинский городской суд), 244 сотрудников следственных органов Следственного комитета Российской Федерации (следственные органы по Республике Ингушетия, Алтайскому краю, Камчатскому краю, Приморскому краю, Хабаровском краю и Еврейской автономной области, Амурской, Магаданской и Сахалинской областям), 467 сотрудников следственных органов МВД России (следственные органы Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу, территориальных ОВД республик Бурятия, Саха (Якутия), Алтайского, Камчатского, Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Иркутской, Магаданской, Новосибирской и Оренбургской областей).

свидетельствуют о высоком информационном значении результатов ОРД для судей и следователей в контексте обоснования наложения ареста на имущество. Так, на предложение указать процессуальные решения, для информационного обоснования которых могут быть использованы результаты ОРД из предложенных вариантов ответа (с учетом возможности нескольких) наиболее популярными стали задержание подозреваемого, наложение ареста на имущество и заключение под стражу[1].

Вместе с тем, с учетом того, что рассматриваемая мера существенным образом ограничивает права физических и юридических лиц, использование результатов ОРД не должно иметь бессистемный характер. С учетом сформировавшейся практики использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве можно выделить ряд обязательных условий их использования в рассматриваемом направлении:

1. Представление результатов ОРД в установленном порядке (ст. 11 ФЗ об ОРД и Инструкция о порядке представления результатов ОРД[2].).

Реализация данного условия обеспечивает последующую процессуализацию результатов ОРД, в том числе возможность проверки, а также ознакомления с ними лиц, в отношении которых применяется соответствующая мера уголовно-процессуального принуждения, их защитников, потерпевших и иных лиц.

В данном контексте стоит отметить, что ст. 11 ФЗ об ОРД прямо не указывает на возможность использования результатов ОРД для обоснования процессуальных решений, в том числе о наложении ареста на имущество. Есть только упоминание об их применимости для подготовки судебных действий.

В теории ОРД сформировалось расширительное представление о возможности использования в рассматриваем контексте. Учеными отмечается, что их значение будет заключаться в том, чтобы «собрать либо дополнить основания

---

[1] Распределение 3 наиболее популярных ответов выглядит следующим образом: судьи краевых, областных судов, суда автономной области в 76,6 % случаев выбрали задержание подозреваемого, в 53,2% случаев - наложение ареста на имущество, в 50,6 % случаев - заключение под стражу; судьи районных и городских судов в 75,6 % случаев выбрали задержание подозреваемого, в 44,4% случаев - наложение ареста на имущество, в 44,4 % случаев - заключение под стражу; сотрудники следственных органов СК России в 73,4 % случаев выбрали задержание подозреваемого, в 44,7% случаев - наложение ареста на имущество, в 41,4 % случаев - заключение под стражу; сотрудники следственных органов МВД России в 71,9 % случаев выбрали задержание подозреваемого, в 33,4% случаев - наложение ареста на имущество, в 37,7 % случаев - заключение под стражу.

[2] Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

процессуального действия до уровня их достаточности. Следовательно, результаты ОРД могут являться предпосылкой проведения процессуальных действий, быть использованы для их обоснования, выступать условиями их проведения»[1].

Вместе с тем, для исключения возможных противоречий в правоприменительной практике следует внести изменения в ч. 1 ст. 11 ФЗ об ОРД, допустив возможность использования результатов ОРД не только с целью подготовки следственных и судебных действий, но и иных процессуальных решений.

2. Оценка достоверности результатов ОРД.

Вопрос о требованиях к содержанию информации следует решать в зависимости от статуса лица, обладающего соответствующим имуществом.

А. Арест имущества принадлежащего на праве собственности подозреваемому, обвиняемому или лицам, несущим материальную ответственность за их действия.

Анализ положений ч. 1. ст. 115 УПК РФ позволяет сделать вывод, что для принятия решения о наложении ареста на имущество указанных лиц следует учитывать: процессуальный статус лица; право собственности на имущество; достаточные основания для последующих взысканий (наличие гражданского иска, отнесение имущества к категории подлежащего конфискации и т.д.).

В науке к фактическим основаниям применения рассматриваемой меры также относят сведения о возможном сокрытии имущества от последующего взыскания[2]. Однако такое требование не имеет под собой достаточных правовых оснований, в связи с чем становилось объектом справедливой критики[3].

С учетом изложенного, специфическое значение результатов ОРД будет заключаться в установлении принадлежности имущества указанным лицам. Такими сведениями, например, могут являться полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) справки из органов, осуществляющих регистрацию имущества, информация от кредитных организаций, а также результаты ОРМ, свидетельствующие о фактическом владении имуществом, не подлежащим государственной регистрации (например, установление и изъятие имущества в ходе проведения обследования до возбуждения уголовного дела).

Б. Наложение ареста на имущество «третьих лиц» (не являющихся

---

[1] Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейн. М.: Деловой двор, 2009. 328 с. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Гараева Т.Б. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2021. С. 18-19; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный / под общ. ред. А.В. Смирнова. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2012.

[3] Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска // Российский следователь. 2017. № 5. С. 20-25.

подозреваемыми, обвиняемыми или несущими материальную ответственность за их действия).

Обоснование наложение ареста на имущество «третьих» лиц представляет большую сложность, т.к. предполагает наличие достаточных оснований полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемых и обвиняемых, либо использовалось при обстоятельствах, влекущих последующую конфискацию.

При определении требований к фактическим основаниям применения рассматриваемой меры существуют разные подходы.

Часть ученых придерживается формулировки, использованной законодателем («достаточные основания полагать»)[1].

Другие ученые отмечают, что такими основаниями являются «доказательства»[2], «сведения (доказательства)»[3] преступного происхождения имущества. Также указывается на необходимость наличия доказательств принадлежности рассматриваемого имущества подозреваемому или обвиняемому[4].

Некоторое разъяснение по этому вопросу дал Конституционный Суд Российской Федерации, в качестве условия наложения ареста на имущество «третьих» лиц, указавший на достаточные, подтвержденные доказательствами основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, либо для финансирования преступной деятельности[5].

Такой подход влияет и на оценку результатов ОРД, основным критерием которой будет достоверность, содержащихся в них сведений. С учетом этого результаты ОРД, содержащие сведения об основаниях наложения ареста на имущество третьих лиц, можно условно разделить на две категории:

– по своей форме способные стать доказательствами (например, записи телефонных переговоров, содержащих беседы о планах по легализации имущества, приобретении имущества на третьих лиц и т.д.). Такие сведения могут составить основу фактических оснований при решении вопроса о

---

[1] Аршба Г.В. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 20; Тутынин И.Б. Наложение ареста на имущество как мера уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 21.

[2] Гараева Т.Б. Указ. соч. С. 18-19.

[3] Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества // Российский следователь. 2017. № 18. С. 27-32.

[4] Соколова М.В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 21.

[5] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 31.01.2011 № 1-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 21.10.2014 № 25-П. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

наложении ареста на имущество;

– сведения вероятностного характера, предположительно указывающие на наличие оснований для наложения ареста (например, в форме рапортов, справок). Использование таких сведений возможно в случае их подтверждения из иных источников. Результаты ОРД должны соотноситься с другими материалами уголовного дела, быть изучены и проверены судом, в том числе путем заслушивания третьих лиц – собственников спорного имущества.

В целом по данному поводу следователи (65,2% опрошенных сотрудников следственных органов СК России, 67,4% сотрудников следственных органов МВД России) и судьи (66,7% опрошенных судей районных и городских судов, 55,8% судей краевых, областных судов, суда автономной области) придерживаются позиции, согласно которой для обоснования подготовки и проведения следственных и иных процессуальных действий результаты отдельных ОРМ представляют большее значение, чем обобщающие документы (рапорт, справка).

Вне зависимости от субъекта, в отношении которого применяется рассматриваемая мера принуждения, результатов ОРД должны быть проверены судебном заседании. Способы проверки законом не установлены, но как представляется, помимо их непосредственного исследования и оглашения, также возможны вызов и заслушивание оперативных сотрудников, их представивших, собственников имущества, а также сравнение с другими данными, содержащимися в материалах, представленных в суд.

3. Дополнение сведений вероятностного характера как условие продления ареста имущества третьих лиц.

При последующем продлении ареста необходимо учитывать позицию Конституционного суда Российской Федерации, согласно которой пролонгация данной меры должна осуществляться с учетом данных, полученных в результате дальнейшего расследования и свидетельствующих о возможности отчуждения имущества по приговору суда[1]. Это обстоятельство говорит о том, что результаты ОРД, содержащие предположение о преступном происхождении спорного имущества, должны быть подтверждены в целях законного и обоснованного применения рассматриваемой меры принуждения и ее осуществления во время досудебного разбирательства в разумный срок[2].

В завершении отметим, что результаты ОРД обладают познавательной ценностью для обоснования решений о наложении ареста на имущество. Вместе с тем, существенное ограничение прав личности, вызываемое применением рассматриваемой меры процессуального принуждения, требует определения условий, при которых возможно использование таких сведений.

---

[1] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 21.10.2014 № 25-П. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

[2] Нуриев И.Н. Уголовно-процессуальный механизм осуществления досудебного производства в разумный срок: монография / под. ред. докт. юрид. наук, проф. А.С. Бахты. М.: Юрлиинформ, 2024. 224 с.

Литература

1. Аршба Г.В. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 23 с.
2. Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска // Российский следователь. 2017. № 5. С. 20-25.
3. Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества // Российский следователь. 2017. № 18. С. 27-32.
4. Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейн. М.: Деловой двор, 2009. 328 с. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Гараева Т.Б. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2021. 23 с.
6. Иванов П.И., Кустов А.М. Оперативно-разыскное сопровождение расследования уголовных дел и использование при этом результатов ОРД (организационно-тактический аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 135-140.
7. Кубанов О.С. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного расследования и подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции при противодействии преступлениям в сфере агропромышленного комплекса // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 193-198.
8. Нуриев И.Н. Уголовно-процессуальный механизм осуществления досудебного производства в разумный срок: монография / под. ред. докт. юрид. наук, проф. А.С. Бахты. М.: Юрлиинформ, 2024. 224 с.
9. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный / под общ. ред. А.В. Смирнова. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2012.
10. Соколова М.В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 32 с.
11. Тутынин И.Б. Наложение ареста на имущество как мера уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 33 с.

*

Я.Ю. Сидоров
Центральный районный суд г. Хабаровска

Возможность продолжить заниматься преступной деятельностью как основание избрания меры пресечения

Аннотация. В статье автором рассмотрены возможности выполнения задач уголовного судопроизводства с соблюдением баланса между публичными интересами,

связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности.

Ключевые слова: меры пресечения, меры процессуального принуждения, домашний арест, заключение под стражу, органы предварительного расследования, «профессиональная преступность».

Ограничения прав и свобод человека и гражданина могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей (ч.3 ст.55 Конституции Российской Федерации).

Исходя из презумпции невиновности, закрепленной в ч.1 ст.49 Основного закона Российской Федерации и ст.14 УПК РФ, при разрешении вопросов, связанных с применением положений раздела IV Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о мерах процессуального принуждения пресечения, с целью выполнения задач уголовного судопроизводства, сформулированных в ст.6 УПК РФ, следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности.

В статье 97 УПК РФ законодатель заложил пять оснований для избрания любой из существующих восьми мер пресечения, предусмотренных Главой 13 данного Кодекса. Одним из них является возможность продолжить заниматься преступной деятельностью.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в своем Постановлении № 41 от 19 декабря 2013 года, обобщающем практику применения мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, указал на возможность учета наличия непогашенной судимости за ранее совершенное умышленное преступление как одного из факторов, свидетельствующих о риске продолжения преступной деятельности.

Однако представляется необходимым подчеркнуть, что само по себе наличие судимости не должно автоматически предопределять вывод о наличии такой возможности.

Логично предположить, что совершение лицом нового преступления, аналогичного или однородного тому, за которое оно ранее было осуждено, существенно повышает вероятность рецидива. Например, если лицо привлекается к уголовной ответственности за совершение преступления имущественного характера, имея в прошлом судимость за преступление против собственности, такая взаимосвязь представляется очевидной и обоснованно свидетельствует о склонности к продолжению преступной деятельности. Аналогичный вывод можно сделать в ситуации, когда подозреваемый или обвиняемый, ранее осужденный за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, вновь привлекается к ответственности за хранение, изготовление, перевозку, сбыт или приготовление к сбыту наркотических средств, психотропных веществ, а также за выращивание или культивирование наркосодержащих растений.

Однако, когда лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, имеет судимость за совершение преступления небольшой или средней тяжести против личности (например, предусмотренного статьями 112, 115 или 116 Уголовного кодекса Российской Федерации), а вменяемое ему новое преступление относится к иной категории и не имеет непосредственной связи с предыдущим (например, преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина, против общественной безопасности и общественной нравственности, против государственной власти и интересов государственной службы, против семьи и несовершеннолетних, или в сфере экономики), такая причинно-следственная связь не прослеживается.

В связи с этим представляется необходимым рассматривать наличие непогашенной судимости как фактор, подлежащий оценке во взаимосвязи с характером совершаемого преступления. То есть учитывать, является ли оно однородным или одновидовым по отношению к тому, за которое лицо ранее было осуждено.

В качестве примера можно привести следующее судебное решение: 7 февраля 2022 года суд отказал в удовлетворении ходатайства следственного органа о продлении срока содержания под стражей гражданина Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (посредничество во взяточничестве). При этом суд, несмотря на наличие у Б. непогашенной судимости за совершение преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, принял во внимание следующие обстоятельства: Б. добровольно сообщил о совершенном им преступлении и явился в следственный орган с повинной, признал свою вину в полном объеме и ранее не привлекался к уголовной ответственности за совершение преступлений имущественного характера или преступлений против государственной власти и интересов государственной службы. Кроме того, в отношении Б. не возбуждались другие уголовные дела, и не поступало иных сообщений о его причастности к совершению других преступлений. В судебном заседании также не было представлено доказательств того, что Б. планирует совершение каких-либо противоправных общественно опасных деяний, ведет переговоры о совершении преступлений, приискивает орудия, средства или соучастников. Материалы уголовного дела не содержали сведений, позволяющих характеризовать Б. как лицо, склонное к совершению преступлений, или как лицо, ведущее антиобщественный образ жизни, что позволило бы сделать вывод о его потенциальной социальной опасности.[1]

Перечисленные обстоятельства позволили суду изменить Б. меру пресечения на домашний арест по месту его фактического жительства.

Таким образом, сам по себе факт наличия у лица судимости за совершение умышленного преступления, которая не снята и не погашена в установленном законом порядке, не может рассматриваться как безусловное и достаточное основание для избрания меры пресечения, связанной с лишением свободы.

[1] Архив Центрального районного суда г. Хабаровска. Дело № 3/2-23/2022.

При решении вопроса о вероятности продолжения преступной деятельности, суду необходимо всесторонне исследовать личность подозреваемого/обвиняемого. Это включает оценку его биографических данных, характеристик, предшествующего опыта уголовного преследования, категорий вменяемых преступлений, оснований освобождения от уголовной ответственности, а также фактов привлечения к административной ответственности в период действия административного наказания (ст. 4.6 КоАП РФ), учитывая характер совершенного административного правонарушения (его направленность против прав граждан, собственности, здоровья, общественной нравственности, общественного порядка и общественной безопасности).

К сожалению, в практике нередки случаи, когда органы предварительного расследования, обосновывая ходатайства о наличии у подозреваемого/обвиняемого возможности продолжить преступную деятельность, ссылаются на отсутствие у него официального трудоустройства.

При этом фактически в нарушение принципа, закрепленного в ч.1 ст.49 Конституции РФ, утверждается, что противоправная деятельность является для данного лица единственным источником дохода. Однако подобные доводы представляются несостоятельными и противоречат фундаментальным конституционным принципам, гарантирующим права и свободы человека и гражданина.

Статьей 37 Конституции Российской Федерации провозглашена свобода труда. Каждый гражданин вправе свободно распоряжаться своими способностями к труду, самостоятельно выбирать род деятельности и профессию. Принудительный труд запрещен.

Важно подчеркнуть, что наличие легального и стабильного источника дохода (как официального, так и неофициального) может быть обусловлено различными факторами: выплатой государственных пособий и единовременных выплат, получением пенсии, осуществлением деятельности в качестве самозанятого лица, выполнением работ по договорам (например, бытового подряда), получением дивидендов от вкладов и участия в коммерческих организациях, получением дохода от сдачи имущества в аренду, продажей имущества, получением наследства, выигрышами в лотерею и т.д.

Таким образом, недопустимо ставить вопрос о возможности занятия преступной деятельностью в зависимость от наличия у подозреваемого/обвиняемого официального источника дохода. Удовлетворение жизненных потребностей преследуемого лица может быть обеспечено за счет помощи близких родственников, периодического привлечения к выполнению различного рода работ (грузчик, курьер, разнорабочий, распространитель рекламной продукции), пребывания в специализированных медицинских или социально-реабилитационных центрах, а также получения безвозмездной помощи от других граждан (вещи, продукты питания, милостыня).

Следует учитывать, что отсутствие у лица определенного места жительства также не является безусловным признаком его социальной опасности и ведения антиобщественного образа жизни. Статистические данные свидетельствуют о

том, что процент совершения преступлений лицами данной категории относительно невысок.

Однако в совокупности определенные обстоятельства (отсутствие регистрации и постоянного места жительства, наличие неснятой/непогашенной судимости за преступления против собственности, повторное привлечение к уголовной ответственности за совершение преступлений имущественного характера) могут являться достаточно весомым основанием для предположения о том, что, находясь на свободе, не имея легального и стабильного источника дохода и средств к существованию, лицо может продолжить заниматься преступной деятельностью.

К примеру, 04.02.2024 суд, удовлетворяя ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Н., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, учел следующие обстоятельства: Н. зарегистрирован в г. Хабаровске по адресу, где фактически не проживает, не состоит в браке, не имеет детей, не трудоустроен (отсутствует стабильный источник дохода), до задержания проживал в квартире знакомой. Обвиняемый не имеет вкладов и счетов в финансово-кредитных учреждениях, а также имущества, позволяющего извлечь доход из пользования им. Ранее неоднократно привлекался к уголовной ответственности за совершение однородных и аналогичных преступлений, имеет не снятую и в установленном порядке не погашенную судимость за совершение небольшой, средней и тяжкого преступлений, предусмотренных ст.ст.158, 161, 166 УК РФ, за что отбывал наказание в виде лишения свободы и освободился незадолго до совершения нового противоправного деяния.

Указанные обстоятельства дали суду достаточные основания полагать, что в случае нахождения на свободе, Н. сможет продолжить заниматься преступной деятельностью.[1]

Другой пример: 30 декабря 2023 года суд, избирая меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении Д., подозреваемого в совершении двух угонов (ч. 1 ст. 166 УК РФ), принял во внимание отсутствие у него регистрации на территории Российской Федерации и самовольный уход из исправительного центра, где он отбывал наказание. Суд подчеркнул отсутствие у подозреваемого прочных социальных связей, которые обязывали бы его проживать в Хабаровском крае на период предварительного расследования. Также было отмечено, что Д. ранее привлекался к уголовной ответственности за кражу (ч. 1 ст. 158 УК РФ) и отбывал наказание в виде принудительных работ. В совокупности указанные обстоятельства, а также отсутствие стабильного дохода и имущества, дали суду достаточные основания полагать, что, находясь на свободе, подозреваемый продолжит преступную деятельность.

Отсутствие у лица банковских счетов и имущества, приносящего доход, также может рассматриваться судом как фактор, свидетельствующий о возможности продолжения преступной деятельности в случае освобождения от содержания под стражей.

[1] Архив Центрального районного суда г. Хабаровска. Дело № 3/1-21/2024.

Аналогичные мотивы были положены в основу решения суда от 05.04.2024 об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Г., обвиняемого в совершении кражи с проникновением в жилище (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Суд учел, что Г. ранее неоднократно привлекался к уголовной ответственности за совершение аналогичных преступлений и имеет непогашенную судимость за кражу. При этом, инкриминированное преступление совершено в течение испытательного срока по предыдущему приговору от 19.01.2024.[1]

Однако необходимо отметить, что отсутствие неснятой или непогашенной судимости, а также наличие источника дохода, не всегда исключают вероятность того, что подозреваемый или обвиняемый, находясь на свободе, сможет продолжить заниматься преступной деятельностью.

Так, 14.09.2022 суд, рассматривая ходатайство о продлении срока содержания под домашним арестом в отношении Е., учел, что она обвиняется в совершении особо тяжкого преступления и подозревается в совершении трех особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ), представляющих высокую опасность для общества. Несмотря на то, что Е. ранее не была судима и привлекается к уголовной ответственности впервые, учитывая количество инкриминированных преступлений, способ их совершения, количество изъятых наркотических средств, то обстоятельство, что иные лица, причастные к совершению вмененных ей противоправных деяний не установлены, а также отсутствие у нее стабильного и легального источника дохода, вкладов и счетов в финансово-кредитных учреждениях, равно как и наличие в ее собственности какого-либо имущества, которое позволило бы извлечь доход из пользования им, судья счел перечисленные обстоятельства достаточными для вывода о наличии у нее в случае нахождения на свободе, возможности продолжить заниматься преступной деятельностью.[2]

Во всех вышеуказанных случаях мы имеем дело с феноменом, который можно охарактеризовать как «профессиональная преступность». Она представляет собой системную деятельность, организованную на основе разветвленной сети, с участием широкого круга лиц, четким распределением ролей, системой взаимоконтроля, оповещения и конспирации. Для нее характерны сплоченность, соподчиненность, субординация, структурированность, длительный период осуществления противоправной деятельности, получение вознаграждения каждым из участников за свои действия, возможная неосведомленность о других участниках, их роли и руководстве, а также наличие системы штрафов, премирования и ответственности. Фактически речь идет об организованных преступных группах, объединенных общими целями (организованное распространение наркотических средств и психотропных веществ, оружия и боеприпасов, контрабанда стратегически важных ресурсов, организация проституции, торговля людьми, незаконная игорная деятельность, незаконная

[1] Архив Центрального районного суда г. Хабаровска. Дело № 3/1-56/2024.
[2] Архив Центрального районного суда г. Хабаровска. Дело № 3/2-222/2022.

добыча водных биоресурсов, в том числе занесенных в Красную книгу, незаконная рубка лесных насаждений, мошеннические действия в отношении неопределенного круга лиц с использованием «колл-центров», киберпреступность, участие в преступных сообществах и т.д.).

Профессиональная преступность представляет собой относительно самостоятельный вид преступности, включающий совокупность преступлений, совершаемых преступниками-профессионалами, чья деятельность, основанная на специальных знаниях, опыте и навыках, носит устойчивый характер и является источником средств существования. Она характеризуется постоянством преступной деятельности, наличием специализаций (разделение труда) и квалификации, то есть наличием определенных знаний и навыков.

Современное российское уголовное законодательство не содержит понятия «преступный промысел», которое в советской уголовно-правовой доктрине рассматривалось как разновидность повторности и определялось как систематическое совершение тождественных преступлений с целью извлечения дохода, когда соответствующая деятельность является основным или дополнительным источником средств к существованию.

Возможность продолжения занятия преступной деятельностью может быть обусловлена и психологическими моментами, религиозными, идеологическими и сексуальными предпочтениями подозреваемых и обвиняемых. При этом последние могут быть выражены в распространении изготовлении, приобретении, хранении и (или) перемещении через Государственную границу Российской Федерации в целях распространении, публичной демонстрации или рекламировании порнографических материалов или предметов, в том числе с порнографическими изображениями несовершеннолетних, фото-, кино- или видеосъемке несовершеннолетних в целях изготовления и (или) распространения порнографических материалов или предметов.

Так, 16.08.2019 продлевая срок содержания под стражей О., обвиняемому в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст.30, ч.1 ст.205, ч.1 ст.222 УК РФ, судья, учитывая обстоятельства и характер инкриминированных ему преступлений, а также способ приобретения обреза охотничьего ружья, получения необходимой информации и общения с неограниченным кругом лиц, придерживающихся его взглядов и идеологии Международного молодежного движения «Колумбайн» – с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», тот факт, что ранее он привлекался к административной ответственности по ст.20.29 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения, и что в его жилище была обнаружена печатная продукция организации, признанной экстремистской, счел обоснованными доводы органа предварительного следствия о том, что в случае нахождения на свободе у

обвиняемого будет иметься реальная возможность продолжить заниматься преступной деятельностью.[1]

Избирая 07.05.2023 меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении Р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.1.1 ст.205.1 УК РФ, судья, исходя из того, что он совместно с С., Я. и К., придерживаясь радикальных течений религии Ислам, поддерживая лиц, воюющих на территории Сирии в составе международной террористической организации «Хейят Тахрир аш-Шам», входящей в состав международной организации – «Джебхат ан-Нусра» (она же – «Фронт победы», «Джабха аль-Нусра ли-Ахль аш-Шам», «Фронт поддержки Великой Сирии»), признанной решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С террористической с запретом ее деятельности на территории России, через платежные терминалы (автоматы самообслуживания) перечислил переводами в безналичной форме денежные средства на действующий номер телефона, являющийся реквизитом платежной системы электронного расчетного счета «QIWI-кошелек», авторизированного в КИВИ Банк (АО), фактически используемый для зачисления и сбора денежных средств в качестве финансирования указанной террористической организации, пришел к выводу, что его радикальные религиозные убеждения, учитывая характер, степень общественной опасности инкриминированного деяния и период противоправной деятельности, в случае нахождения его на свободе будут способствовать продолжению занятию преступной деятельностью.[2]

При этом несовершеннолетие привлекаемого к уголовной ответственности лица при вышеизложенных обстоятельствах также не может свидетельствовать об отсутствии у него возможности продолжить заниматься преступной деятельностью.

Так, избирая 09.04.2024 меру пресечения в виде заключения под стражу несовершеннолетней С., судья установил, что она обвиняется в совершении умышленного средней тяжести преступления против собственности, предусмотренного п. «в» ч.2 ст.158 УК РФ. Обвиняемая является воспитанницей детского дома № 1 (КГБУ), где постоянно проживает. Однако, она неоднократно самовольно покидала данное учреждение, возвращаясь самостоятельно или доставляясь сотрудниками полиции. Проводимые профилактические беседы не приносят желаемых результатов, свои обещания она не выполняет, в целом характеризуется отрицательно.

С. ранее неоднократно привлекалась к уголовной ответственности за совершение однородных и аналогичных преступлений. Хотя на момент рассмотрения вопроса о мере пресечения она не имела неснятых и непогашенных судимостей, 08.02.2023 в отношении нее Кировским районным судом г. Хабаровска прекращено уголовное дело по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража с причинением значительного ущерба гражданину), с применением принудительных мер воспитательного воздействия в виде установления особых

[1] Архив Центрального районного суда г. Хабаровска. Дело № 3/2-111/2019.
[2] Архив Центрального районного суда г. Хабаровска. Дело № 3/1-56/2023.

требований к поведению сроком на два года. Несмотря на это, возложенные судом обязанности и меры воспитательного воздействия обвиняемая не исполняет. Состоит на учете в отделе участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних. Кроме того, на момент рассмотрения настоящего ходатайства в производстве Северного межрайонного следственного отдела г. Хабаровска находится уголовное дело по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная из жилища).[1]

Указанные обстоятельства дали суду достаточные основания полагать, что в случае нахождения на свободе обвиняемая, несмотря на свой несовершеннолетний возраст, может скрыться от органов предварительного следствия и суда, а также продолжить заниматься преступной деятельностью.

Таким образом, при оценке риска продолжения преступной деятельности подозреваемым (обвиняемым) необходимо учитывать наличие доказательств, в том числе полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, подтверждающих, что в настоящее время он планирует совершение каких-либо противоправных деяний, ведет переговоры об этом, занимается поиском средств и соучастников для совершения преступлений. Также следует учитывать, осуществляется ли уголовное преследование данного лица в связи с его причастностью к совершению иных преступных деяний по другим уголовным делам, и характеризуется ли он как лицо, склонное к совершению преступлений или правонарушений, либо как лицо, ведущее антиобщественный образ жизни, что может свидетельствовать о его потенциальной социальной опасности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // СПС "КонсультантПлюс".

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС "КонсультантПлюс".

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС "КонсультантПлюс".

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г № 195-ФЗ // СПС "КонсультантПлюс".

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС "КонсультантПлюс".

6. Архив Центрального районного суда г. Хабаровска.

[1] Архив Центрального районного суда г. Хабаровска. Дело № 3/1-57/2024.

Н.Р. Сидякина
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Приводится статистика преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами. Анализируется форма участия педагога, психолога и законного представителя при допросе. Также рассматриваются проблемы, возникающие при проведении допроса.

Ключевые слова: следственные действия, допрос, несовершеннолетний, психолог, педагог, время, допроса.

По-прежнему преступления, совершенные несовершеннолетними, имеют место быть и сегодня, об этом гласят статистические данные, представленные Генеральной прокуратурой РФ. Проанализирован последний десятилетний период совершения преступлений по данной категории, замечена тенденция их снижение в два раза, несмотря на это существует стремление к еще большей минимизации преступлений совершенных несовершеннолетними лицами. Учетом установлено, что за 2021 год было совершено 28,1 тысяч преступлений. А за период январь-декабрь 2022 года зафиксировано 25,5 тысяч преступлений, совершенных несовершеннолетним[1].

Известно, что несовершеннолетние совершают такие преступления как: умышленные убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилование, грабежи и разбои, кражи, хулиганства, угоны транспортных средств. Современное законодательство содержит правила, которые предоставляют достаточно большой объем гарантий для несовершенно летних лиц, так как они выступают специальными субъектами.

Требования, характерные для допроса несовершеннолетних, которые содержатся в положениях УПК РФ, нуждаются в корректировке и доработке. Но, несмотря на установленные правила, сотрудники органов внутренних дел нередко ими пренебрегают. Как отметил Бауэр Д.А., допрос является самым эффективным следственным действием на этапе предварительного расследования, он представляет собой получение и фиксацию сотрудником органов внутренних дел информацию, предоставленную допрашиваемым, о фактах ставших ему известными в результате преступной деятельности[2].

[1] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021-2022 г [Электронный ресурс URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_6 2020.pdf (Дата обращения: 04.02.2025).

[2] Бауэр Д. А. Производство допроса на стадии предварительного расследования: особенности и проблемы // Актуальные вопросы юридических наук. Издательство Молодой ученый, 2017. С. 122–125.

Благодаря допросу следователь имеет уникальную возможность получить необходимый объем информации о совершенном преступлении. Сотрудник не владеющий тактикой допроса, не сможет правильно его организовать, подготовить
актуальные вопросы, а в дальнейшем получить ответы на них. Несовершенноле тнее лицо - психически не сформировавшаяся личность, которая способна подвергаться воздействию внешних раздражителей, поэтому не стоит обходить стороной факт подготовки производства допроса. При проведении данного следственного действия предусматривается обязательное присутствие законного представителя, психолога или педагога, которые часто так и норовят сорвать допрос.

Следователю необходимо произвести сбор и исследование информации о личности несовершеннолетнего, проанализировать материалы уголовного дела. А.В. Дулов отмечает, что изучить личность обвиняемого, с точки зрения психологии, означает обратить особое внимание на нравственные качества, навыки и привычки, формы психического отражения, физическую сущность лица как человеческого индивида[1]. Следователю необходимо учитывать все возможные внешние раздражители и эмоциональное состояние несовершеннол етнего лица.

Только с мотивированного разрешения следователя либо при необходимости, законный представитель, педагог и психолог могут участвовать в допросе несовершеннолетнего гражданина, об этом свидетельствую ст. ст. 425 и 426 УПК РФ. В соответствии со ст. 425 УПК РФ в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

Остро ставится вопрос участия педагога или психолога в следственном действии, на что нам гласит ч. 3 ст. 425 УПК РФ, именно там два этих участника соединены союзом «или» между собой, что предоставляет выбор присутствия кого-то одного. Педагог и психолог являются носителями специальных знаний, имею большие познания в области педагогики, детской и юношеской психологии, но их процессуальные статусы отличны друг от друга, поэтому участие одного не должно исключать участие другого при производстве допроса несовершеннолетнего гражданина. Педагог в допросе обеспечивает полную защиту прав и законных интересов допрашиваемого, в тоже время является гарантом правильного проведения допроса и обеспечения прав допрашиваемого.

На наш взгляд, анализируя все вышесказанное, педагог выполняет функции законного представителя, так как именно он должен гарантировать правильное проведение допроса, поэтому присутствие педагога важно только в том случае, если законному представителю не удается присутствовать при допросе. Участие психолога при проведении допроса и подготовке к нему имеет очень важное и нужное значение, так как именно он способствует установлению

[1]Дулов А.В. Судебная психология: учебное пособие. Минск, 1975. С. 464.

психологического контакта, так же следователь может получить совет у психолога об психологических особенностях ребенка определенного возраста, о его среде обитания и влиянии сверстников. Проанализировав вышесказанное можно сказать, что участие психолога является более целесообразным, так как деятельность специалиста может быть направлена не только на оптимизацию проведения самого допроса, но и процедуру его подготовки. В УПК РФ сказано только об обязательном присутствии при допросе педагога и психолога, но нет детальной трактовки этих определений, не разграничены права и роль. В статье УПК РФ следует сделать дополнение о трактовке педагога и психолога, прописать их обязанности при проведении допроса несовершеннолетних граждан.

По ст. 426 УПК РФ законный представитель обязан участвовать при проведении допроса несовершеннолетнего. В п. 12 ст. 5 УПК РФ сказано, что законными представителя являются: родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства. К выбору законного представителя стоит подойти очень тщательно, потому что от этого зависит эмоциональное состояние допрашиваемого, степень его раскрепощенности и желания давать правдивые показания. В случае, если следователь замечает негативное воздействие законного представителя на несовершеннолетнего допрашиваемого, законный представитель исключается из списка участников следственного действия и в ближайшее время подыскивается новый представитель интересов, либо назначается государственный защитник. Так как законные представители должны отстаивать и защищать интересы своих подопечных, а не противоречить им, об этом свидетельствует ч. 1 ст. 65 Семейного Кодекса Российской Федерации.

Актуальным вопросом является время, которое затрачивается на проведение допроса несовершеннолетнего лица. В ч. 1 ст. 425 УПК РФ закреплено положение, которое свидетельствует о том, что допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться бо лее 4 часов в день, с обязательными перерывами каждые 2 часа, это является серьезным препятствием при продолжительных и энергозатратных допросах. В завершении которых допрашиваемые готовы подписать любые документы, в обмен на быстрое завершение следственного действия. Существует подтвержденная теория, что лица, не достигшие возраста совершеннолетия, способны концентрироваться на определенном объекте только в течении 40-45 минут, поэтому рациональнее было бы внести изменения в статью касаемо времени проведения допроса, с учетом особенностей подростков в области физиологии.

Еще одним важным вопросом является отсутствие нужной платформы для проведения допроса несовершеннолетних. Традиционно, допрос подростков проводится в кабинете следователя или дознавателя. Обстановка в

подразделении следственного органа является не привычной для несовершенно летнего, он чувствует дискомфорт и ущемление в своих действиях, порой страх и скрытость в дачи правдивых и истинных показаний. Для этого необходимо предоставить возможность проведения допрос несовершеннолетних лиц не на территории следственного органа, а в специализированном образовательном учреждении или даже дома в присутствии родителей, либо же оборудовать специальное помещение в стенах следственного подразделения[1].

В заключении, можно сказать, что в рассмотренной теме имеются пробелы на законодательном и практическом уровне, решить которые возможно путем внесения в уже существующие статьи УПК РФ дополнения, прописав понятия педагога, психолога, их права и задачи; конкретизировать информацию касающуюся законных представителей; определить временной промежуток допроса несовершеннолетнего; обеспечить сотрудников органов внутренних дел условиями, необходимыми для комфортного проведения следственного действия, это необходимо для того, чтобы допрос имел успешное завершение, при этом не нарушая закон.

Литература

1. Бауэр Д.А. Производство допроса на стадии предварительного расследования: особенности и проблемы // Актуальные вопросы юридических наук. Издательство Молодой ученый, 2017. С. 122–125.
2. Дулов А.В. Судебная психология: учебное пособие. Минск, 1975.
3. Рогачева В.Н., Кожич И.С. Проблемные аспекты проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого // Молодой ученый. 2022. № 49 (444). С. 455–457.
4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021-2022 г URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_6_2020.pdf (дата обращения: 04.02.2025).

Р.В. Тарасенко
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Проблемы осмотра места происшествия в жилище в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении

Аннотация: В статье автором рассмотрены проблемы производства осмотра места происшествия в жилище на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении. На основе анализа судебно-следственной практики и норм действующего законодательства обосновывается вывод о необходимости внесения изменений в ст. 177 УПК РФ с целью разрешения существующих противоречий.

[1] Рогачева В. Н. Проблемные аспекты проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого. В. Н. Рогачева, И. С. Кожич. // Молодой ученый. 2022. № 49 (444). С. 455–457.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, жилище, предварительная проверка, следственное действие.

Одним из спорных вопросов, не урегулированных на законодательном уровне, на сегодняшний день остается проблема осмотра места происшествия в жилище в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении.

Само понятие «место происшествия» законодателем в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации не раскрывается, и как правило им считается то место, где непосредственно произошло интересующее органы предварительного расследования событие. С целью выяснения всех обстоятельств предполагаемого преступного события, в ходе предварительной проверки должностное лицо производит процессуальные и следственные действия, регламентированные ч. 1 ст. 144 УПК РФ, одним из которых выступает осмотр места происшествия.

На этапе проверки сообщения о преступлении, осмотр места происшествия проводится с целью фиксации, обнаружения и изъятия следов, объектов, а также установления других обстоятельств, свидетельствующих о возможном совершении преступления. Будучи самым распространенным следственным действием, оно позволяет следователю (дознавателю) изучить обстановку на месте происшествия, уяснить обстоятельства произошедшего и сопоставить полученные сведения с первоначальной информацией, отраженной в сообщении о преступлении, сделав предварительный вывод о том, имело ли место данное преступное событие или нет.

В настоящей статье мы рассмотрим проблемные вопросы производства осмотра места происшествия, в случаях, когда местом его производства выступает жилище граждан.

Так, согласно ст. 25 Конституции Российской Федерации жилище неприкосновенно, никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения[1].

Однако на практике у следователя (дознавателя) не редко возникают ситуации, когда при проверке сообщения о преступлении, проживающее в жилище лицо не имеет объективной возможности участвовать в следственном действии, либо не дает согласие на его проведение. В таком случае закономерно возникает вопрос, необходимо ли получение согласия проживающих лиц на проведение осмотра места происшествия, если таковым является жилище? Рассмотрим ситуацию, когда при производстве осмотра места происшествия в жилище, у следователя (дознавателя) отсутствует разрешение от проживающих в нем лиц на его производство.

Согласно ч. 1 ст. 164, ч. и 1 ст. 176 УПК РФ вынесение следователем (дознавателем) постановления для производства осмотра места происшествия не

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ-правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения: 09.03.2025 г.).

требуется, однако в исключительных случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ, осмотр жилища производится на основании постановления вышеуказанных должностных лиц, с обязательным уведомлением судьи и прокурора в срок не позднее 3-х суток с момента его начала. Однако, стоит отметить, что действующий УПК РФ не содержит в своих нормах перечня случаев нетерпящих отлагательства. Определенную ясность по данному вопросу дает п. 16 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 01.06.2017 № 19 «практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)»[1].

Также согласно п. 1.9 Приказа Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 в числе прочего неотложным считается случай, когда неотложность проведения следственных действий обусловлена обстановкой только что совершенного преступления[2]. В данном случае, осмотр места происшествия будет носить характер, не терпящий отлагательств и должностное лицо в указанный законе срок обязано предоставить в суд и прокурору копии материалов, в том числе постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству. Из этого следует, что в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении, где местом совершения является жилище, следователь (дознаватель) уполномочен провести в нём осмотр места происшествия без предварительного судебного согласия, с обязательным последующим уведомлением прокурора и суда с предоставлением вышеуказанного перечня процессуальных документов и в указанный в законе срок. Данный алгоритм действий является юридически прозрачным, что в свою очередь позволяет обжаловать действия должностного лица и предполагает возможность признания полученных доказательств недопустимыми.

Однако, такой процессуальный порядок действий, вызывает определенные сомнения, поскольку в практической деятельности подобный алгоритм невозможно реализовать ввиду того, что отсутствуют основания для возбуждения уголовного дела, получить которые возможно лишь после осмотра места происшествия.

В этой связи в научной литературе высказывается мнение о том, что осмотр места происшествия в жилище может проводиться и без согласия проживающих

---

[1] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения: 08.03.2025 г.).

[2] Приказ Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного следствия в Следственном комитете Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения: 08.03.2025 г.).

в нем лиц и не требует судебного решения, а также обязательного уведомления судьи и прокурора.[1]

Рассмотрим иную ситуацию, где сопротивления органу предварительного расследования не оказывается и лицо даёт своё согласие на проведение с его участием осмотра места происшествия в жилище. В данном случае судебные инстанции придерживаются следующей правовой позиции. Как указал Президиум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 4 февраля 2015 г. №171-П14 «осмотр места происшествия – жилища осуществляется с согласия проживающих в нем лиц; при получении такого согласия не предусматривается получение судебного решения»[2].

В практической плоскости данное требование реализуется органами предварительного расследования следующим образом: перед началом проведения осмотра места происшествия в жилище, проживающему в нем лицу разъясняются требования ст. 25 Конституции Российской Федерации, после чего в протоколе следственного действия делается отметка о том, что лицо не возражает против производства осмотра. В следственной практике встречаются случаи, когда в протоколе осмотра места происшествия имеется лишь одна подпись собственника жилища, без какой-либо формулировки, что он не возражает против производства данного следственного действия. В этом случае суд признавал производство осмотра места происшествия в жилище законным и обоснованным.[3]

Противоположным примером выступает решение Новосибирского областного суда от 10 марта 2022 года, когда протокол осмотра места происшествия в жилище Е. признан недопустимым доказательством, поскольку следственное действие было проведено без его согласия и без судебного решения[4].

Складывающаяся на сегодняшний день практика показывает, что работники органов прокуратуры требуют от должностного лица, проводившего осмотр места происшествия в жилище, при составлении протокола следственного действия делать об этом отметку. В свою очередь, это противоречит нормам УПК РФ, а именно ст. 176-177 УПК РФ, как итог, вызывает недопонимание и затруднения со стороны лица, производящего предварительное расследование.

---

[1] Чернышев М.А. Актуальные вопросы осмотра места происшествия в жилище // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 248.

[2] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2015 №171-П14 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): интернет-портал. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 07.03.2025 г.)

[3] Кассационное определение Курчатовского городского суда от 07 апреля 2011 г. №22-592 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): интернет-портал. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 09.03.2025 г.)

[4]Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 10.03.2022 по делу № 22-1071/2022 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): интернет-портал. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 08.03.2025 г.)

Таким образом, по нашему мнению, должностному лицу в протоколе осмотра места происшествия необходимо отражать согласие проживающего в жилище лица отметкой в верней части протокола словами, написанными собственноручно: «Право, предусмотренное ст. 25 Конституции РФ мне разъяснено и понятно, против осмотра моего жилища не возражаю», за подписью всех участвующих в следственном действии лиц.

Учитывая вышеизложенное, на наш взгляд, необходимо дополнить положения ч. 1 ст. 177 УПК РФ словами: «Осмотр жилища допускается без согласия проживающих в нём лиц и без получения на его производства судебного решения в том случае, если жилище является местом происшествия».

Литература

Чернышев М.А. Актуальные вопросы осмотра места происшествия в жилище // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 248–253.

Н.А. Трубачев
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Отдельные вопросы исчисления процессуальных сроков при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления

Аннотация. В статье рассматривается проблема исчисления срока задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Особое внимание уделяется вопросу длительного доставления подозреваемого, обусловленного объективными обстоятельствами. Автор обосновывает необходимость закрепления в законодательстве процедуры последующего судебного контроля за обоснованностью задержки передачи подозреваемого следователю или органу дознания.

Ключевые слова. Подозреваемый, задержание, фактическое задержание, доставление задержанного, процессуальный срок.

Признание человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности на конституционном уровне привело к значительным преобразованиям в правовой системе, особенно в вопросах ограничения этих прав. В уголовно-процессуальной сфере произошла модернизация подходов к применению мер процессуального принуждения. Национальное законодательство адаптировало международные стандарты, предусматривающие судебный контроль за длительным ограничением свободы и личной неприкосновенности. В соответствии со ст. 22 Конституции Российской Федерации, право на свободу и личную неприкосновенность гарантировано каждому, при этом допускается его ограничение в форме задержания на срок до 48 часов без судебного решения. Данное положение отражает баланс между необходимостью оперативного

реагирования правоохранительных органов и защитой прав личности от произвольных действий.

Защита прав личности на свободу и неприкосновенность представляет собой ключевой фактор оценки демократического характера правовой системы государства, что полностью согласуется с международными стандартами и нормами[1].

Нормативное регулирование задержания подозреваемого включает не только фиксацию 48-часового срока ограничения свободы, но и четкое определение момента, с которого этот срок начинает исчисляться. В соответствии с п. 11 ст. 5 УПК РФ, отсчет начинается с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Законодатель также конкретизирует это понятие: момент фактического задержания – это момент, когда подозреваемый фактически лишается свободы передвижения в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ (п. 15 ст. 5 УПК РФ). Правовой институт задержания подозреваемого предусматривает обязанность уполномоченных лиц оформить протокол задержания не позднее чем через три часа после доставления лица к следователю или в орган дознания (ч. 1 ст. 92 УПК РФ).

При этом, хотя п. 15 ст. 5 УПК РФ определяет момент фактического лишения свободы передвижения подозреваемого, законодательство не содержит детального регулирования порядка реализации этого процесса. Кроме того, действующие нормы не устанавливают четкой процедуры доставления задержанного, подозреваемого в совершении преступления, к следователю, что создает правовую неопределенность. Отмечаем, что проблематика положений, закрепленных в п. 11 и 15 ст. 5, а также в ч. 1 ст. 92 УПК РФ, неоднократно становились предметом детального изучения в рамках судопроизводства в Конституционном Суде Российской Федерации (далее – КС РФ). В ходе рассмотрения жалоб на данные нормы КС РФ пришел к выводу об их соответствии Конституции РФ и отсутствии в них нарушений прав заявителей.

В своих решениях КС РФ подчеркнул, что требование о фиксации времени задержания в протоколе, установленное статьей 92 УПК РФ в сочетании с п. 15 ст. 5 УПК РФ, выполняет важную функцию защиты прав граждан. Данная процедура выступает ключевым механизмом предотвращения нарушений уголовно-процессуального законодательства и необоснованного продления сроков содержания лица под стражей[2]. Более того, указанные нормы

[1] Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2004. 671 с.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 № 1579-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дядченко Сергея Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5 и статьей 92

обеспечивают точность определения момента начала исчисления срока задержания, связывая его с фактическим ограничением свободы подозреваемого. Это позволяет минимизировать риски произвольных толкований и гарантирует соблюдение принципа законности в уголовном процессе[1].

Подобный вывод, основанный на системном анализе указанных положений уголовно-процессуального законодательства, также находит свое подтверждение в научных исследованиях. Тем не менее, в правоприменительной практике нередко встречаются случаи, когда срок задержания подозреваемого исчисляется иначе.

Фактическое задержание, как процессуальный акт, влечет за собой ряд значимых правовых последствий. В частности, следователь обязан провести допрос подозреваемого в течение 24 часов с момента задержания (ч. 2 ст. 46 УПК РФ). Кроме того, именно с этого момента начинает действовать право на участие защитника в уголовном деле, а также исчисляются сроки задержания и содержания под стражей. Как справедливо отмечает С. Б. Россинский, законодательная конструкция, регулирующая вопросы задержания и доставления, сформулирована настолько неоднозначно, что порождает больше вопросов, чем предоставляет ясных ответов[2].

А. В. Гриненко предлагает внести корректировки в ч. 1 ст. 92 УПК РФ, согласно которым подозреваемый должен быть доставлен в компетентный орган и оформить протокол задержания в течение трех часов после фактического ограничения свободы. При этом необходимо разъяснить лицу его права, закрепленные в статье 46 УПК РФ, а также обеспечить их реализацию[3].

Однако, на наш взгляд, установление такого строгого временного лимита может столкнуться с рядом практических сложностей, в частности, учитывая территориальные особенности России и ее масштабы. Реализация трехчасового срока может быть затруднена в условиях значительных расстояний между местами задержания и правоохранительными органами.

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 № 2783-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скляра Дениса Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 97 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” и рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Россинский С. Б. Момент фактического задержания подозреваемого сквозь призму конституционно-межотраслевого подхода // Российский следователь. 2018. № 8. С. 29–33.

[3] Гриненко А. В. Самозащита в досудебном уголовном процессе // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 27–31.

Вместе с тем, использование более общей формулировки о "незамедлительном" доставлении могло бы стать более гибким решением. Такой подход позволил бы избежать формального подхода к временным рамкам, сохраняя при этом возможность минимизировать необоснованные задержки. На практике нередко возникают ситуации, когда после фактического задержания сотрудники правоохранительных органов проводят дополнительные процессуальные действия, оставляя лицо в состоянии вынужденного "ожидания".

Мы разделяем позицию Н. В. Азаренок и А. А. Давлетова, которые справедливо отмечают, что ключевая задача законодателя заключается в сведении к минимуму временного интервала между физическим задержанием (реальным ограничением свободы лица) и юридическим оформлением данного факта через составление протокола[1]. Тем не менее, остается актуальной проблема, связанная с продолжительным доставлением задержанного подозреваемого сотрудниками правоохранительных органов в случаях, когда задержки вызваны объективными факторами. К таким факторам относятся значительная удаленность места задержания, экстремальные климатические условия, неблагоприятные погодные явления и другие аналогичные обстоятельства, которые могут существенно затруднить своевременное доставление. Исключительность обстоятельств и дальнейшее их документальное обоснование, возникших в процессе фактического задержания и доставления подозреваемого, может служить оправданием для нарушения конституционного срока.

На основе вышеизложенного представляется целесообразным введение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ механизма последующего судебного контроля, аналогичного тому, который применяется при оценке законности и обоснованности следственных действий, проводимых в случаях, не терпящих отлагательств. (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Действующий процессуально-правовой институт задержания подозреваемого, безусловно, нуждается в доработке. Однако любые изменения должны учитывать, как приоритет защиты прав человека, так и интересы уголовного судопроизводства как публичной сферы. Достижение баланса между этими ценностями станет показателем прогрессивного развития уголовно-процессуального права, направленного на всестороннюю защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

[1] Азаренок Н. В., Давлетов А. А. С какого момента следует исчислять срок задержания подозреваемого? // Российский следователь. 2018. № 5. С. 8–11.

Литература

1. Азаренок Н. В., Давлетов А. А. С какого момента следует исчислять срок задержания подозреваемого? // Российский следователь. 2018. № 5. С. 8–11.
2. Гриненко А. В. Самозащита в досудебном уголовном процессе // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 27–31.
1. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2004. 671 с.
3. Россинский С. Б. Момент фактического задержания подозреваемого сквозь призму конституционно-межотраслевого подхода // Российский следователь. 2018. № 8. С. 29–33.

И.С. Трубчик
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
Хабаровский филиал

Наложение ареста на имущество при расследовании уголовных дел коррупционной направленности

Аннотация. Эта статья рассматривает коррупционные преступления в различных сферах экономики. По делам данной категории проводятся оперативно розыскные мероприятия и принимаются безотлагательные меры по отысканию имущества, на которое может быть наложен арест.

Ключевые слова: еоррупционные преступления, взаимодействие, оперативно-розыскные мероприятия, поиск имущества, ходатайство, суд, взятка.

Расследование коррупционных преступлений в различных сферах государственной деятельности остаётся одним из приоритетных направлений деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, которое не теряет актуальности на протяжении последних лет. Следователями Следственного комитета Российской Федерации в целом принимаются комплексные меры к совершенствованию расследования уголовных дел данной категории.

Глава ведомства Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин отметил, то, что «нарастающий вал коррупционной преступности требует не только репрессивных, но и научно обоснованных, хорошо выверенных законодательных мер[1].

На протяжении последних лет основной массив коррупционных преступлений представляют взяточничество на различных уровнях государственной власти. Поэтому перед правоохранительными органами стоят задачи по выявлению и расследования как мелкого взяточничества, так и взяток в крупных, особо

[1] Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. Режим доступа: www.sledcom.actual\416890\

крупных размерах. Особое внимание уделяется выявлению сложных коррупционных схем и наиболее опасных коррупционных проявлений, которые связаны с хищением бюджетных денежных средств при исполнении государственных и муниципальных контрактов, в сферах ЖКХ, государственных закупок и автодорожного хозяйства. Раскрывать такие преступления довольно сложно, так как они выявляются спустя продолжительное время после их совершения.

В ходе доследованных проверок и возбуждения уголовных дел необходимо выявлять следующие нарушения, которые касаются скрытых нарушений в проектно-сметной документации, в части определения объемов работ и цены контракта, проверки соблюдения процедур заключения и исполнения контрактов.

Бесспорно, важную роль в борьбе с коррупционными преступлениями играет проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые невозможно выявить следственным путем. Доказательственным базисом по уголовным делам о коррупционных преступлениях является грамотно проводимые оперативно-розыскные мероприятия, а в последующем — это гарантия успешного расследования и направления уголовных дел в суд. В результате чего, значительно сокращаются сроки расследования по указанной категории дел.

Кроме того, еще на стадии доследственной проверки так и в ходе предварительного расследования необходимо принимать меры к отысканию имущества, на которое впоследствии может быть наложен арест. Наложение ареста на имущество (ст.115-116 УПК РФ) можно рассматривать как обеспечительную меру процессуального принуждения сокрытия или отчуждения имущества и её целью служит обеспечить исполнение приговора в части имущественных взысканий.

Можно привести, яркий пример из следственной практики по взаимодействию следственных органов и оперативных служб по поиску денежных средств у взяткополучателя.

Так, в ходе расследования уголовного дела, возбуждённого 14.01.2023 г. по обвинению Л, установлено, что он, являясь заместителем директора департамента земельных и имущественных отношений Приморского края, получил от гр. К взятку в крупном размере 300 тысяч рублей за оказание ООО «СЗ «Мега Сити» содействия в заключении договора аренды земельного участка, а также в период с декабря 2021 г. по январь 2022 г. убедил начальника УМС г. Владивостока гр. К. принять незаконное решение о предоставлении в общую долевую собственность граждан земельного участка без проведения торгов, на основании которого был заключен договор купли-продажи земельного участка по цене 1 млн рублей, что составляет 5% от кадастровой стоимости[1].

В ходе расследования по поиску имущества и денежных средств у обвиняемого Л. проводились оперативно-розыскные мероприятия, которые позволили установить, что в депозитарии индивидуальных банковских сейфов

[1] Архив Первореченского районного суда г. Владивостока

ПАО АКБ «Приморье» у гр. Ч. который является дядей обвиняемого Л. открыта банковская ячейка 16.01.2023 года.

Кроме того, органы предварительного следствия во взаимодействии с оперативными службами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность получили достаточные основания полагать, что указанные денежные средства принадлежат обвиняемому Л., что подтвердилось в ходе расследования.

К тому же, следствием было установлено, что спустя 2 дня после задержания гр. Л на имя его дяди Ч. была открыта банковская ячейка и при прослушивании телефонов между женой обвиняемого и его дядей зафиксирован разговор о встречи их в банке и необходимости забрать кое, что. Это подтвердила версию следствия, что денежные средства принадлежат обвиняемому Л.

В связи с чем, органы предварительного следствия вышли с ходатайством в Фрунзенский районный суд г. Владивостока о разрешении наложения ареста на денежные средства, которые впоследствии были изъяты из банковской ячейки, открытой на гр. Ч. денежные средства в сумме 13,5 млн рублей и 10 тысяч. долларов США.

В заключение необходимо отметить, что следственная практика может столкнуться с тем, когда возникают проблемы при наложении ареста на имущество третьих лиц, а в их число могут, входит как близкие родственники, так и знакомые. Тогда перед органами предварительного следствия стоит задача представить в суд доказательства, которые бы опровергали показания третьих лиц по нахождению у них имущества, добытого преступным путем. Вследствие этого, можно сказать, что тесное взаимодействие следствия с оперативными службами может решить задачу по поиску имущества.

Литература

1. Квалификация деяния тактика и методика расследования коррупционных преступлений. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.

2. Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений: учебное пособие /под общ. ред. В.Н. Карагодина. Москва: Проспект, 2016.

В.Б. Хазизулин
Университет прокуратуры Российской Федерации
Дальневосточный юридический институт (филиал)

Противодействие коррупции путём использования результатов предварительного расследования в гражданском и административном судопроизводстве

Аннотация. В статье приводится правовое обоснование гражданско-правовой ответственности физических лиц и административной ответственности юридических лиц за причастность к совершению коррупционных деяний. Определяется природа имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы. Раскрывается значение межведомственного взаимодействия органов прокуратуры и следственных органов в целях эффективного противодействия коррупционным проявлениям и их профилактики.

Ключевые слова: коррупция, должностное лицо, прокурор, следователь, ответственность, имущество, уголовное дело, судопроизводство.

Действующее законодательство о противодействии коррупции, признавая государственную и общественную нетерпимость к этому явлению, предусматривает ответственность как юридических, так и физических лиц. Причём последние несут её не только в уголовном, но и в гражданско-правовом порядке.

Коррупция, как преступная деятельность, обладает собственной спецификой, так как в силу своей сущности представляет угрозу национальной безопасности. С учётом этого признака соответствующие преступления выделяются исследователями в самостоятельную группу.

В настоящее время для коррупционных преступлений характерны такие основные их особенности, как: скрытность преступных действий, которая обеспечивается использованием заинтересованных, подставных, аффилированных, в том числе юридических, лиц; особая подготовленность их субъектов – должностных лиц, интеллектуальный характер их деяний; сложность, нестандартность, разнообразие и частое обновление методов осуществления преступлений и применяемых способов их сокрытия; многоэпизодность преступных деяний вследствие их латентности; использование цифровых возможностей и интернет-банкинга, что предполагает дистанционный характер преступного деяния при отсутствия физического контакта заинтересованных лиц; легализация имущества, полученного вследствие коррупционного поведения. Всё это в своей совокупности предопределяет объективную сложность выявления и пресечения таких преступлений.

Вместе с тем, в большинстве своём коррупция сопровождается внешним улучшением уровня жизни и ростом материального благосостояния чиновника (или его родственников), что даёт основание для осуществления контрольных

мероприятий за соответствием расходов должностного лица и его родственников их легальным доходам.

На протяжении последних нескольких лет в российской правоприменительной практике в рамках антикоррупционных мер активно применяется институт обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы. Инициатором такого обращения выступает прокурор, который обязан координировать деятельность правоохранительных органов по борьбе с коррупцией и реализовывать иные полномочия для противодействия ей.

Правовым основанием для реализации названного института являются положения п. п. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, введённые в действие Федеральным законом от 03.12.2012 № 231-ФЗ, предусматривающие возможность принудительного изъятия имущества у собственника по указанным причинам в рамках гражданского судопроизводства по иску прокурора.

При этом в основу требований об обращении в доход государства имущества, как приобретённого вследствие нарушения лицом, занимающим публичную должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, может быть положено предположение, что его приобретение обусловлено совершением этим лицом конкретных коррупционных деяний (получение взятки, злоупотребление полномочиями, незаконное участие в предпринимательской деятельности и т.п.).

Из этого следует, что имущество, полученное вследствие нарушения установленных антикоррупционным законодательством запретов и ограничений, подлежит обращению исключительно в доход государства и не может являться легальным объектом гражданского оборота, быть законным средством платежа и погашения обязательств по кредитам, а также находиться у кого-либо на законных основаниях.

Статья 10 ГК РФ запрещает действовать в обход закона и преследовать противоправные цели. В силу п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать имущество из недобросовестного поведения. Всякий, кто обходит закон, фактически переводит вид своей деятельности из легального положения в нелегальное.

Таким образом, обозначенное правовое регулирование рассматриваемой сферы правоотношений является достаточным для понимания того, что нажитое посредством коррупции имущество изымается из оборота, а преодоление этого установления и всякие операции с ним относятся к числу недопустимых, оцениваются как легализация (отмывание) и также преследуются по закону.

Переходя к ответственности юридических лиц, отметим, что согласно действующему антикоррупционному законодательству они могут быть привлечены к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ за незаконное вознаграждение от их имени и в их интересах. Инициатива возбуждения соответствующих дел отнесена к исключительной компетенции прокурора.

Анализ правоприменительной практики показывает, что вышеизложенные факты наличия у чиновника имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, а также коррупционного поведения со стороны юридических лиц, устанавливаются, как правило, и исследуются следователями в ходе досудебного судопроизводства по уголовным делам коррупционной направленности.

В связи с этим активное взаимодействие следователя и прокурора в процессе предварительного расследования преступлений рассматриваемой категории позволяют оперативно добывать доказательства и использовать полученные данные в дальнейшем в ходе гражданского и административного судопроизводства при доказывании соответственно фактов незаконного обогащения должностных лиц и коррупционных действий от лица или в пользу юридических лиц.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ , материалы уголовных дел принимаются судами в гражданском процессе в качестве письменных доказательств, поскольку при рассмотрении исковых требований прокурора представленные им доказательства неосновательного обогащения чиновника не оцениваются в качестве доказательств причастности (непричастности) ответчика к инкриминируемому ему уголовно-наказуемому деянию, а равно в качестве доказательств виновности (невиновности) в совершении преступления в рамках уголовного дела .

Положения же ст. 28.1 КоАП РФ позволяют рассматривать материалы уголовного дела о коррупционном преступлении в качестве повода для возбуждения дела об административном правонарушении в отношении юридического лица. При этом полученные в ходе досудебного уголовного судопроизводства сведения принимаются в порядке административного судопроизводства и рассматриваются в качестве доказательств противоправной деятельности такого лица.

В связи с этим при наличии соответствующих сведений своевременное направление руководителем следственного органа надлежаще заверенных копий материалов уголовных дел коррупционной направленности прокурору для реализации им вышеуказанных полномочий должно рассматриваться в качестве необходимой составляющей предварительного расследования этой группы преступлений. Как показывает практика правоприменения, именно такой подход позволяет эффективно решать государственную задачу всесторонней борьбы с коррупцией и осуществлять профилактику данного явления.

Литература

1. Гармаев Ю.П. Методологические подходы к созданию криминалистических методик расследования коррупционных преступлений // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61). С. 72-77.

2. Хазизулин В.Б. Изъятие коррупционных доходов и имущества как следственная необходимость // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 4. С. 189-196.
3. Хазизулин В.Б. Особенности взаимодействия прокурора и следователя в процессе правовой оценки коррупционных проявлении юридических лиц // Прокурорская деятельность: актуальные проблемы теории и практики: сборник статей участников семинаров и круглых столов, проведённых Дальневосточным юридическим институтом (филиалом) Университета прокуратуры Российской Федерации в 2023 и 2024 годах / Дальневост. юрид. ин-т (фи-л) Ун-та прокуратуры РФ. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2024. С. 142-147.

*

М.М. Чепик
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Аннотация: в рамках статьи автором рассматриваются проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Отмечается, что раскрытие и расследование обозначенной категории преступлений сопряжено с определенными сложностями, обусловленными их спецификой, латентным и трансграничным характером. Сделан вывод о том, что для решения проблем противодействия обозначенной категории преступлений требуется выполнение комплекса правовых и организационных вопросов.

Ключевые слова: преступление, информационно-телекоммуникационные технологии, противодействие, цифровые технологии, искусственный интеллект

Появление и активная имплементация цифровых и электронных технологий во все сферы жизни современного общества и государства является закономерным результатом научно-технического прогресса. Расширение границ применения информационно-телекоммуникационных технологий привело к существенным изменениям в сфере государственного управления, экономике, медицине, правоохранительной деятельности и других областях. Однако, «одной из негативных тенденций технологического прогресса выступает возникновение опасности противоправного вмешательства в деятельность информационно-коммуникационных технологий и нанесение «вреда не только отдельным людям, но целым корпорациям и государствам»[1].

Повсеместное использование гражданами и обществом современных

[1] Бугаев В. А. Факторы преступности в сфере компьютерных технологий / В. А. Бугаев, А. В. Чайка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С. 139–145.

технологий, активное развитие информационного пространства и дистанционных услуг поспособствовало появлению абсолютно нового вида общественно опасных деяний, именуемых как «киберпреступления». Преступные элементы стали активно использовать современный инструментарий информационно-телекоммуникационных технологий для подыскания объекта преступного посягательства, исполнителей и соучастников, легализации похищенного и т.д.

На сегодняшний день к преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15 декабря 2022 г. относятся деяния, при выполнении которых (включая хотя бы одно из умышленных действий, создающих условия для совершения соответствующего преступления или входящих в его объективную сторону) использовались электронные или информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет[1].

Рассматривая динамику обозначенной категории преступлений за период с 2019 - 2024 гг. стоит отметить продолжающийся устойчивый рост их количества. Так, согласно отчету о состоянии преступности в январе - декабрь 2024 г. зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 34,8% в январе-декабре 2023 года до 40,0%. Почти половина таких преступлений (48,2%) относится к категориям тяжких и особо тяжких (369,3 тыс.; +7,8%), четыре преступления из пяти (84,8%) совершаются с использованием сети «Интернет» (649,1 тыс.; +23,2%), почти половина (45,2%) – средств мобильной связи (346,0 тыс.; +14,3%)[2].

Так, выступая на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России главой государства В.В. Путиным было отмечено, что ущерб от преступлений, совершённых с использованием информационных технологий превысил 200 миллиардов рублей, а их раскрываемость, к сожалению, снизилась и составила порядка 23%; с учетом сказанного им была обозначена необходимость поиска новых и эффективных методов борьбы в рамках существующей системы противодействия подобным преступлениям[3].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 07.03.2025).

[2] Краткая характеристика состояния преступности в России за январь - декабрь 2024 год URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/(дата обращения 08.03.2025).

[3] Расширенное заседание коллегии МВД России 5 марта 2025 г. // официальный сайт президента России / URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения 08.03.2025).

Действительно, складывающая ситуация, с учетом тенденции увеличения доли преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, свидетельствует о проблемах в существующей системе противодействия.

Стоит отметить, что раскрытие и расследование обозначенной категории преступлений сопряжено с определенными сложностями, обусловленными их спецификой. В-первую очередь это связано с высокой степенью их латентности, транснациональным характером и способностью к видоизменению. Во-вторых, следует обратить внимание на механизм преступления, в основе которого лежат цифровые технологии дистанционной передачи и обработки компьютерной информации (данных). В-третьих, это особенности оставленной следовой картины, в виде «цифровых следов».

Говоря о противодействии преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий можно выделить следующие основные проблемы:

1. Проблемы технического плана. В большинстве случаев данные проблемы связаны со слабой оснащённостью правоохранительных органов техническими и программными средствами, сложностями в получении информации с иностранных серверов, ограничением передачи интернет-провайдером конфиденциальных данных. Так же стоит отметить невысокую активность правоприменителя в использовании систем искусственного интеллекта и информационных систем на его основе для решения задач по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

Так, еще в январе 2024 года В.В. Путин рекомендовал правоохранительным органам и судам Российской Федерации «проанализировать практику применения технологий искусственного интеллекта при расследовании преступлений и при необходимости представить предложения по ее совершенствованию»[1].

2. Недостаток квалифицированных (компетентных) кадров. Несмотря на наличие в системе МВД России Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий и специализированных подразделений по расследованию IT-преступлений, большинство сотрудников, задействованных в раскрытии и расследовании обозначенной категории преступлений, не обладают достаточными специальными знаниями в сфере информационных технологий, что значительно усложняет расследование и противодействие.

3. К проблемам организационного характера можно отнести недостаточно эффективное взаимодействие и координацию между правоохранительными органами государственными и иными учреждениями, предприятиями, организациями, а также средствами массовой информации. В настоящее время отсутствие налаженного электронного документооборота между МВД России банковскими организациями и операторами сотовой связи существенно

[1] Путин поручил продумать более эффективное применение ИИ в расследованиях. URL: https://tass.ru/obschestvo/19747335 (дата обращения: 07.03.2025).

увеличивает сроки предоставления ответов на соответствующие запросы, что в конечном итоге влияет на сроки расследования[1].

4. Проблемы правового регулирования. На сегодняшний день остаются не урегулированными вопросы применения информационных технологий и систем искусственного интеллекта в процессе уголовно-процессуального доказывания; наложения ареста на банковские счета и криптовалюту; изъятия электронных носителей информации; применения электронного документооборота.

Таким образом, устранение обозначенных проблем требует выработки согласованного подхода к их решению и выполнению комплекса правовых и организационных мероприятий.

Литература

1. Бугаев В. А. Факторы преступности в сфере компьютерных технологий / В. А. Бугаев, А. В. Чайка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С. 139–145.
2. Нуриев И.Н. Уголовно-процессуальный механизм осуществления досудебного производства в разумный срок / монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 224 с.
3. Краткая характеристика состояния преступности в России за январь - декабрь 2024 год URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ (дата обращения: 08.03.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 07.03.2025).
5. Путин поручил продумать более эффективное применение ИИ в расследованиях. URL: https://tass.ru/obschestvo/19747335 (дата обращения: 07.03.2025).
6. Расширенное заседание коллегии МВД России 5 марта 2025 г. // официальный сайт президента России / URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 08.03.2025).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1] Нуриев И.Н. Уголовно-процессуальный механизм осуществления досудебного производства в разумный срок / монография. М.: Юрлитинформ, 2024.

А.А. Шевченко
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова

Проблемы уголовно-правовой оценки противоправных действий несовершеннолетних дропперов

Аннотация: Статья посвящена анализу проблем уголовно-правовой оценки противоправных действий несовершеннолетних дропперов. В статье рассмотрены основные проблемные аспекты, с которыми сталкивается правоприменитель при квалификации дропперства, а также предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: дроппер, дропперство, мошенничество, несовершеннолетний, преступление.

В условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий происходит постоянное изменение и совершенствование мошеннических схем. Данные изменения касаются и способов сокрытия преступных действий, к которым прибегают мошенники. В связи с этим одной из задач применительно к уголовному праву должно стать обеспечение адаптации судебной практики к существующим высокотехнологическим инновациям, применяемыми преступниками.

В настоящее время все большее распространение получил такой способ сокрытия следов мошеннических действий, как дропперство, который используется на этапе перевода денежных средств, добытых преступным путем, с банковского счета потерпевшего.

Промежуточным звеном в данной цепочке по переводу денежных средств, похищенных в ходе мошеннических действий, выступает дроппер. Согласно п. 4.7 «Методических рекомендаций о порядке действий в случае выявления хищения денежных средств в системах дистанционного банковского обслуживания, использующих электронные устройства клиента» (утв. АРБ) дроппер – (от англ. to drop – сбрасывать) подставное физическое или юридическое лицо, используемое в мошеннических схемах для обналичивания финансовых средств[1].

Таким образом, дроппер – это лицо, которое на свой банковский счет принимает денежные средства, полученные мошенническим путем, и затем переводит их на другие счета, зачастую обналичивая денежные средства за определенное вознаграждение или предоставляя свою банковскую карту мошенникам.

Дропперами часто являются несовершеннолетние лица, которые в силу возраста, наивности и отсутствия надлежащего уровня правовой

[1] «Методические рекомендации о порядке действий в случае выявления хищения денежных средств в системах дистанционного банковского обслуживания, использующих электронные устройства клиента» (утв. АРБ) // «Вестник Ассоциации российских банков». 2013. № 1-2.

осведомленности, становятся легкой целевой группой для вербовки в качестве подставных лиц. Кроме того, несовершеннолетние, достигшие 14-летнего возраста вправе самостоятельно без согласия родителей и законных представителей открывать банковские счета, так как заключение договора банковского счета Гражданский кодекс РФ (статья 26) не называет в числе сделок, которые несовершеннолетние не могут совершать без согласия родителей, усыновителей и попечителя[1].

Процесс вовлечение несовершеннолетних в совершение мошеннических действий, обуславливает актуальность изучения вопросов уголовно-правой оценки противоправных действий несовершеннолетних дропперов.

С позиции общепринятой доктрины уголовного права действия дроппера оцениваются как соучастие в преступлении и квалифицируются по статье Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) с ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ либо без такового, если в статье Особенной части УК РФ указан признак «группы лиц»[2]. С точки зрения правоприменителя, для привлечения лица к уголовной ответственности достаточно самого факта его участия в мошеннической схеме[3].

Определяя преступную роль дроппера, необходимо понимать, что данное лицо не является инициатором преступления, оно лишь выполняет указания другого участника преступной группировки за денежное вознаграждение.

Лицо, которое осуществляет вербовку несовершеннолетнего в качестве дропперов, может являться либо пособником при совершении мошенничества, так как оказывает содействие в совершении преступления, либо подстрекателем в связи с тем, что склоняет несовершеннолетнего к совершению преступления.

Несовершеннолетний дроппер не может выступать пособником при совершении мошенничества, так как подросток зачастую не догадывается с какой целью другим лицам стала необходима его банковская карта. Таким образом, несовершеннолетний не осознает общественную опасность и противоправность своих действий.

Подобные действия несовершеннолетнего по переводу денежных средств или предоставлению банковской карты злоумышленникам влекут за собой негативные последствия как для самих подростков, так и для окружающих.

Если правоохранительными органами будет установлено, что несовершеннолетний предоставил данные своей банковской карты, на которую переводятся похищенные денежные средства, после чего обналичил их и передал

*

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Ахатова А.М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. № 6. С. 1075.

Т.В. Шилова[1], **А.А. Колобова**[2]
[1,2] Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова,
Академии управления МВД России

Проблемные аспекты института приостановления в российском уголовном процессе

Аннотация: в статье проанализированы некоторые проблемные аспекты института приостановления в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены правовые, организационные и практические проблемы, возжигаемые в процессе реализации приостановления предварительного следствия. Сформулированы некоторые предложения по совершенствованию института приостановления
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, институт приостановления, предварительное следствие, проблемные аспекты, уголовный процесс.

Институт приостановления уголовного дела является важным элементом уголовного процесса, который позволяет временно прекратить производство по делу при наличии определенных обстоятельств, препятствующих его дальнейшему расследованию или рассмотрению в суде. Однако, несмотря на свою значимость, этот институт сталкивается с рядом проблем, которые снижают его эффективность и создают условия для злоупотреблений.

Рассмотрим основные проблемы, связанные с приостановлением уголовных дел.

1.Правовые проблемы, к которым относится:

-Нечеткость законодательных формулировок. Нормы, регулирующие приостановление уголовных дел (ст. 208 УПК РФ)[1], содержат недостаточно четкие критерии для принятия такого решения. Это приводит к субъективному толкованию закона и злоупотреблениям со стороны следователей и дознавателей.

-Отсутствие четких сроков приостановления. Закон не устанавливает максимальных сроков приостановления дела, что создает условия для необоснованно длительного приостановления и фактического «замораживания» уголовного процесса. Это нарушает права участников процесса, особенно потерпевших, которые не могут добиться справедливости.

-Проблемы с возобновлением производства. После приостановления дела часто возникают сложности с его возобновлением, особенно если обстоятельства, препятствующие расследованию, не устранены. Это приводит к "висящим" делам, которые годами остаются без движения.

2. Проблемы практической деятельности, к которым относятся:

-Злоупотребление институтом приостановления. На практике приостановление дела часто используется как способ уйти от ответственности или затянуть процесс. Например, следователи могут приостановить дело под

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 18.12.2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 28.02.2025: доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения:03.03.2025).

предлогом невозможности установить местонахождение подозреваемого, хотя реальных поисковых мероприятий не проводится.

-Недостаточный контроль за приостановленными делами. Отсутствие эффективного механизма контроля за приостановленными делами приводит к тому, что многие из них «теряются» или забываются. Это создает условия для коррупции и злоупотреблений.

-Проблемы с уведомлением участников процесса. Закон требует уведомлять участников уголовного процесса о приостановлении дела, но на практике это требование часто игнорируется. В результате потерпевшие и другие заинтересованные лица могут долгое время не знать о статусе дела.

3. Организационные проблемы, в том числе.

-Недостаток ресурсов для розыска подозреваемых:

Одной из наиболее частых причин приостановления дела является неустановление местонахождения подозреваемого. Однако органы следствия и дознания часто не имеют достаточных ресурсов для проведения эффективного розыска, что приводит к формальному приостановлению дел.

-Отсутствие межведомственного взаимодействия. Для устранения обстоятельств, препятствующих расследованию (например, установление личности подозреваемого или его местонахождения), необходимо взаимодействие между различными ведомствами. Однако на практике такое взаимодействие часто отсутствует или осуществляется неэффективно.

4. Проблемы, связанные с правами участников процесса[1]:

-Нарушение прав потерпевших. Приостановление дела часто оставляет потерпевших без возможности добиться справедливости и компенсации причиненного вреда. Это особенно актуально в случаях, когда дело приостанавливается на неопределенный срок.

-Ограничение прав подозреваемых и обвиняемых. Подозреваемые и обвиняемые также страдают от необоснованного приостановления дел, так как это затягивает процесс и продлевает состояние неопределенности[2]. Кроме того, приостановление дела может использоваться как способ давления на обвиняемого.

Считаем необходимым учитывать следующие предложения по совершенствованию института приостановления:

-Уточнение законодательных норм. Необходимо внести изменения в УПК РФ, чтобы четко определить основания и сроки приостановления дел, а также порядок их возобновления.

-Усиление контроля за приостановленными делами. Следует создать механизм регулярного мониторинга приостановленных дел, включая обязательную отчетность следователей и дознавателей перед вышестоящими органами.

---

[1] Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. 672 с.

[2] Васильева Е. Г., Ежова Е. В., Шагеева Р. М. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях конституционного суда РФ в 2 частях. Часть 1. — М.: Юрайт, 2024. 229 с.

-Улучшение взаимодействия между ведомствами. Необходимо наладить эффективное взаимодействие между следственными органами, полицией и другими ведомствами для устранения обстоятельств, препятствующих расследованию.

-Защита прав участников процесса. Участники процесса должны быть своевременно уведомлены о приостановлении дела и иметь возможность обжаловать такое решение. Также важно предусмотреть механизмы компенсации для потерпевших в случае длительного приостановления дела.

-Внедрение современных технологий. Использование современных технологий (например, баз данных, систем видеонаблюдения, цифровых платформ) может помочь в розыске подозреваемых и ускорении расследования.

Таким образом, институт приостановления уголовного дела играет важную роль в уголовном процессе, но его несовершенство создает значительные проблемы, включая злоупотребления, нарушение прав участников процесса и неэффективность расследования. Для решения этих проблем необходимы изменения в законодательстве, усиление контроля и улучшение взаимодействия между ведомствами. Только так можно обеспечить баланс между интересами правосудия и защитой прав граждан.

Литература

1. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. 672 с.

2. Васильева Е. Г., Ежова Е. В., Шагеева Р. М. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях конституционного суда РФ в 2 частях. Часть 1. — М.: Юрайт, 2024. 229 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 18.12.2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 28.02.2025: доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

Сведения об авторах

Безрукова София Михайловна – курсант 45 учебной группы Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, рядовой полиции.

Будина Татьяна Олеговна – курсант 3 курса факультета юриспруденции Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

Васильева Надежда Леонидовна- ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова, профессор кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Вдовцев Павел Викторович – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук.

Гаджирагимов Руслан Рахманович – курсант 40 учебной группы Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, рядовой полиции.

Галдин Максим Владимирович – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции

Галкин Денис Викторович – кандидат юридических наук**,** доцент, доцент кафедры криминалистики Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции

Гамалей Артем Александрович - доцент кафедры Теории и истории права и государства Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева (ДВФ филиал), кандидат юридических наук

Горчакова Екатерина Витальевна – доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, полковник полиции.

Добрынин Даниил Андреевич – слушатель 56 учебной группы, Дальневосточного юридического института МВД РФ имени И.Ф. Шилова, младший лейтенант полиции.

Ефремова Анна Евгеньевна- курсант 3 курса факультета юриспруденции Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

Замалеева Светлана Владимировна – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, полковник полиции, кандидат юридических наук, доцент

Зорина Олеся Романовна – адъюнкт адъюнктуры Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, лейтенант полиции.

Игнатьева Ирина Леонидовна - старший преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, подполковник полиции

Казачек Елена Юрьевна - старший преподаватель кафедры криминалистики Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции.

Калашников Вячеслав Константинович - студент 4 курса Восточного институт-школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета

Каркошко Юрий Сергеевич – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции.

Качейкин Глеб Алексеевич – старший следователь ВСО по гарнизону залив Стрелок ВСУ СК России по Тихоокеанскому флоту, капитан юстиции

Колобова Анастасия Александровна – адъюнкт 1 курса Академии управления МВД России, лейтенант полиции

Киселёв Евгений Александрович – заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, канд. юрид. наук, доцент, полковник юстиции

Крестьянинова Полина Владимировна - студент 4 курса Дальневосточного филиала РГУП имени В.М. Лебедева, г. Хабаровск

Крючкова Валентина Феликсовна - доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук**,** доцент полковник юстиции

Кульчарова Альбина Владимировна – доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции

Курченко Марина Юрьевна – преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, подполковник полиции

Лиликин Артем Александрович – преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, капитан полиции

Лунева Анна Владимировна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (Дальневосточный филиал), г. Хабаровск, к. ю. н., доцент

Мальцева Анастасия Викторовна - преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Российского государственного университет правосудия имени В.М. Лебедева (Дальневосточный филиал) г. Хабаровск

Малиновский Алексей Сергеевич – старший следователь СО по Первомайскому району г. Владивостока СУ СК России по Приморскому краю, майор юстиции

Мартынова Ольга Анатольевна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева», кандидат юридических наук, доцент

Новгородов Константин Александрович – следователь по ОВД СУ СК России по Забайкальскому краю, подполковник юстиции

Омельяненко Наталья Евгеньевна -– студентка 4 курса очной формы обучения ДИ ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск

Осипова Татьяна Викторовна – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции

Османова Надежда Валерьевна – декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент

Покотилова Алена Евгеньевна - магистрант Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (Дальневосточный филиал), г. Хабаровск

Попова Юлия Алексеевна - студентка 4 курса очной формы обучения ДИ ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск.

Пудовикова Татьяна Феликсовна - доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент.

Рязанова Полина Евгеньевна – адъюнкт адъюнктуры Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, лейтенант полиции.

Семенчук Василий Владимирович – начальник кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, кандидат экономических наук, доцент, полковник полиции.

Сидоров Ярослав Юрьевич – судья Центрального районного суда г. Хабаровска

Сидякина Надежда Романовна – слушатель Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, младший лейтенант полиции.

Старадубова Ксения Сергеевна – курсант 3 курса факультета юриспруденции ФГКОУ ВО «Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова», рядовой полиции.

Тарасенко Роман Викторович – преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, капитан полиции

Трубачев Никита Андреевич – преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, старший лейтенант полиции.

Трубчик Ирина Степановна - директор Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, заслуженный юрист Российской Федерации

Хазизулин Виталий Билалуевич - кандидат юридических наук, и.о. заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, полковник юстиции (в отставке), младший советник юстиции

Чепик Марина Михайловна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, майор полиции

Шевченко Анастасия Алексеевна – адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, лейтенант полиции

Шитова Татьяна Васильевна – доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат исторических наук, подполковник полиции

Шулятицкий Иван Андреевич – курсант 2 курса факультета юриспруденции Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, рядовой полиции

Содержание

Трубчик И.С. Приветственное слово **3**
Васильева Н.Л., Будина Т.О. Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве отдельных следственных действий **6**
Васильева Н.Л., Ефремова А.Е. Экспертные ошибки процессуального характера и пути их предупреждения **11**
Вдовцев П.В. Досудебное сотрудничество с обвиняемым: анализ отдельных спорных положений закона **14**
Галдин М.В. Об обеспечении участия педагога (психолога) в производстве процессуальных действий с несовершеннолетним **18**
Галкин Д.В. Новации уголовного закона по борьбе с «бумажным НДС» **23**
Галкин Д.В. Цифровизация как фактор дальнейшего реформирования досудебного производства по уголовным делам **28**
Гамалей А.А. Ошибки в правоприменении: понятие и виды **33**
Горчакова Е.В. О проблемах правовой регламентации оснований для избрания мер пресечения **38**
Горчакова Е.В., Шулятицкий И. А. Проблемы реализации принципа разумного срока на стадии досудебного производства **41**
Добрынин Д.А. Практическое значение и возможности использования результатов контроля и записи переговоров в ходе расследования преступлений **46**
Замалеева С.В. Об истории возникновения и развития института обыска как следственного действия **51**
Зорина О.Р. К вопросу об обоснованности изменения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления **56**
Игнатьева И.Л. Особенности производства обыска жилище в отношении специальных субъектов **60**
Игнатьева И.Л., Гаджирагимов Р.Р. Уголовно-процессуальные ошибки в деятельности адвоката **63**
Казачек Е.Ю. Использование электронных систем (бортового компьютера) автомобиля в качестве источников криминалистически значимой информации, при расследовании преступлений **66**
Казачек Е.Ю. Особенности расследования коррупционных преступлений, совершенных в сфере миграции **70**
Калашников В.К. Использование данных извлекаемых из мобильных устройств в целях расследования преступлений **75**
Каркошко Ю.С. Недостижение лицом возраста привлечения к уголовной ответственности: некоторые особенности уголовного судопроизводства **78**
Каркошко Ю.С. Производство следственных действий в жилище: некоторые процессуальные аспекты **81**
Качейкин Г.А. Особенности производства допроса в статусе свидетелей военнослужащих вооруженных формирований Украины в период проведения специальной военной операции **84**
Киселёв Е.А. Использование больших языковых моделей в расследовании преступлений: возможности и перспективы **88**
Крестьянинова П.В., Мальцева А.В. «Добровольное согласие на заражение ВИЧ-инфекцией» **92**

Крючкова В.Ф. Практика возмещения ущерба по делам коррупционной направленности. Проблемы, требующие законодательного регулирования **97**
Крючкова В.Ф. Осуществление процессуального контроля по уголовным делам о врачебных ошибках. Проблемы, возникающие в процессе расследования и пути их разрешения (по материалам круглого стола «Проблемы осуществления процессуального контроля и пути их устранения», состоявшегося 22.01.2025 г. в Хабаровском филиале Московской академии СК РФ имени А.Я. Сухарева) **101**
Кульчарова А.В. Особенности избрания и применения меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части **104**
Курченко М.Ю. Актуальные проблемы правоприменительной практики производства контроля и записи телефонных и иных переговоров **107**
Курченко М.Ю., Безрукова С.М. Вопрос об обязательном участии специалиста при изъятии электронных носителей информации **112**
Лиликин А.А. Использование искусственного интеллекта в выявлении преступлений в сфере лесопромышленного комплекса (на примере Хабаровского края) **116**
Лиликин А.А., Старадубова К.С. К вопросу о неэффективности дознания в сокращенной форме на современном этапе уголовного досудебного производства России **121**
Лунева А.В., Омельяненко Н.Е., Попова Ю.А. Обеспечение безопасности свидетелей в уголовном процессе **127**
Малиновский А. С. Актуальные проблемы досудебного производства **132**
Мартынова О.А. Особенности применения домашнего ареста в законодательстве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ **136**
Новгородов К.А. Проверка показаний на месте: Вопросы тактического характера. Ошибки, совершаемые следователями при производстве проверки **142**
Осипова Т.В. Проблемы, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (по материалам круглого стола «Проблемы осуществления процессуального контроля и пути их устранения», состоявшегося 22.01.2025 в Хабаровском филиале Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева) **146**
Осипова Т.В. Осуществление процессуального контроля за расследованием коррупционных преступлений в сферах государственных закупок, ЖКХ, автодорожного хозяйства и здравоохранения. Проблемы, возникающие в процессе расследования и пути их разрешения (по материалам круглого стола «Проблемы осуществления процессуального контроля и пути их устранения», состоявшегося 22.01.2025 в Хабаровском филиале Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева) **151**
Османова Н.В. Функция уголовного преследования: ее содержание и значение **154**
Подгорная Н.В. Современный терроризм: понятие и виды **159**
Покотилова А.Е., Лунева А.В. Отказ государственного обвинителя от обвинения и его последствия **166**
Пудовикова Т.Ф. К вопросу о взаимодействии следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при подготовке и назначении фоноскопической и лингвистической судебных

экспертиз по уголовным делам о преступлениях экономической направленности **173**
Рязанова П.Е. Совершенствование механизмов противодействия экономическим преступлениям в сфере строительства и ввода в эксплуатацию объектов недвижимости **177**
Семенчук В.В. Условия использования результатов оперативно-розыскной деятельности для обоснования наложения ареста на имущество **182**
Сидоров Я.Ю. Возможность продолжить заниматься преступной деятельностью как основание избрания меры пресечения **188**
Сидякина Н.Р. Особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого **197**
Тарасенко Р.В. Проблемы осмотра места происшествия в жилище в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении **200**
Трубачев Н.А. Отдельные вопросы исчисления процессуальных сроков при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления **204**
Трубчик И.С. Наложения ареста на имущество при расследовании уголовных дел коррупционной направленности **208**
Хазизулин В.Б. Противодействие коррупции путём использования результатов предварительного расследования в гражданском и административном судопроизводстве **211**
Чепик М.М. Проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий **214**
Шевченко А.А. Проблемы уголовно-правовой оценки противоправных действий несовершеннолетних дропперов **218**
Шилова Т.В., Колобова А.А. Проблемные аспекты института приостановления в российском уголовном процессе **220**
Сведения об авторах **223**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сборник материалов
Межрегионального научно-практического круглого стола

(26 марта 2025 г.)

В авторской редакции

Подписано в печать: 11.06.2025
Формат 60х90 1/16
Усл. печ. л. 15,2
Тираж 50 экз.
Компьютерная верстка,
техн. редактирование – И.Д. Нестерова.

Заказ № 511

Отпечатано в типографии Московской академии
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
ул. Врубеля, д. 12